

А. А. Шибанов

Подражательные слова в удмуртском языке

гизьыр-гизьыр

кежыр-кежыр

угу-гу-у

резь

зйрак

огыр-бугыр

вальыр-вальыр

чупыр-чупыр

пышы-пышы

чир-чир

шыбыр-шыбыр

юзыр

йыг-дым

дыбыр-йыг

нюж-няж

сюр-вай

чажыр

шапыр

чингыль

гультыр-гультыр

ялтырак

люр-ляр

тарарат

мась-мась

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

А. А. Шибанов

**Подражательные слова
в удмуртском языке**

Монография

Ижевск 2017

УДК 811.511.131'366
ББК 81.2Рос-Удм
Ш55

Ответственный редактор
кандидат филологических наук, доцент Н. Н. Тимерханова

Рецензенты:
кандидат филологических наук, доцент Д. А. Ефремов,
кандидат филологических наук, доцент С. Н. Широкова

Шибанов А. А.

Ш55 Подражательные слова в удмуртском языке: Монография / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск: Издательство «Шелест», 2017. – 201 с.

ISBN 978-5-906027-67-2

Предлагаемое вниманию читателей монографическое исследование посвящено рассмотрению грамматических особенностей подражательных слов удмуртского языка, представляющих собой оригинальную группу. Работа описывает состояние подражательных слов удмуртского языка в синхронном аспекте, т. е. современное ее состояние. Основным материалом для исследования послужили оригинальные тексты публицистической и художественной литературы на удмуртском языке. Также привлекались диалектные материалы анализируемого языка.

Монография адресована для широкого круга читателей: студентам, научным сотрудникам, краеведам, работникам печати и всем интересующимся вопросами морфологии, синтаксиса и словообразования удмуртского языка. Представляет интерес для специалистов в области финно-угорской филологии.

ISBN 978-5-906027-67-2

УДК 811.511.131'366
ББК 81.2Рос-Удм

© Шибанов А. А., 2017

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

0. Введение	4
1. Подражательные единицы как объект лингвистических исследований	8
1.1. Подражательные слова в лингвистике	8
1.2. Определение звукоподражания и его значение	12
1.3. Отличие подражательных слов от междометий и наречий	16
2. Подражательные слова удмуртского языка	24
2.1. К вопросу об изученности подражательных слов в удмуртском языке	24
2.2. Лексико-семантическая классификация подражательных слов	36
2.2.1. Звукоподражательные слова	41
2.2.2. Образоподражательные слова	60
2.3. Подзывные слова	66
2.4. Структура подражательных слов	74
2.4.1. Корневые слова	75
2.4.2. Производные слова	80
3. Значения и словообразовательный потенциал подражательных слов	86
3.1. Словообразовательный потенциал подражательных слов	86
3.2. Значения подражательных слов	107
4. Синтаксические функции подражательных слов	122
Заключение	133
Список использованной литературы	138
Источники исследования	153
Условные сокращения	157
<i>Приложение</i> . Подражательные слова, зафиксированные в Удмуртско-Русском словаре (2008)	158

0. ВВЕДЕНИЕ

«Язык и общество – одна из центральных проблем современной лингвистики, связанной с исследованием общественного характера возникновения, развития и функционирования языка, природы его связей с обществом, его социальной дифференциации в соответствии с разделением общества на классы, слои и группы, социальных различий в использовании языка, функционального многообразия языка в связи с многообразными сферами его применения, взаимоотношения языков в дву- и многоязычных обществах, условий приобретения одним из языков функций средства межнационального общения, формы сознательного воздействия общества на язык и т. п.

Существует непосредственная связь возникновения языка с возникновением человеческого общества» [ЛЭС 1990: 607].

Вопрос о происхождении языка был поставлен еще в античности в рамках общих философских дискуссий о сущности языка. Такая проблема, в частности, поднималась в работах Гераклита, Пармедона из Элеи, Эмпедокла, Демокрита, Протагора, Горгия, Продика. В соответствии со взглядами на данную проблему можно выделить два направления. Первое отстаивало естественный, «природный» характер языка и закономерную, биологическую обусловленность его возникновения и структуры (теория «фюсей» – «по природе»). Второе направление (теория «тесей» – «по положению», «по установлению») утверждало условный, не связанный с сущностью вещей характер языка и, следовательно, искусственность, в крайнем выражении – сознательный характер его возникновения в обществе.

Теория «фюсей» предполагала оноματοпоэтическое происхождение языка. Как отмечает Б. В. Якушин, слово «оноματοпея» в древнегреческой литературе означало название вещей, «словотворчество».

В настоящее время его значение сузилось¹. Ономатопоэией стали называть звукоизобразительные явления в языке [1984: 17–18].

Считая каждое слово ономатопоэическим по происхождению, стоики выдвинули теорию звукоподражания (III в. до н. э.). Теория звукоподражания (ономатопоэическая теория) является одной из теорий происхождения языка, согласно которой «язык возник в результате того, что человек подражал звуковым (и незвуковым) признакам называемых объектов» [ЛЭС 1990: 165].

Ономатопоэическая теория, по высказываниям Б. В. Якушина, различает два способа образования звукоизобразительных слов: непосредственное подражание внешнему звучанию – звукоподражательное слово (булькать) и ассоциативное сходство звучания слова с признаком предмета – звукообразное слово² [1984: 21].

¹ Первичная звукоизобразительность могла иметь следующие истоки (переплетающиеся между собой):

1. Воспроизведение «естественных устных звуков», т. е. звуковых физиологических процессов, производимых человеческим ртом и носом, а также аффективных выкриков – междометий в узком смысле слова.

2. Подражания звукам, производимым внешней природой (а также неречевыми органами человека), т. е. собственно звукоподражание.

3. Озвучивание первоначально беззвучных «подражательных жестов рта и носа», подражающих движению или форме внешних предметов. Эти жесты могут первоначально предназначаться для зрительного восприятия и, таким образом, относятся к так называемому «языку жестов», или же производятся бессознательно в качестве «симпатических движений».

4. «Лепетные детские» слова, где наиболее легкие для ребенка звуко сочетания становятся (при помощи воспитателей) обозначениями наиболее близких к ребенку лиц [Газов-Гинсберг 1965: 3–4].

² В изложении Августина (353–430 г. н. э.) стоики представляли установление имен следующим образом. Некоторые первые слова обладали сходством по звучанию со звучием обозначаемой вещи, т. е. были звукоподражательными. Ощущение звучания вещи формировало звучание слова. Примером таких слов являются: *hinnitus* ‘ржание лошадей’, *clandor* ‘звучание труб’, *stridor* ‘скрип цепей’.

Для тех же предметов и явлений, которые не звучат, имеет значение, как они воздействуют на чувства. В соответствии с этим и подражаются звуки для их обозначения. Например, мягко звучат слова *lene* ‘мягкое’, *voluptas* ‘наслаждение’, *mel* ‘мед’. Неприятное обозначается грубыми звуками: *asperitas*

Выдвинутая еще стоиками проблема звукоподражания до настоящего времени остается нерешенной во многих языках мира, хотя изучение материала подражательного характера является весьма интересным и ценным. Сопоставление различных подражательных форм одних языков с подобными формами других языков, причем, как родственных, так и неродственных, позволяет глубже проникнуть в историю взаимодействующих языков. Не секрет, что подражательные слова различных языков дают самый разнообразный материал для лингвистов. Так, например, сравнивая звукоподражательные глаголы уральских языков, Б. А. Серебренников пишет, что одной из примечательных особенностей уральских языков является то, что звукоподражательные глаголы в этих языках характеризуются особыми суффиксами, тогда как во многих других языках подобные глаголы никаких особых суффиксов не имеют [1976: 237].

Не вызывает никаких сомнений, что вопрос, определяющий общие особенности подражательных слов в современном удмуртском литературном языке посредством всестороннего комплексного изучения

‘грубость’, *cruх* ‘крест’. Другой способ получения новых слов – перенос старых слов на смежные предметы. Слово *piscina* ‘бассейн’ получилось из *piscis* ‘рыба’ по причине воды, в которой живут рыбы [Якушин 1984: 18–19].

Г. В. Лейбниц (1646–1716), знаменитый немецкий философ и ученый XVII–XVIII в., придерживался звукоподражательной теории в том ее варианте, который сложился у стоиков. Он был сторонником теории общественного договора о законах человеческой жизни. Им было высказано несколько лингвистических идей: в частности, о происхождении языков, о генеологической их классификации, о возможности создания общечеловеческого философского языка. Слово образовалось по стихийному, интенсивному подражанию их звучаний тем впечатлениям, которые производили на первых людей окружающие их вещи и животные, говорил он.

Данной точки зрения придерживался и де Бросс, интерес у которого вызвали первобытные народы Африки и Австралии. В 1765 году он опубликовал книгу «Рассуждения о механическом составе языков и физических начал этимологии». Автор наблюдал за тем, как люди остальных племен создают «названия новых предметов», и пришел к выводу, что «основной источник слов – это звукоподражание: дикарь ружье называет *ну*, а птицу *куку*. Если же предметы, а тем более действия не звучат, то голос подражает образу обозначаемого предмета: если предмет содержит в себе пустоту, то и голос должен звучать как бы из пустоты, если предмет груб, то и голос грубеет» [Якушин 1984: 22].

и тщательного систематического лингвистического анализа, назрел и может быть частично разрешен в данном исследовании.

Следует отметить, что представленная работа описывает состояние подражательных слов удмуртского языка в синхронном аспекте, т. е. современное ее состояние. Основным материалом для исследования послужили оригинальные тексты публицистической и художественной литературы на удмуртском языке. Также привлекались диалектные материалы анализируемого языка, собранного в ходе диалектологических экспедиций в северных районах Удмуртской Республики. Все удмуртские примеры даны с переводом на русский язык. В тех случаях, когда смысловой перевод на русский язык далек от оригинала, дается буквальный перевод слова / конструкции.

Значимость работы состоит в том, что всестороннее комплексное исследование подражательных слов удмуртского языка на примере богатого фактического материала способствует определению проблемных сторон, связанных с данной категорией слов в удмуртском языкознании и в финно-угроведении. Изучение семантических особенностей подражательных слов имеет значение для выявления основных тенденций в развитии словарного состава удмуртского языка. Данная работа вносит значительную ясность в определение статуса и характера функционирования подражательных слов, дополняя и уточняя тем самым отдельные положения теории частей речи в современном удмуртском языкознании.

1. ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Подражательные слова в лингвистике

Связь между формой и значением слова пытались установить еще в древности. Первые попытки осветить положение о «естественном праязыке» можно найти у древнегреческой школы стоиков в форме так называемой «теории фюсей» («природа, отприродность»); связь звука со смыслом объяснялась ими с точки зрения «подражания звукам» (воспроизведения звуков, производимых человеком и внешней природой). В последующие столетия значительное распространение имели такие теории происхождения языка, как звукоподражательная, ономатопоэтическая, междометий, трудовых выкриков и различные ее варианты. Таким образом, изучение звукоподражательных слов шло, в основном, в русле проблемы происхождения языка [ЭР].

Вопросы образования связи звука со смыслом, более или менее широко привлекавшие звукоизобразительные истоки, занимали умы таких ученых, как Святой Августин, Фома Аквинский, Жан Жак Руссо, Рене Декарт и др. В России о связи звука и значения говорил М. В. Ломоносов и др. [ЭР 1].

В период с XII по XIX вв. изучение ономатопоэзии (звукоподражания) и звукоимитации идет в значительной мере в плане ономатопоэтической (звукоподражательной) и междометной теорий происхождения языка. В этой связи следует назвать, прежде всего, работы Т. В. Лейбница, И. Г. Гердера, В. Гумбольдта, Г. Штейнталя, В. Вунта и Г. Пауля, в которых различным образом развивается гипотеза об

отприродной связи между звучанием слова и его значением. Не умаляя значимости работ этих авторов, все же следует отметить, что многие свои обобщения эти исследователи строили на достаточно ограниченном фактическом материале, и методика исследований зачастую была недостаточно строгой; к тому же эти ученые нередко непомерно расширяли и абсолютизировали принцип звукоподражания. В дальнейшем исследователи отказались от поспешных обобщений абстрактных умозрительных построений, обращая больше внимание на строгость научной методики исследования.

Специальные работы, посвященные этому вопросу, стали появляться лишь в конце XIX начале XX вв. Большое количество работ, посвященных изучению ономастов (звукоподражаний), объясняется интересом к этой необычной группе слов. Неоспоримый вклад в изучение ономастопозитических слов внесли ученые-тюркологи. В России создателем лингвистического учения о мимемах был чувашевед Н. И. Ашмарин. В его работе «Подражание в языках Среднего Поволжья» представлен значительный лексический материал – более 350 первичных и производных имитативов (мимем) из чувашского языка. Выявленные имитативы он распределяет по 5 категориям:

1) звукоподражания (мимемы – звуковые образы голосов и криков животных, акустических эффектов от действий человека и от движения тел неживой природы);

2) подражания явлениям движения и, в частности, световым;

3) подражания звуковым явлениям, источником которых являются части речевого аппарата, или отпечаточные слова;

4) подражания явлениям незвукового порядка, имеющим место в человеческом организме;

5) отпечаточного типа детские слова [1925: 15].

Работа Н. И. Ашмарина «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке» [1928], включающая более 1600 имитативов, является самой богатой по количеству собранного материала. В ней рассмотрены «морфологические группы чувашских мимем», образованных по моделям: Г (гласная), ГГ (гласная+гласная), ГС (гласная+согласная) и т.д., всего обнаружено или предсказано 115 типов структур.

По мнению автора, особенностью тюркских и финно-угорских подражательных слов является однообразие их строения, так как они

распределяются по четко очерченным рядам (группам), легко укладывающаяся в совершенно определенные формулы.

Другой чувашский языковед Г. Е. Корнилов проблеме звукоизобразительности посвятил монографию и несколько статей. По его мнению, этимологический анализ не позволяет углубиться в историю происхождения слова далее односложной корневой морфемы, ограничивает возможности при исследовании истории происхождения языка и примарной мотивированности языкового знака. Г. Е. Корнилов считает, что имитатив – это музыкальный образ, включающий в себя понятие о характерном признаке, свойстве, качестве отображаемого; это результат мысленного и художественно-эмоционального восприятия объекта, явления одновременно. Он предлагает под термином «имитатив» подразумевать «не подражание звукам и звучаниям, а подражание объектам, процессам, состояниям, качествам с помощью звуков и звучаний» [1984: 15].

А. М. Газов-Гинзберг, проанализировав звукоизобразительные корни более 10-ти неродственных языков, сделал вывод «об исконной, отприродной связи звука со смыслом при возникновении человеческого языка». Предложенная им классификация звукоизобразительных корней состоит из 4-х групп:

- 1) «внутреннее» звукоизображение (воспроизведение звуковых физиологических процессов, производимых человеческим ртом и носом, а также аффективных выкриков-междометий);
- 2) «внешнее» звукоизображение (собственно звукоподражание);
- 3) озвучивание первоначально беззвучных «подражательных» жестов рта и носа, подражающих движению или форме предметов;
- 4) «лепетные» детские слова [1965: 3–4].

С. В. Воронин в своих исследованиях значительное внимание уделяет теоретическим вопросам звукоизобразительности, он в качестве важнейшего инструмента исследования звукоизобразительности вводит понятие фонемотипа – акустического или артикулярного типа фонем [1982: 108]. Другим важным моментом в работах С. В. Воронина является четкое разграничение звукоизобразительной системы языка на 1) звукоподражательную и 2) звукоимитационную подсистемы [1982: 21; 1990: 5–6].

Теснейшим образом связана разработка вопросов звуковой отражательности (изобразительности) и происхождения звуков в трудах Д. В. Бубриха [1948] и И. И. Горелова [1980]. Вопросы, касающиеся

звукоподражательных слов, активно исследовались и исследуются в древних и современных языках различных языковых семей различными учеными¹. В этих исследованиях нашли освещение фонетические, структурные, семантические и синтаксические особенности междометий и звукоподражаний, их классификации, а также функционально-коммуникативные характеристики звукоподражаний. Хотя на материале отдельных языков и отмечается неразработанность проблем звукоизобразительности, где оноματοпы приводятся преимущественно в качестве примера действия фонетико-фонологической мотивировки или же включаются в исторический обзор в рамках теории номинации, в плане исследования звуковой изобразительности в целом сделано многое. Исследователями, в частности, отмечаются следующие результаты:

- 1) собран обширный фактический материал;
- 2) предложены универсальная и частнолингвистические классификации оноματοпов;
- 3) выявлены закономерности в характере соотношения между звукоподражательным словом и его денотатом;
- 4) установлен сложный, в структурно-семантическом отношении, характер корня звукоподражательного слова;

¹ Звукоподражательные слова по отдельным языкам исследовали: по русскому языку – [Добровольский 1894; Германович 1948, 1954, 1961, 1966; Карпов 1971; Реформатский 1963; Третьякова 1985; Казарин 2000; Шляхова 1991, 1998, 1999, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006]; по английскому языку – [Воронин 1982, 2004; Климова 1986, 1999; Лихоманова 1986; Brinton 1987; Twaddell 1939]; по немецкому языку [Быстрова, Левицкий 1973; Глухарева 1978; Жерновой, Левицкий 1988; Кушнерик 1982; Хабибуллина 2003; Джукаева 2010]; по тюркским языкам [Щербак 1987; Ашмарин 1918, 1925, 1928; Корнилов 1984]; по финно-угорским языкам [Майтинская 1964; Шибасова 2006; Заводова 1962; Имайкина 1968; Липатова 2004; Гордеев 1981; Рожанский 2002; Скаличка 1967; Левицкий 1977; Тараканов 1990, 1998; Куратов 1939; Сахарова 1949; Бубрих 1948; Кривощекова-Гантман 1962, 1964; Шляхова, Петрова 2000; Шляхова 2012; Алатырев 1947; Соколов 1996; Максимов 1994; Шибанов 2001, 2001, 2003, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2013; Пылма 1967; Вельди 1988; Veldi 1987; 1989; Хакулинен 1953; Antilla 1975, 1976, 1977] и др.

Из зарубежных лингвистов хотелось бы отметить таких ученых, как W. Aston [1894], O. Attridge [1984], R. Bladon [1977], A. Flohlich [1925, 1927], H. Gieason [1955], L. Grey [1939], Z. Harris [1960], H. Marchland [1958], J. Ries [1931], G. Rump [1976], L. Tesniere [1936] и т. д.

- 5) введено понятие фоносистемы и фонотипа;
- 6) обращено внимание на применимость понятия модели к словообразованию звукоизображений;
- 7) доказана системность оноματοпеи;
- 8) положено начало изучения типологии звукосистем и фоносемантических универсалий.

В настоящее время изучение звукоизобразительной лексики продвинулось далеко вперед, она исследуется по направлениям, которые, с известной долей условности, можно определить как:

- 1) семиотические исследования;
- 2) онтогенетические исследования;
- 3) экспериментальные психолингвистические исследования;
- 4) исследование роли звукового символизма в грамматике;
- 5) стилистические исследования;
- 6) структурно-таксономические исследования, т. е. исследования звукоизобразительной лексики с целью выявления ее особенностей с точки зрения строения и классификации;
- 7) этимологические исследования;
- 8) типологические исследования;
- 9) фоносемантические исследования.

Вместе с тем, несмотря на то, что в исследовании звуковой изобразительности в целом сделано многое, проблема звукоподражаний не теряет своей актуальности. Продолжают оставаться дискуссионными вопросы частеречной принадлежности подражательных слов, разграничения их от междометий, определения специфики их значения, роли в тексте, в языке детей, детской литературе, проблема их перевода и т.д.

1.2. Определение звукоподражания и его значение

В научной литературе существуют различные термины для обозначения звукоподражаний: *подражание* (Платон), *мимема* (от греч. *mimētai* – подражание) [Ашмарин 1918, 1928], *изобразительные слова, подражательные слова, образные слова* [Кудайбергенов 1957,

Худайкулиев 1959, Кунгуров 1962], *имитатив* [Корнилов 1978], *звукоподражательное слово – ономатоп* [Воронин 1969] и др.

Такое большое количество терминов, используемых для обозначения звукоподражательных слов, может объясняться длительным интересом лингвистов к изучению этого разряда слов. Несмотря на существование различных терминов, используемых для обозначения понятия «звукоподражательное слово», семантика их зачастую отражает единообразное понимание сути описываемого явления. Подтверждением этому являются определения, представленные в различных словарях.

Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю и С. В. Воронину, пионеру в области фоносемантики, звукоподражание (ономатопея) – это закономерная не произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустич.) признаком денотата (мотивом). Звукоподражание также определяют как условную имитацию звучаний окружающей действительности фонетическими средствами данного языка [Воронин 1990: 5; ЛЭС 1990: 165; БЭС 1998: 165].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой звукоподражания определены следующим образом: «1. Условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист, и т. п.), а также крики животных. 2. Создание слов, звуковые оболочки которых в той или иной степени напоминают называемые (обозначаемые) предметы и явления» [1969: 157].

В большой советской энциклопедии звукоподражательные и изобразительные слова рассматриваются следующим образом: «Звукоподражательные слова, слова, условно имитирующие неречевой звукокомплекс фонетическими средствами данного языка» [БСЭ 1972, Т 9: 440]; «Изобразительные слова (звукоизобразительные, ономатопозитические), слова, в которых звучание частично предопределено значением слова. Различаются звукоподражательные слова, использующие звуки, акустически напоминающие обозначаемое явление; звукообразные слова, в которых звук создает образное впечатление о форме предметов, их движении, расположении в пространстве, качествах и пр. на основе ассоциаций между звуками и незвуковыми явлениями» [БСЭ 1972, Т 10: 86].

Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова дают следующее определение: «Звукоподражательные слова. Слова, по своему звуковому оформлению являющиеся воспроизведением рефлексивных восклицаний людей, звуков

и криков, издаваемых животными, птицами, звуков явлений природы, звуков, издаваемых предметами и т. д. ... Используются как экспрессивно-стилистическое отображения действительности» [ССЛТ 1985: 81].

Похожую картину можно встретить и в зарубежных словарях. Например, в словаре «Le Grand Robert de la langue française» ономотопея – это создание слова, напоминающего определяемый объект, в связи с использованием приема фонетического уподобления; а также сами звукоподражательные лексические единицы. Составители словаря предлагают следующую классификацию звукоподражаний:

- 1) звукоподражания, имитирующие звуки природы (например, крики животных) или объекты окружающей действительности;
- 2) звукоподражания в детском языке;
- 3) искусственно созданные звукоподражания [ЭР 2].

В словаре «Grand Larousse de la langue française» дается определение, которое перекликается с приведенными нами выше: «Ономотопея – это процесс создания слова, значение которой тесно связано с восприятием на слух звуков, издаваемых живыми существами или объектами окружающей действительности, а также лексическая единица, созданная в результате этого процесса и обозначающая какой-либо звук, животное или вещь» [ЭР 2].

Явление звукоподражания, как отмечает Айвазова, нуждается в четком отграничении от родственных сходных с ним явлений и выделением его из всей звукоподражательной системы языка. Ученые часто рассматривали всю систему звукоизобразительной лексики недифференцированно, хотя эта система состоит из 2-х подсистем: 1) звукоименно-волической (с неакустическим денотатом); 2) звукоподражательной (с акустическим денотатом) [ЭР 3].

В современной науке о языке звукоподражания, как правило, становятся объектом исследования морфологии. Это результат того, что звукоподражательные лексические единицы являются важным элементом некоторых продуктивных моделей словообразования и участвуют в пополнении словаря новыми лексемами. Звукоподражательные языковые единицы можно встретить в различных художественных текстах, где они представляют собой неотъемлемую часть текста, придающую ему экспрессивность и оригинальность.

Следует отметить, что явление ономотопеи представляет немалый интерес для такой науки как семиотика. В отличие от других языковых

единиц, звукоподражательные слова являются иконическими знаками, то есть такими, которые воспроизводят некие признаки объекта. Действительно, обычные слова характеризуются произвольностью связи между значением и формой: то, что предмет, с помощью которого едят, обозначается словом «вилка» никак не связано с реальными свойствами этого предмета. Это пример немотивированного знака, поскольку его звуковой облик ничем не мотивирован. Что касается звукоподражаний, их звуковой состав нельзя назвать случайным: он мотивирован реально существующим звуком внешнего мира. Следовательно, можно говорить о том, что прямое сходство со звуками окружающей человека действительности является одной из особенностей звукоподражаний.

С другой стороны, звукоподражания относятся к единицам языка, соответственно, используют его звуковой состав. Именно в этом кроется причина того, что звукоподражания не могут полностью повторить естественные звуки, и не являются идентичными им. Это объясняет тот факт, что, несмотря на некоторые сходства, звукоподражательные слова разных языков часто не совпадают. Подобное несоответствие звукоподражаний в разных языках сложно объяснить. Однако одна из причин, возможно, заключается в том, что звуки-источники сами по себе нередко имеют достаточно сложную природу, поэтому их точная имитация не представляется возможной. Носители разных языков выбирают для подражания одну из их составных частей.

Количество звукоподражаний в каждом языке разное. Иногда посчитать их точное число не представляется возможным. Как правило, существуют общеупотребительные звукоподражания, которые даже могут быть занесены в словари (см. Приложение). Есть также и такие уникальные звукоподражания, создающиеся по мере необходимости, в тех случаях, когда человек сталкивается с какими-либо непривычными явлениями и звуками внешнего мира.

Состав звукоподражательных слов в разных языках тоже очень сильно отличается. Это часто связано с географическим расположением стран, а также с культурными особенностями народа-носителя языка.

Звукоподражания являются носителями информации и могут быть использованы в качестве средства общения. Общеизвестные звукоподражания имеют определенный, не меняющийся состав. К примеру, ономапея, имитирующая крики животных, всеми носителями конкретного языка воспринимается одинаково. Соответственно, звукоподражания

имеют определенное, общепринятое смысловое содержание. Именно в связи с тем, что звукоподражания обладают постоянной звуковой формой, а также смысловым содержанием, нам представляется справедливым утверждение о том, что они являются полноценными словами.

Звукоподражания тесно связаны с таким понятием как «звукоизобразительность». Исследованиями этого явления и его типологией занимались такие американские ученые, как Д. Охала, Л. Хинтон, Д. Николас и др. Данная типология предполагает наличие следующих типов изобразительности языкового знака:

физический тип – звуки, обозначающие внутреннее состояние, а также непроизвольные звуки, такие как кашель или чихание;

имитативный – ономотопы, отражающие звуки окружающего мира (*например*, стук в дверь или звук часов);

синестетический – акустическое выражение неакустических явлений, которые передают определенные признаки описываемого предмета с помощью определенных гласных или согласных;

конвенциональный – фоностемы или определенные сочетания звуков, придающие слову определенную окраску [ЭР 2].

Явление ономотопии также тесно связано с таким понятием как звукофера, которое охватывает всю звуковую действительность носителей языка. В широком смысле звукофера представляет собой мир звуков, который существует независимо и вне человека и воплощается в его слуховых ощущениях. В более узком понимании она рассматривается как некое звуковое пространство, заполненное разнотипными звуковыми системами, позволяющее использовать звуковой код как механизм информационной связи между био-, социо- и семиосферами.

1.3. Отличие подражательных слов от междометий и наречий

В отношении подражательных слов в учебной и специальной литературе высказываются различные мнения. Одни ученые не считают данную группу слов самостоятельными и не признают наличия

в них лексического значения. Другие рассматривают звукоподражания как «коллективно осмысленные знаки», которые обладают специфическим лексическим значением, обусловленным их звучанием [ЭР 4]. По-разному рассматривается частеречный статус звукоподражаний: в одних случаях они выделяются в самостоятельную часть речи, в других – включаются в разряд междометий или наречий.

Широкое распространение получило мнение, что звукоподражания не обладают лексическим значением. А. М. Пешковский писал: «Не считаем мы также словами звукоподражания вроде: *колокольчик, динь-динь-динь; мужчина, что петух: кирикуку! Мах-мах крылом, и прочь.* (Пушк.). Здесь нет членения на звуки и значение, свойственного слову, так как здесь все значение в звуках» [Пешковский 1956: 168]. Другой ученый, А. А. Потебня, считал, что звукоподражательные междометия, означающие мгновенность действия, каковы, например, *бух! бац!* – стоят по употреблению в одном разряде с «предикативными частицами» или «междометными формами глагола» [Потебня 1977: 190].

В качестве особого разряда междометий рассматривает звукоподражательные слова В. В. Виноградов: «К междометиям примыкает многочисленный и богатый разряд воспроизводящих или звукоподражательных восклицаний, например: *«Бац, бац! раздались выстрелы».* Этот разряд, по словам автора, занимает промежуточное положение между междометиями и звукоподражаниями, между междометиями и междометно-глагольными формами [Виноградов 1972: 594]. Также о проблемах междометий и звукоподражаний высказывался Н. М. Шанский: «Особняком стоят в системе частей речи междометия и звукоподражания» [СРЯ 1987: 89]. Он отмечал, что в толковых словарях звукоподражания строго не отграничиваются от междометий: или снабжаются пометкой «междометий», или объединяются с ними в одной словарной статье. Несмотря на то, что и междометия, и звукоподражательные слова морфологически аморфны, синтаксически достаточно самостоятельны и находятся как бы на периферии, на отшибе в лексико-семантической системе, имеются заметные функциональные расхождения, обусловленные семантическими и семиотическими отличиями: функционально междометия и звукоподражания используются с совершенно разными синтаксическими целями, кроме этого они связаны с различными семантическими сферами и представляют собой знаки разных типов [СРЛЯ 1981: 410].

На современном этапе данный вопрос также до сих пор вызывает разногласия, однако значительное число ученых склоняется к мнению, что ономотопы составляют самостоятельную часть речи и включение их в состав междометий неправомерно. Так, А. Н. Тихонов утверждает, что звукоподражания, хотя и не имеют номинативной функции, обладают лексическим значением и являются полноценными словами. Будучи носителями языковой информации, они используются как средства общения. В системе частей речи звукоподражания выступают как особые, самостоятельные разряды слов. Обладая одинаковой в процессе долгого коллективного применения звуковой формой и постоянным смысловым содержанием, такие звукоподражания выступают в языке как полноценные слова. Автор имеет в виду только звукоподражания, уже вошедшие в систему, ставшие фактом языка. А индивидуально-авторские новообразования, по его мнению, часто отражают лишь субъективное восприятие звуковых явлений самого их создателя. Такие слова не соответствуют общеязыковым нормам оформления звукоподражаний: они еще коллективом не осознаны [Тихонов 1981: 72–76].

В трудах по разным языкам выделяются отличия звукоподражательных слов от междометий. Так, в русском языке названные категории слов противопоставляются по следующим критериям: 1. Звукоподражания, воспроизводящие звуки живых существ, механизмов и окружающей среды в целом, и междометия, выражающие эмоции и волеизъявления, различны по семантическому признаку. Звукоподражательные слова не выражают ни эмоций, ни чувств, а являются подражаниями вполне конкретным естественным звучаниям. Междометия – это слова, которые непосредственно выражают чувства, переживания и волеизъявления, не называя их. 2. Звукоподражательные слова характеризуются звуковой мотивированностью лексического значения, отсутствующей у междометий. В отличие от междометий звукоподражания менее «привязаны» к интонации и контексту. Семантика ономотопов не находится в тесной зависимости от интонации, не требует жестового и мимического сопровождения, не вырастает из обстановки, контекста. Значение междометий может быть понято лишь благодаря сопутствующей интонации или из контекста, так как одни и те же междометия могут служить для выражения различных чувств. 3. Синтаксически междометия не являются членами предложения, а звукоподражательные слова могут нередко выполнять функции различных членов

предложения: подлежащего, сказуемого, дополнения и обстоятельства. Междометия, как правило, выделяются в грамматике как самостоятельная часть речи, а звукоподражательные слова таковой не являются. 4. В области аффиксации словообразовательный потенциал звукоподражательных лексем несравненно выше, чем у междометий. Продуктивность междометий в плане словообразования невелика [ЭР 5].

Разграничивая междометия и звукоподражания удмуртского языка С. Н. Широкова отмечает: «...ключевым моментом, характеризующим междометия, является их использование в речи для выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность. В отношении же звукоподражательных слов определяющим их сущность ключевым моментом является использование их в качестве слов, служащих для воспроизведения звуков живой и неживой природы [Широкова 2013: 199].

Отличия подражательных слов от междометий в татарском языке З. Г. Шарафетдинова видит в следующем: 1. Междометия выражают различные чувства, эмоции и волеизъявления, а происхождение подражательных слов связано с действительным подражанием звуковым явлениям в окружающем мире или представлением о световых, цветовых явлениях и о различных движениях и состояниях. 2. Подражательные слова могут служить базой для образования новых слов – глаголов и имён существительных. 3. Подражательные слова несут в предложении определённую синтаксическую нагрузку, т. е. могут выступать в роли обстоятельства образа действия, определения, подлежащего и сказуемого. В контексте такие слова характеризуют явления с ярко выраженной экспрессивностью, придавая эмоциональную окраску всему высказыванию. 4. Подражательные слова, благодаря однообразному звуковому строению, укладываются в определённые фонетические типы. Междометия структурно многообразны. С точки зрения морфологической структуры, подражательные слова представляют собой первичную основу: они не имеют форм словоизменения и в речи употребляются в простом и парно-повторном виде [Шарафетдинова 2007: 11–12].

Другая часть речи, к которой обычно относят подражательные слова, – это класс наречий. В большинстве финно-угорских, тюркских и других языков некоторые звукоподражательные и образоподражательные слова отнесены к наречиям образа действия по принципу их син-

тактической роли в предложении сходных с ними. Чем же отличаются подражательные слова и наречия? В удмуртском языке, в частности, можно проследить следующее:

Наречие. Принципы выделения наречия в самостоятельную часть речи в удмуртском языке соотносительны с особенностями данного языка. Они складываются из общности и единства трех измерений: 1) лексического значения слова, что предполагает лексическую самостоятельность наречий как слов со смысловым значением, указывающим на время, место, причину, цель и образ действия; 2) морфологической структуры наречия, составными частями которого являются: а) отсутствие форм словоизменения; б) наличие собственной системы словообразовательных средств; 3) синтаксическая функция обстоятельного слова в предложении [Шибанов 2012: 14].

Признаки наречий не только взаимосвязаны, но главное в том, что каждый из них играет особую роль в формировании этой части речи: при общности семантического критерия значение признака действия в разных грамматических ситуациях проявляется по-разному.

I. Часть наречий, которые с точки зрения современного языка считаются первообразными или имеют в своем составе какие-то ныне непродуктивные архаические компоненты (*азьлань* ‘вперед’, *берлань* ‘назад’, *кымин* ‘ничком, навзничь’, *мышкин* ‘спиной’, *лашкинэн* ‘галопом’, *кыдёкын* ‘далеко, вдали’, *матын* ‘близко, вблизи’, *отын* ‘там’ и др.) выделяются в особую группу в контексте и вне контекста, в любой ситуации только своим лексико-семантическим признаком. В данном случае все другие признаки становятся второстепенными, т. е. сам приоритет семантики порождает такие качества слов, как неизменяемость и функцию обстоятельства в предложении.

II. Часть производных наречий закрепляет за собой значение выразителей качества действий в результате сочетания вещественного значения основы и различных словообразовательных средств. Такими средствами в удмуртском языке являются суффиксы *-ак* (*-як*), *-быт*, *-скын*, *-ой* (*-ёй*), *-ойскын* (*-ёйскын*) [ГСУЯ 1962: 294]. Присоединяясь к различным основам, эти аффиксы образуют наречия (*шонерак* ‘прямо, напрямик’, *шорияк* ‘пополам’, *арбыт* ‘весь год’, *гужембыт* ‘все лето’, *арняскын* ‘за неделю’, *минутскын* ‘за минуту’, *дасой* ‘около десяти дней, в десять дней’, *витёйскын* ‘в течение пяти дней, за пять дней’ и др.). В сфере наречий это тот случай, когда «словообразовательные

приметы¹ обычно являются и категориальными приметами, т. е. позволяют определить принадлежность слова к той или иной части речи».

III. Большая группа наречий (таких как: *кужмысь* ‘насилно’ < *кужым* ‘сила’, *сюлмысь* ‘сердечно, старательно’ < *сюлэм* ‘сердце’, *бечолоен* ‘цугом’ < *бечоло* ‘цуг’, *пыдын* ‘пешком’ < *пыд* ‘нога’ и др.), будучи формально связана со словоизменительными категориями различных частей речи, приобрела наречное значение благодаря только своей способности постоянно употребляться в синтаксической функции обстоятельств. Как видно из примеров, эти слова внешне представляют собой падежные формы имен существительных. Главным отличительным признаком является то, что их значение раскрывается только в контексте. Именно в составе предложения обнаруживается, что эти слова не имеют конкретного вещественного значения, а выражают различные обстоятельственные отношения и изолируются из системы словоизменения. По словам Н. К. Дмитриева, при каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого самого существительного. И вот в силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических) один из падежей принимает особое значение, лишь отдаленно связанное с корнем основного слова, и этим самым как бы отрывается от целой схемы, изолируется от нее. В результате появляется новое слово, только этимологически связанное с основным существительным. Таким образом, в результате постоянного употребления в синтаксической функции обстоятельств целый ряд слов утрачивает грамматические признаки имен и развивает в себе признаки новой грамматической категории – наречий [Дмитриев 1948: 17].

Наречия в удмуртском языке представляют собой самостоятельный разряд слов, выделяемых на основе специальных лексико-семантических, морфологических и синтаксических признаков. С лексико-семантической точки зрения они служат для качественной характеристики действия или состояния и выражают временные, пространственные, обстоятельственные, причинно-целевые и другие отношения. Морфологически они неизменяемы, имеют ряд специфических словообразовательных формантов и этимологически соотносительны с другими

¹ См.: Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М., Высшая школа, 1965. С. 10.

частями речи. Синтаксически наречия выполняют обстоятельственную функцию и определяют глагол или такие глагольные формы, как деепричастие и причастие, реже наречия образа действия.

Подражательные слова. Как выразительные средства языка подражательные слова входят в состав эмоционально-экспрессивной лексики, в которой они занимают особое место. Эмоционально-экспрессивное своеобразие таких слов вытекает из самой их природы. Образность и выразительность обусловлены звуковым строением подражательных слов. В отличие от фонетической структуры обычных слов в них используется определенный фонемный состав, сочетаемость звуков и порядок их следования, в какой-то мере напоминающий обозначающее звучание, движение и т. п. Здесь, однако, не менее важную роль играет установившаяся в языке традиция осмысления определенных типов звуко сочетаний для выражения соответствующих явлений. Поэтому, не смотря на преимущественное употребление в составе подражательных слов строго определенных фонем и их сочетаний, эти слова не доходят до уровня полной имитации, часто по-разному оформляются и заметно отличаются в языках не только различных семей, но и одной семьи.

Особенностью семантики образо- и звукоподражательных слов является образное выражение соответствующих понятий о звучании или способе действия с помощью специализированного фонемного строения лексической единицы. Конкретность их значения обусловлена весьма малой обобщающей силой подражаний, но зато им всегда сопутствует связанная с их природой большая экспрессивность.

Основным типом сочетания подражательных слов с другими частями речи является глагольный. В соответствии с этим их синтаксической функцией в составе предложения преимущественно считается функция обстоятельства образа действия, хотя подражательные слова могут выступать и в роли других членов предложения.

Подражательных слов, образованных способом адвербиализации, нет.

К. Ш. Хусаинов дополнительно выделяет следующие отличия подражательных слов от наречий: 1) в плане происхождения подражательные слова имеют совершенно иную мотивационную основу, потому что генетически связаны с определенным подражательным комплексом звуков; 2) в предложении ономапоэтические слова несут более

широкие функции, чем наречия, при этом чаще всего они семантически связаны с обозначением различных звуков окружающей действительности [1988: 90].

В отличие от наречий, отмечает З. Г. Шарафетдинова, в этимологическом отношении подражательные слова имеют совершенно иную мотивационную основу. По своему значению они более конкретны, чем наречия. Например: *Елга чылтыр-чылтыр ага*. – Река течёт с журчанием воды. Здесь звукоподражательное слово *чылтыр-чылтыр* связано с конкретным подражанием звукам шума реки, журчания родника, воды. *Карганың канатлары елык-елык килә*. – Крылья грача блестят переливаясь. В данном предложении образоподражательное слово *елык-елык* выражает сверкание, блеск оперения птицы. Слово *елык-елык* отражает конкретно тот цвет, который присущ оперению именно этой птицы, что невозможно передать с помощью наречий. В предложениях подражательные слова несут более широкие, конкретные функции, чем наречия [2007: 11].

Таким образом, сходства междометий и подражательных слов (отсутствие у обоих номинативной функции, способность переходить в разряды других частей речи) на первый взгляд, дают основания рассматривать их как одну большую группу слов, но если обратиться к функции данных групп слов в речи, то налицо их явное функциональное отличие. В свою очередь, и наречная сущность подражательных слов маловероятна.

Подражательные слова представляют собой самостоятельную часть речи, так как они имеют своеобразную фонетическую форму и морфологическую структуру, целостное семантическое значение, активно используются в образовании новых слов, выступают в роли членов предложений. Следовательно, вполне логичнее было бы рассматривать подражательные слова как отдельную группу, отличную от междометий и наречий.

2. ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

2.1. К вопросу об изученности подражательных слов в удмуртском языке

В удмуртском языке очень широко представлены слова, которые служат для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей действительности или для передачи с помощью звуков зрительных восприятий движений, состояний, качеств и т. д.

Первая грамматика удмуртского языка под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», увидевшая свет в 1775 г., ни в какой степени не характеризует ономапоэтические слова. Ни одно слово ошибочно не включено ни в разряд наречий, ни в разряд междометий. В качестве примеров употребляются лишь следующие звукоподражательные глаголы: **цютысько** ‘хромаю’ (стр. 97), **бэксысько** ‘блею’, (стр. 101), **цюпасько** ‘цѣлую’ (стр. 101), **зингылтысько** ‘звеню’ (стр. 105).

Определенный лексический материал по удмуртским звукоподражательным и образным словам представлен в удмуртско-русском словаре под названием «Краткой Вотской Словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года», составленном в 1785 г. и изданном лишь в 1995 г. В указанном словаре представлена лексика села Елово, относящегося по современному административно-территориальному делению к Ярскому району.

В словаре, по нашим подсчетам, зафиксировано пять отономатопоэтических слов: **викишь-яско** ‘всхлипываю’ (стр. 25), **гылдырьяско** ‘ржу’, (стр. 44), **гылдырийасконь** ‘ржание’ (стр. 44), **жингресь** ‘звонкий’ (стр. 61), **лацертонь** ‘трещетка’ (стр. 119), **лациртыско** ‘трещу’ (стр. 119), **лациртон** ‘трескъ’ (стр. 119).

Рукописная работа «Краткой отяцкия грамматики опыт» М. Могилына¹ 1786 г. представляет материалы североудмуртских говоров окрестностей с. Укан, относящегося по современному административно-территориальному делению к Ярскому району Удмуртской Республики. В данном труде лексемы подражательного характера мы встречаем лишь в разделе «**О спряженіи глаголов**». Приведены следующие звукоподражательные глаголы: **чутыско** ‘хромаю’ (стр. 83), **цяпкиско** ‘плещу руками’, (стр. 87), **чюпьякариско** ‘целую’ (стр. 87), **чингылтско** ‘бренчу, звѣню’ (стр. 89), **дымбыртско** ‘стучу’ (стр. 89), **цилектыско** ‘гремлю’ (стр. 91). В разделах «**О наречіи**» и «**О междометіи**» образы звукоподражательные слова нами не найдены.

В 1851 г. эстонским ученым немецкого происхождения Ф. Й. Видеманном был опубликован труд под названием «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinem wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche», представляющий собой первую научную грамматику удмуртского языка. Источником для написания данного исследования, как указывает автор в предисловии, послужили четыре Евангелия (от Матфея, Марка, Иоанна, Луки), составленные на елабужском, глазовском и сарапульском диалектах. Опираясь на имеющиеся материалы по вышеуказанным диалектам, Ф. Й. Видеманном довольно обстоятельно описаны фонетика, морфология, синтаксис удмуртского языка. Удмуртский материал, представленный в данной грамматике, очень детально проанализирован И. В. Таракановым [1959: 148–166].

К сожалению, никакой информации в разделе «**Наречия**» по искомым нами словам мы не встречаем, «**Междометия**» же представлены в грамматике очень бедно.

Также никакого рода информации нет и в работе «Votjakin ääne- ja muoto-orin luonnos» («Эскизы по фонетике и морфологии удмуртского

¹ По предположениям В. С. Чуракова труд принадлежит М. Мышкину (см. подр. [Чураков 2015: 342–345]).

языка») Т. Г. Аминоффа, опубликованной Ю. Вихманном в 1896 г. Примечателен тот факт, что в начале раздела по морфологии автор отмечает, что четкого разграничения между большинством частей речи в удмуртском языке не существует [Aminoff 1896: 20].

Не стоит оставлять без внимания и такие лексикографические труды, как «Sytjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register» [Wiedemann 1880], «A wotják nyelv szótára» [Munkacsi 1896], «Wotjakische Chrestomathie mit Glossar» [Wichmann 1901] и «Wotjakischer Wortschatz» [Wichmann 1987], содержащие в той или иной степени образно- и звукоподражательные слова.

Из первых отечественных грамматик, в которых есть какие-либо упоминания о звукоподражательных словах, следует отметить работу П. П. Глезденева «Краткая грамматика языка народа удмурт». Слова *дынгырэс, жик-жик, кымин и нуç-нуç* отнесены к наречиям образа действия. Относительно междометий автор пишет: «В языке удмурт междометие имеет весьма важное значение, а именно: оно придает речи особенную картинность, образность и живость.

В виду того, что самое обыкновенное явление может быть передано каким-либо междометием, нет возможности сделать точное указание, какие именно междометия могут быть употребляемы в тех или других случаях...

Многие междометия производятся от звукоподражания». Далее приведен отрывок из рассказа со «звукоподражательными междометиями», как называет их сам автор: «*Педлон зольгыриёс чильыр-чальыр чильырто; чанаёс чин-чан каро. Куакаёс куар-куар куаргето. Шунды съод пилем съорысь чияк-чияк пота. Куазь гудыр-гудыр гудырьяське. Съод пилем пумен-пумен лыктэ, чильтыр-чальтыр чилек'яське, гудыр-гудыр гудыр'яське. Пинал'ёс номырелэсь-но кышкатэк чир-куань кесясько, ур-ар черек'ясько. Соёс тачыр-тачыр вутй ворттыло. Куазь жалльль..... ведраись музэн кисьтэ. Ульча кузя ву кыремтй зор ву корр..... кошке. Пинал'ёс уката шум-потыса тачтач кизэс лачко, китыр-китыр серек'яло. Быдэс нунал пиналнал'ёс педлон шудыса уло: соёслы зор-но, гудыри-но, чилек'яськем но уг люкеты. Пинал мылкыд, юн зеч мылкыд!*» [Глезденев 1921: 44]. 'На улице воробьи щебечут, галки галдят. Вороны каркают. Солнце из-за черной тучи временами показывается проблескивая. С раскатами

гремит гроза [букв. погода]. Черная туча потихоньку подходит все ближе, молнии сверкают [букв. переливаясь сверкает], грохочет гром. Дети, ничего не боясь, пронзительно и громко кричат. Они шлёпая бегают по воде. Дождь льёт как из ведра. На улице по канавам журча бежит дождевая вода. Дети, радуясь еще сильнее, хлоп-хлоп! бьют в ладошки и раскатисто смеются. Целый день дети играют на улице: им не мешает ни дождь, ни гром, ни молния. Детский задор, очень задорное настроение!». Если посмотреть, все приведенные примеры в тексте (*чильыр-чальыр, чин-чан, куар-куар, чияк-чияк, гудыр-гудыр, чильтыр-чальтыр, чир-куань, ур-ар, тачыр-тачыр, жалъльль, корр, тач-тач, китыр-китыр*) на самом деле являются образо- и звукоподражательными словами, так как объясняют природные явления, настроение детей и не выступают как слова-сигналы, используемые для выражения требования, желания, побуждения к действию, а также для быстрого реагирования человека на различные события реальной действительности.

Принципы разграничения и классификации частей речи встречаем в двух учебниках Г. Е. Верещагина. Свои наблюдения об особенностях грамматического строя удмуртского языка автор обобщил в исследовании «Руководство к изучению вотского языка» [1924], которое в целом является несколько усовершенствованным вариантом его рукописной грамматики «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын», составленной раньше печатной грамматики [Карпова, Кириллова 2002: 7].

В работе «Руководство к изучению вотского языка» автор приводит немало оноματοпоэтических слов, как в разряде наречий, так и в разряде междометий. При этом становится непонятным, по каким критериям он относит одни слова к наречиям, другие к междометиям.

«Наречий в вотском языке множество. Они образовались от корней и разных звукоподражаний. Перевести на русский язык одними словами такие наречия нельзя. Объяснит их только словарь» [Верещагин 2002: 100].

Далее автор относит их к наречиям, усиливающим какое-нибудь качество и к наречиям образа действия: *Милям сюресмы вёл-вёл вольыт*. «Наша дорога очень гладка»; *Куноосы юмишам беразы вёш-вёш кыльлэ*. «[Мои] гости после гулянья лежат лежмя»; *Мон гань кыльлыса, кизилиосыз лыдзисько*. «Я, лежа на спине, считаю звезды»;

Та коркан йыг-дым дэра куо. ‘В этом доме ткут холсты со звуками йыг-дым’; *Гур-вылын кыльльыса нясь-нясь пöсэй.* ‘Лежа на печке, сопрел [т. е. вспотел] сильно’; *Я, ныс-ныс кыскомы нырамы тамак.* ‘Ну, с удовольствием потянем в нос табак, т. е. понюхаем’; *Тынэсьтыд гожтэт-тэ мон журак кеси.* ‘Твое письмо я изорвал вдруг’; *Я, мон борды лач пуксьы.* ‘Ну, подсядь ко мне плотнее’; *Гозыез вандй кичырак.* ‘Веревку перерезал (я) вдруг’; *Милям бускельэн семьяэз ур-бар улэ.* ‘У моего соседа семья живет раздорно’; *Куноосме сурен уг сектаськы-но, тольккы пуко.* ‘Гостей (своих) не угощаю (я) пивом, и они сидят молча.’; *Дэри дыр’я сюрес-кузя тюпыль-тяпыль ветло.* ‘Во время грязи по дороге ездят со звуком тюпыль-тяпыль’ [Верещагин 2002: 103].

Относительно междометий автор отмечает, что они образовались, главным образом, от звукоподражаний тем звукам, которые присущи действиям предметов, они выражают какое-нибудь понятие или состояние предметом [Верещагин 2002: 107–112].

При классификации междометий по значениям, автор причисляет к ним и разные клички и звуки при призвании и отпугивании животных: *тпруо! гуло! чиге! пле! диго! тпруче! итыре! прысь!* и др.

«К междометиям же должно причислить и наречия, которые составились из звукоподражаний: *Мон вал’ёсыз кышкатий-но, соёс дымбыр! кошкизы.* ‘Я коней испугал, и они убежали, издавая звуки от топота копыт дымбыр!’; *Сапегам ву пыриз-но, жуль-жалъ! ветлйсько.* ‘В сапоги (мои) попала вода, и я хожу со звуками жуль-жалъ! т. е. с жульканьем’; *Жильтыр! уксёме пуйы-ысьтым кисьтй.* ‘Со звуком жильтыр! высыпал (я) из кошелька деньги (свои)’» [Верещагин 2002: 109].

В заключение главы Г. Е. Верещагин пишет, что к междометиям можно причислить все те слова и выражения, которые основаны на звукоподражаниях, хотя они и употребляются при глаголах, как наречия: *Урам-кузя мынйсько вал-но... йыг-дым! кылй.* ‘Шёл (я) по улице... и вдруг йыг-дым! послышалось’; *Ю пыртон дыр’я ветлй вукоэ... Сикысь потыкым зир! зар! маке кылйське – ялан мынйсько... Шалтыр-шалтыр! нош-ик кылйське. Нокинэ-но уг адзиськы. Выре туби-но, адзи... калык ю пыртэ... Тырттэм уроболэсь кылйсько шалтыр-шалтыр! тырез секыт-но зир!!! зар!!! шуэ.* ‘Во время уборки с поля снопов ходил (я) на мельницу. Из лесу вышел и вдруг услышал звуки зир! зар! Я все иду... опять слышу шалтыр-шалтыр! Никого не вижу. На возвышение (бугорок) поднялся и увидел... Народ убирает хлеб.

Пустые телеги издают звуки шалтыр-шалтыр! Полные от тяжести [телеги] скрипят зир! зар!

Данный недочет отмечен в работе В. К. Кельмакова «Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания»: «К наречиям автор относит звукоподражания, напр.: *чык-чык, тур-тур, сур-сур* и др.» [2004: 37]. «Г. Верещагин в эту же часть речи (междометия) включает звукоподражания и изображения: *жуль-паль, йыг-дым! жильтыр!* и др.

В отношении последней группы Г. Е. Верещагин не совсем последователен; в одном месте он называет их наречиями образа действия, а в другом – междометиями» [Кельмаков 2004: 58–59].

Во второй книге «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын» звукоподражания также отнесены Г. Верещагиным к наречиям образа действия и качества (*вёл-вёл* ‘очень гладко’, *супыляк* ‘вдруг’, *йыг-дым* ‘стук-бряк’, *нясь-нясь* ‘очень-очень’, *ныс-ныс* ‘с удовольствием’, *ширак* ‘вдруг со звуком’, *лач* ‘тесно’, *кичырак* ‘вдруг’, *ур-бар* ‘раздорно’, *тольккы* ‘молчаливо’, *тюпыль-тяпыль* ‘со звуками тюпыль-тяпыль’) [Верещагин 2002: 240], а вот к междометиям данные слова уже не отнесены и в качестве примеров не приводятся.

К сожалению, не находим мы никакой информации в «Грамматике вотяцкого языка» А. И. Емельянова [1927], являющейся по своей сути элементарной. Несколько интересна позиция автора относительно морфологической классификации частей речи, в которой указано, что «все слова, входящие в состав вотяцкой речи, по своему происхождению могут быть отнесены к двум основным категориям: глаголам и именам» [Емельянов 1927: 63]. К именам автор относит не только имена в собственном смысле этого слова: самостоятельные (*substantiva*), прилагательные (*adjektiva*), местоимения (*pronomina*), числительные (*numeralia*), но также наречия (*adverbialia*) и послелогои (*postpositia*), в виду слишком ясных следов их происхождения от имен [Емельянов 1927: 84]. Относительно же междометий, в разделе которых мог бы содержаться интересующий нас материал, автор пишет: «Что касается союзов и междометий, то в виду неразработанности вопроса, мы поддерживаемся говорить о них, в настоящей работе. Единство происхождения этих видов слов в вог. яз. особенно ярко сказывается с внешней стороны в отсутствии особых морфологических признаков для каждого из них» [Емельянов 1927: 84].

Подобно Г. Е. Верещагину рассматривал звукоподражательные слова и И. В. Яковлев. В его элементарной грамматике вотского языка «Удмурт кылрад'ян» оноματοпоэтическую лексику находим в качестве примеров и среди наречий, и среди междометий. «Кызыызэ валэктйсьез [сямним] ('Наречия образа действия'): *гань, лач, вёл-вёл, супыляк, шау-шау, тюпыль-тяпыль*» [Яковлев 1930: 55]. К междометиям отнесены звукоподражания (куара бычкылон): ***Жильтыр-жильтыр!*** *шур кошке*; ***Йыг-дыг! Йыг-дыг*** *куыськемысь кылйське*; ***Шильтыр-шальтыр!*** *куасьем уробо мынэ*; ***Шау-шау!*** *нюлэс шула*; ***Тыпыр-тапыр! тыпыр-тапыр!*** *Итымьн кутсасько*; ***Дыбыр-добыр!*** *выж вамен ортчо*; ***Ау-ау!*** *пуны утэ*. [Яковлев 1930: 59]. 'С журчанием течет река'; 'При ткании доносятся звуки тук-тук!'; 'Стучит-бренчит высохшая телега при передвижении'; 'Лес свистит'; 'Ток-ток! молотят на гумне'; 'С грохотом проезжают через мост'; 'Ав-ав! лает собака'.

К проблеме междометно-наречных повторов в своей работе «Междометно-наречные повторы в удмуртском языке» обращается В. И. Алатырев. Он приводит примеры, характеризует междометно-наречные повторы и объясняет, каким образом можно отличить простые (односоставные) наречные повторы от сложных (двосоставных) [Алатырев 1947: 20–26]. Нужно отметить, что сложные наречно-изобразительные и звукоподражательные слова автором названы междометно-наречными повторами.

«Краткий очерк грамматики удмуртского языка» П. Н. Перевощикова, включенный в удмуртско-русский и русско-удмуртский словари 1948 и 1956 гг. издания, относит слова-звукоподражания (*дымбыр-дамбыр* – выражение шума и стука падающего твердого предмета, *крок-крок* – выражение каркания вороны, *такыр-такыр* – звуки колотушки или других предметов, периодически ударяемых) и изобразительные слова, т. е. слова, выражающие образные представления о внешнем виде предмета или его движений (*шымыр-купыр мынэ* 'идет согнувшись', *нуй-нуй* – выражает образ чего-либо тянущегося, *нюмыль-нюмыль* – выражает образ скользко-мягкого предмета) к междометиям [1948: 446; 1956: 1338].

Изучая говоры удмуртов, проживающих в Глазовском районе (дд. Верхняя Кузьма, Нижняя Кузьма, Извиль, Кожиль, Н. Убыть, Сыга) В. М. Вахрушев зафиксировал интересное явление: «В значении наре-

чий *чик, чылкак, быдэсак* ‘целиком, совсем, полностью’ литературного языка употребляются междометно-наречные слова *дамбър, дамбърак* (в литературном языке и в других диалектах слова *дамбыр, дамбырак* означают действие со стуком, грохотом, постукиванием). Например: [*дамбърак-а кон'донтэк кыл'од?*]. ‘Совсем что-ли без денег останешься?’; [*дамбър-дамбър йугът луэ н'и*]. ‘Уже совсем рассветает’ [Вахрушев 1959: 240].

Двоякий подход к рассмотрению этой группы слов находит отражение в научной грамматике современного удмуртского языка, которая вышла в свет в 1962 г.: «В состав определительных наречий включаются и так называемые изобразительные слова.

По выражаемым значениям эти слова близки к наречиям образа действия. В сочетании с глаголами они образно характеризуют действие, указывая на звуковой или зрительный его признак и отвечают на вопрос *кызьы?* ‘как?’...» [ГСУЯ 1962: 303]. «Междометия, относящиеся к третьей группе, представляют собой условное воспроизведение звуков природы, предметов человеческого труда, криков животных, птиц, а также человеческих звуков, отражающих разнообразные психо-физиологические реакции на отдельные явления объективной действительности» [ГСУЯ 1962: 360]. Хотя авторы разделов «Наречие» и «Междометие» пытаются провести некую грань между звукоподражательными наречиями¹ и звукоподражательными междометиями²,

¹ «Изобразительные наречия нельзя смешивать с междометиями. Обозначая звуковые или зрительные признаки действия, изобразительные наречия выступают в роли члена предложения, определяющего глагол. В отличие от них, междометия выражают чувства и волеизъявления. Они не обладают номинативной функцией и, как правило, не употребляются в роли членов предложения» [ГСУЯ 1962: 305].

² «В отличие от изобразительных наречий, тесно связанных с глаголами (сказуемыми), звукоподражательные междометия непосредственно не связаны с каким-нибудь определенным членом предложения.

Однако в большинстве случаев трудно сразу провести грань между звукоподражательными междометиями и изобразительными наречиями, ибо особых дифференцирующих форм в них нет. Одно и то же звукоподражательное слово может выступать то как междометие, то как изобразительное наречие. В этих случаях определяющим моментом является его позиция в предложении» [ГСУЯ 1962: 360].

вопрос так и остается нерешенным и весьма спорным. К данному заключению подводят некоторые примеры, приведенные в разделе междометия, носящие явно иной характер.

Изучая диалектный материал, Т. И. Тепляшина отмечала, что значительная часть изобразительных слов в нижнечепецких говорах образованы тем же путем, как и коми-зырянские, коми-пермяцкие и общеудмуртские изобразительные слова. Различие между изобразительными словами коми и удмуртского языков заключается в том, что их звучание в указанных языках передается различными звуковыми комплексами. Как пишет автор: «Жители Нижней Чепцы в отличие от жителей других мест говорят: *парсь кроккетэ* ‘свинья хрюкает’, *писяй чажмаське* ‘кошка царапается’, *писяй няугетэ* ‘кошка мяукает’ *курег кытокъя* ‘курица кудахчет’, *атас горъя* ‘петух поет’, *тютюпиос чипкетто* ‘цыплята кричат’» [Тепляшина 1970: 188].

В 1983 г. В. И. Алатыревым был составлен «Краткий грамматический очерк удмуртского языка» для «Удмуртско-русского словаря» [1983]. Все основные положения были изложены автором с учетом вышедшей ранее «Грамматики современного удмуртского языка» [1962]. Стоит отметить, что в раздел «Междометия» звукоподражательные слова не включены, а последние рассмотрены в разделе «Наречия» в качестве отдельного подраздела «Наречно-изобразительные слова». Автор отмечает, что удмуртский язык богат наречно-изобразительными словами и в основном по значению они делятся на три группы: а) слова, выражающие зрительный образ: *чукин-бекин* ‘кубарем’; б) слова, выражающие звуковой образ: *чир-чир кесяське* ‘пронзительно (периодически кричит)’; в) слова выражающие осязательный образ: *зырт кезыт* ‘очень холодно’ [УРС 1983: 586].

Образованию звукоподражательных глаголов посвящена статья И. В. Тараканова «Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке». В данной работе, как отмечает сам автор, не затрагивается сама суть имитативов, имеющих место в пермских и волжских финно-угорских языках, а анализируются лишь производные от них подражательные и изобразительные глаголы, которые образно передают звуковые, зрительные и иные признаки предметов и явлений в виде процесса (действия или состояния) [Тараканов 1990: 209].

Из небольших работ, посвященных диалектному материалу по подражательным словам, стоит выделить статью «О наречно-изобрази-

тельных словах с конечным *-ы* в северном наречии» С. А. Максимова, в которой рассматриваются такие слова, как: *ал'л'ь (с'эрэкийань)* 'милостеяться', *бъл'л'ь учкьнь* 'пристально смотреть', *гъзмъл'л'ь върънь* 'еле-еле шевелиться' и др.

По предварительным исследованиям автора, описываемая группа слов распространена в ареале средне и верхнечепецких говоров.

Рассматриваемые слова С. А. Максимова по происхождению подразделяет на три группы:

1) наречно-изобразительные слова, образованные от наречий, наречно-изобразительных и звукоподражательных слов. Их общая семантика – это признак более продолжительного, размеренного действия по сравнению с производящими словами. Примеры: *биззь (бёрдьнь)* 'тихонько (плакать)', *гун'н'ь (сълънь)* 'стоять остолбенев', *гълль* 'плавно, спокойно (о движении)', *вошишь къл'л'нь* 'лежать, ничего не делая', *жал'л'ь вийаны* 'течь с негромким журчанием', *кън'ъррь* 'прищурившись', *ѳуштъррь ужань* 'работать потихоньку, незаметно, сам по себе' и др.;

2) наречно-изобразительные слова, образованные от прилагательных. Общая семантика этой группы слов – это неполное, неявное проявление образа действия, качества, выраженные основой производящего слова. Примеры: *вожжъ* 'зеленовато, зеленоватый', *жикъттъ* 'довольно аккуратно', *къз'ъттъ* 'холодновато, холодноватый', *кон'ъттъ* 'сладковато, сладковатый', *с'эддь* 'черновато, черноватый', *йугъттъ* 'довольно светло (светлый)' и др.;

3) наречно-изобразительные слова, образованные от существительных. Примеры: *вайтъ пин'н'осъз* 'зубы кривые', *въръ вътльнь* 'ходить постоянно вместе', *горъббъ* 'слегка покоробленный; с горбинкой', *каллъ ошкьнь* 'свисать вертикально; висеть лохмотьями', *нъррь* 'повесив нос', *с'улль ошкьнь* 'висеть лохмотьями' и др. [1994: 22–25].

В конце своей работы автор приводит общую схему образования исследуемой группы слов: основа производящего слова + конечная согласная основы + *-ы*. Образование описываемой группы слов связано, по мнению автора, со стремлением говорящего выразить продолжительность, размеренность образа действия.

В 1996 г. С. В. Соколов публикует статью «Пышкылон кылъёс но междометиос» ('Звукоподражательные слова и междометия') на

удмуртском языке, определившую несколько иную позицию в изучении слов подражательного характера. Автор совершенно справедливо отмечает, что до настоящего времени (до 1996 г.) звукоподражательные слова не рассматривались отдельно от междометий, несмотря на то, что являются словами иного характера. В своей небольшой статье С. В. Соколов выделяет две основные группы изобразительных слов:

1) звукоподражательные слова (имитативы):

а) подражание голосу человека (смеху, плачу, кашлю и т.п.) (*Жаляса мон бӧрдисько: ы-ы-ы*. ‘Жалея я плачу: ы-ы-ы’);

б) подражание животным, птицам (*Кытын ке тэль дурын-а, бусыын-а, зиллэ ас куаразэ поттылэ: син-зинь..., син-зинь...* (В. Широ-боков. Ошмес жильыртэ ваньмызлы). ‘Где-то у леса или в поле издает свой голос овсянка: син-зинь..., син-зинь...’);

в) подражание звукам, издаваемым различными неодушевленными предметами (*Воргорон мадӛнзэ ӛз быдты, жинь-жинь! кылӛськиз пичи гырлы куара* (Удмурт дунне). ‘Мужчина не успел докончить свой рассказ, дзинь-дзинь! послышался звук маленького колокольчика’);

2) образно-подражательные слова:

а) слова, показывающие внешний облик различных предметов (*Уй кустын писуос но, корка липетьес но, ... юг-юг луллям* (Удмурт дунне). ‘И деревья, и крыши домов за ночь стали белыми-белыми’);

б) слова, дающие картину ходьбе, различным действиям (*Ульча кузя луть-лать вамышьяло мӛйы кузпальӛс* (Удмурт дунне). ‘Не спеша, в развалочку идут по улице старенькие супруги’) [Соколов 1996: 69–73].

В качестве отдельной группы С. В. Соколов выделяет вокативные слова (слова, служащие подзывом или отгоном животных), которые входят в подражательную группу слов [Соколов 1996: 70].

В 2008 г. сотрудниками Удмуртского института истории, языка и литературы был подготовлен «Удмуртско-русский словарь», представляющий собой 2-ое дополненное, переработанное издание «Удмуртско-русского словаря», вышедшего в 1983 г. К словарю в качестве приложения дан «Краткий грамматический очерк удмуртского языка» [КГОУЯ 2008: 827–864], переработанный и дополненный кандидатом филологических наук Д. А. Ефремовым и доктором филологических

наук Н. В. Кондратьевой с учетом материалов готовящейся книги по удмуртской морфологии. К сожалению, материал по наречно-изобразительным словам, представленный В. И. Алатыревым в грамматическом очерке 1983 г. перешел в новый словарь в его первоизданном виде, т. е. не был изменен.

Коллектив авторов Удмуртского государственного университета факультета удмуртской филологии издает в 2011 г. научно-учебное издание под названием «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз». В данном труде представлено обособленное положение звукоподражательных слов от междометий. Выделены звукоподражательные и изобразительные слова [УКК 2011: 354].

В последнее время проблеме наречно-изобразительных и звукоподражательных слов уделено внимание и молодыми исследователями удмуртского языка. Так С. Н. Широбокова, изучая класс междометий, отметила и проблему выделения звукоподражательных слов удмуртского языка. Автор статьи высказывает мысль о том, что обзор истории изучения междометий позволяет судить о частеречной сущности данной группы слов в удмуртском языке. Определение же грамматического статуса звукоподражательных слов в удмуртском языке сводится к рассмотрению их в составе междометий или наречно-изобразительных слов. Отдельных работ, посвященных их исследованию в рассматриваемом языке, практически не существует [Широбокова 2013: 198].

Частным и общим вопросам подражательных слов посвящен ряд работ сотрудника Удмуртского института истории, языка, литературы УрО РАН А. А. Шибанова [2001, 2001, 2003, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2013]. Например, в исследовании «Наречия и подражательные слова в удмуртском языке» поднята проблема подражательных слов в системе частей речи в удмуртском языке. Отмечено, что в настоящее время данная категория слов относится к категории наречия и впервые предпринята попытка отделения их в самостоятельную лексико-грамматическую группу [Шибанов 2010: 133].

Таким образом, по результатам анализа научных работ становится очевидным, что от самого зарождения удмуртской лингвистики как науки, вплоть до 90-х годов прошлого века подражательные слова как категория не рассматривались, практически во всех работах были включены то в разряд междометий, то в разряд наречий.

2.2. Лексико-семантическая классификация подражательных слов

Особенностью семантики подражательных слов является образное выражение соответствующих понятий о звучании или способе действия с помощью специализированного фонемного строения лексической единицы. Конкретность их значения обусловлена весьма малой обобщающей силой подражаний, но им всегда сопутствует связанная с их природой большая экспрессивность.

Проанализировав литературу [СМЯ 1961: 308–311], [Кривошекова-Гантман 1964: 112; 2006: 39–56], [Имайкина 1968: 4], [Алатырев 1983: 586], [Соколов 1996: 70; 2004: 30–34], [Пылма 1967: 4–5], [ГСБ 1981: 342–344], [Шарафетдинова 2007], [Шляхова, Лобанова 2012], [Исянгулова 2015, 2016] и др. по семантической классификации подражательных слов, как по удмуртскому, так и по другим языкам, считаем возможным выделить два основных разряда, на которые делятся рассматриваемые нами слова¹:

¹ К примеру, А. С. Кривошекова-Гантман [1964: 112], анализируя изобразительные слова коми языка, с лексико-семантической стороны выделяет два основных разряда:

- 1) звукоподражательные (звуко-изобразительные);
- 2) образные (образно-изобразительные).

Мордовский языковед М. Д. Имайкина [1968: 4] классифицирует изобразительные слова следующим образом:

- 1) слова, характеризующие слуховые образы;
- 2) слова, характеризующие зрительные образы:
 - а) слова, передающие двигательные образы;
 - б) слова, передающие световые впечатления;
 - в) слова, передающие цветовые впечатления;
- 3) слова, передающие моторные ощущения.

Рассматривая изобразительные слова удмуртского языка, В. И. Алатырев [1983: 586] выделяет следующие группы:

- 1) слова, выражающие зрительный образ;
- 2) слова, выражающие звуковой образ;
- 3) слова, выражающие осязательный образ.

Соколов С. В. [1996: 70] выделяет две основные группы изобразительных слов [1996: 69–73]:

1. Звукоподражательные слова: *буль-буль карыны* ‘булькать’, *бульыр-бульыр ошмес потэ* ‘бурля бьет родник’, *вуч-вуч бөрдүз* ‘плакал всхлипывая’, *ток-ток сюлэм йыгаське* ‘тук-тук! бьется сердце’, *гудыр-гудыр кариз* ‘прогремел’, *дамбыр карыны* ‘грохотать, громохатать’, *домбыр-домбыр гитараен шудэ* ‘бренчит на гитаре’, *дон-н-н шуккыны* ‘бить (о часах-курантах)’, *дурт-дурт уробо мынэ* ‘стук-стук телега едет’, *дыбыр-дабыр усиз* ‘упал с грохотом’, *дымбыр-дымбыр вазыны* ‘гремять’, *дымбыр-шалтыр карыны* ‘громохатать’, *жаль-жаль виясь ошмесэд – лыз-пурысь валэдлэн юонэз* ‘вода из журчащего ключа – питье твоего сивого коня’, *жангыр вазыны* ‘дребезжать; бренчать’, *жин вазыны* ‘звонко и тонко звенеть, позвякивать’, *жсонгыр пельын вазыны* ‘звенеть в ушах’, *зилыыр-зилыыр карыса ву бызе* ‘журча бежит вода’, *колтыр-колтыр вазэ уробо колёсаосыз* ‘колёса телеги скрипят’, *куаж-куаж куажсы кесяське* ‘скрипуче кричит коростель’, *кучык-вучык бөрдэ* ‘плачет всхлипывая’, *кыштыр-куаштыр карыса* ‘с шорохом’, *лук-лак йыгаськыны* ‘тук-тук стучать (о сердце)’, *луп-луп вазыны* ‘стучать (об обуви)’, *лынгыр-лангыр гырлыос вазэ* ‘разноголосозвучат колокольчики’, *резь-куаж карыны* ‘сильно шуметь’, *сач сётыны* ‘шлепнуть’, *хлоп карыны* ‘хлопнуть’, *чыкыр-чыкыр пинь жуқыртэ* ‘зубы срежешут’, *шекыр-шекыр шоканы* ‘хрипеть; хрипло дышать’, *шилък-шалък карыны* ‘бряцать’, *шур-р тылобурдоос лобзизы* ‘птицы взлетели с шорохом’ и др. Звукоподражательные слова являются подражаниями звуковым явлениям в природе. Они обозначают понятия о звучании. При передаче результатов слуховых впечатлений звукоподражательные слова включают элемент имитации в пределах артикуляционных возможностей человека, в силу чего значение их достаточно конкретно. Они часто употребляются самостоятельно. Например:

«Дело» *жэутозы тани, Паримонэд ту-у-ту-ту!* – *кыдёкысь шаерын син сузэнтэм жэужытэсь, зыгыртыны сузэнтэм кызъёсты но*

1) звукоподражательные слова (имитативы):

а) подражание голосу человека (смеху, плачу, кашлю и т.п.);

б) подражание животным, птицам;

в) подражание звукам, издаваемых различными неодушевленными предметами;

2) образно-подражательные слова:

а) слова, показывающие внешний облик различных предметов;

б) слова, дающие картину ходьбе, различным действиям.

пужымгъёсты погыръялоз (С. Самс., В, 161). ‘Вот заведут «дело», Парамон ту-у-ту-ту! – в далеком краю будет валить ели и сосны неизмеримой высоты, необъятной толщины’.

Шодтэк шорысь укно жин! шуиз (Иг. Гавр., Вп, 70). ‘Неожиданно окно дзинь! зазвенело’.

Бызьыса сямен мынйз корказь доры, каллен гинэ тубиз но дугдйз, сюлмыз лук-лук жугиське (Иг. Гавр., Вп, 54). ‘Почти бегом дошла до сеной дома, тихонько поднялась и остановилась, сердце стучит тук-тук’.

Пионерёс дымбыр-дымбыр барабанэн кошко (М. Кон., Куöv, 75). ‘Пионеры идут и бум-бум бьют в барабаны’.

Участковойлы шур-пар бызьыны умой öз поты, кузь вамышъям пыд куараез луп-луп гинэ шуккиськиз (С. Самс., В, 211). ‘Участковому второпях бежать показалось неудобно, слышны были лишь отзвуки длинных шагов’.

Шуккон дырыз вуэ ке, пушказ маиз ке кекам мурт кадь зукыртэ, куажыртэ но дон-н-н-н! дон-н-н-н! шуккиське (Г. Крас, 20). ‘Когда приходит время бить (о часах), внутри что-то, словно у удушяемого человека, скрипит, хрустит и звенит бом! бом!’

Куазь жоб дыръя, бадзым жёк котырын уйшорозь пуко, доминоен сач! гинэ шуккыло (Г. Крас, 29). ‘При ненастной погоде до полуночи сидят вокруг большого стола, со стуком играют в домино’.

Стангёс резь-куаж вырзизы (М. Кон., Куöv, 38). ‘Станки со скрипом закрутились’.

Султылытэк бер жытозь лыдзиз, быдтэм бераз книгазэ хлоп! пытсаз, койка вылаз пуксиз но вазылытэк пукиз (Г. Крас, 39). ‘Читал, не вставая до позднего вечера, после, как закончил, хлоп! закрыл (захлопнул) книгу, сел на койку и сидел молча’.

Стан, вис карытэк, шильк-шалк лэзиське, жутийське (М. Кон., Куöv, 19). ‘Станок непрерывно с бряцанием опускается, поднимается’.

2. Образоподражательные слова: *бугыль-бугыль* пинал луэм ни ‘ребенок уже стал пухленьким’, *бугырак* нянь лөптэмын ‘тесто пышно поднялось’, *быз-быз* сиськи ‘я плотно поел’, *быльк-быльк* синмыз петлань потэмын ‘у него глаза выпучены’, *выйык-вайык* вырыны ‘вести себя неуравновешенно’, *вар-вар* кесяны ‘разодрать в клочья’, *вогыр-вогыр* сюрес ‘бугристая дорога’, *вожык-вожык* турын адскылэ ‘местами трава зеленеет’, *вочер-вочер* учкылыны ‘посматривать по сторонам, оглядываться, озираться’, *вёт-вёт* ‘спокойно, беззаботно’, *вöш-вöш*

кыльыны ‘лежать распростершись, раскинувшись; разлечься’, **домбыль** адыми ‘толстый человек’, **жип-жип** зыгырскыны ‘крепко обняться’, **зйрак** берытскыны ‘резко повернуться’, **зүзыр-зүзыр** кесяскыны ‘изорваться в клочья’, **жипык-лапык** тэтчаны ‘прыгать скок-поскок’, **йыгыр-йыгыр** мугор луэм ‘тело покрылось гусиной кожей’, **йырин-пентрин** васькиз ‘он скатился кубарем’, **кир-пазь** пегзыны ‘разбежаться врассыпную’, **пир-пир** берганы ‘легко кружиться’, **погыль-погыль** луыны ‘стать пухлым’, **лань-лань** вамышьяны ‘шагать расторопно, неторопясь’, **лач-лач** лэсьтэмын ‘сделано на совесть, хорошо’, **тып-тап** уроксэ лэсьтыны ‘сделать уроки наспех, быстро’, **ури-бери** кошкыны ‘быстро уйти’, **чиль-дол** карыны ‘блестеть’, **чиптэм-чантэм** ышыны ‘исчезнуть бесследно’, **шал-шал** кыльыны ‘остаться без ничего’, **юр-яр** бызбылыны ‘бегать и галдеть’ и др. Образоподражательные слова выражают образы, представления о световых явлениях, впечатления от движения и состояния. Строго говоря, в них отсутствует элемент подражания. Семантически образоподражательные слова передают целый комплекс представлений, поэтому значение их довольно абстрактно. Они очень редко употребляются самостоятельно, часто сопровождаясь словами, уточняющими их значение. Например:

Аяз мыниһь пи, вужер кадь, чиптэм-чантэм ышиз (М. Кон., Куöv, 79). ‘Впереди идущий мальчик, словно тень, бесследно исчез’.

Паша ури-бери пыч сямэн тэтчаса бызбылыны шöтаз: валессэ төдöы пужыё одеялэн шобыртйз, жöк вылысь чашка-пуньызэ тып-тап октйз, укно дурысь тамак пумен тэркызэ гур сьöры нуиз (С. Самс., В, 177). ‘Паша быстро, словно блоха, начал бегать: застлал кровать белым узорчатым одеялом, быстро убрал со стола посуду, тарелку с окурками унес с подоконника за печку’.

Кыксы ик ваче ки мычо вал кадь но, олокызыы луиз – жип-жип зыгырскизы (С. Самс., Мвс, 60). ‘Вроде оба друг другу руки протягивали, непонятно как получилось – крепко обнялись’.

Педчаен Катя шал-шал гольык кылызы, кыксы ик кураьскыны потйзы (Иг. Гавр., Вп, 10). ‘Катя и Федосья остались без ничего (букв. абсолютно голые), обе вышли попрошайничать’.

Паша Егоров жип-жип кунултйз Лизаез (С. Самс., В, 236). ‘Паша Егоров крепко взял под руку Лизу’.

Комаровлэн синһёсыз чиль-дол пишитйзы, следовательлэн жöказ пырась-потась кыыз сьöры ветлыны кутскизы (С. Самс., В, 227).

‘Глаза Комарова заблестели, стали следить за руками следователя, которые то открывали, то закрывали шкаф стола’.

Потійз чыжыт ымныро Дед Мороз. Котыраз юр-яр карыны шотазы (С. Самс., Мвс, 67). ‘Вышел Дед Мороз с румяным лицом. Вокруг него начали беспорядочно бегать и галдеть’.

Солэсь вырѣмзэ адзыса, векчи чорыгѣс, ыбиськем кадь, кир-пазь луыса кошко, азвесь кӧтурдэссы гинэ шунды шоры воректылэ (Иг. Гавр., Вп, 301). ‘Заметив его движение, мелкая рыба, словно от выстрела, уплывает враспынную, лишь серебряные бока поблескивают на солнце’.

Буйгатске, Парамон Степанович, эн пӧсекъялэ, буйгатске но лач-лач валэктэ, кызьы тий вишды, малы? (С. Самс., В, 197). ‘Успокойтесь, Парамон Степанович, не горячитесь, успокойтесь и подробно, по порядку расскажите, как вы убили, почему?’

Калыкын Макар зйбыт гинэ, лань-лань вераське, ужрадэз валась шуыса ик правление но бырийзы (Г. Крас, 12). ‘В народе Макар тихий, разговаривает спокойно, да и в правление выбрали за то, что разбирается в делах’.

Выделение вышеперечисленных разрядов связано с тем, что звукоподражательные слова являются результатом звуковой имитации каким-либо «слышимым» природным явлениям, а образоподражательные слова – звукообразный результат «видимых» нами явлений.

В то же время обе названные группы слов имеют некоторые общие черты в структуре (сочетаемость определенных согласных, своеобразное чередование гласных, употребление в парно-повторном виде, наличие в составе двусложных основ сходных структурных элементов, неизменяемость в грамматическом отношении и синтаксических функциях, вхождение в глагольные словосочетания, функционирование предпочтительно в позиции обстоятельства образа действия). С этой точки зрения их целесообразно рассматривать вместе, имея ввиду, однако, характерные отличительные признаки для каждой разновидности.

Разделение подражательных групп на семантические группы не влечет за собой жесткого определения их границ. Существуют активные переходы как между разрядами внутри семантических классов, так и между основными классами. Одно и то же слово может совмещать в себе различные значения, наиболее ярко проявляя какое-то одно в определенном контексте.

Отдельной группой рассматриваются слова, служащие для подзыва, понукания и отгона животных. Данная группа слов в настоящее

время носит весьма проблематичный характер по своему грамматическому статусу. Подзывные слова еще не получили однозначной оценки в грамматических исследованиях. В работах отечественных лингвистов они обычно определяются как особая группа в составе междометий, реже подзывные слова квалифицируются как особая грамматическая группа слов. По звуковому строю, по отсутствию словоизменяемых и словообразовательных формантов они очень сходны с междометиями, поэтому авторы большинства грамматик рассматривают их в составе междометий. Представляется, что это лишь внешнее сходство, так как по значению, синтаксической функции и способу включения в речь подзывные слова отличаются от междометий.

Подзывные слова не выражают, как междометия, чувства человека (некоторые из них могут сопровождаться эмоциональным отношением к высказанному), а являются как бы сигналами к действию и в этом близки к глаголам в повелительной форме.

По значению и структуре различается три вида подзывных слов:

1) слова, употребляемые для подзыва животных: обычно они состоят из двух или трех повторяющихся компонентов: *пись-пись* ‘кыс-кыс’ и т. д.;

2) слова, употребляемые для отгона животных, звучащие как короткая команда: *кыш* ‘кыш’ и т. д.;

3) слова-понукания, употребляемые для остановки и движения животных при работе: *борозно* ‘в борозду’ и т. д.

В отличие от междометий все звательные слова однозначны, выражают свое значение вполне самостоятельно, даже без контекста.

Затрагивание и описание данной проблемы заключается в том, что по способу образования подзывные слова явно имеют звукоподражательный характер.

2.2.1. Звукоподражательные слова

Слова, передающие звуки природы или человека и других живых существ, можно подразделить на следующие тематические группы:

1) подражания звукам, издаваемым человеком; 2) подражание звукам, издаваемым животными; 3) подражание звукам, издаваемым птицами; 4) подражания звукам, издаваемым насекомыми.

I. Подражания звукам, издаваемым человеком. Такие звукоподражательные слова по своему лексико-семантическому значению отличаются от других групп.

1. Звукоподражательные слова, являющиеся подражаниями звукам, возникающим при движении человека; производстве каких-либо процессов: *туч-тач*, *лир-люр*, *тач*, *туш-таш*, *чиж-чаж*, *йыг*, *корк-корк*, *шач*, *дыб-дыб*, *йыгак*, *шатрак-шатрак*, *тырк-тарк*, *топ-топ*, *кыж-куаж* и др.

Туч-тач вазьыса, Болёклэн сюлез валлэн тыбыр вылтїз ветлэ (К. Митр., Зв, 139). ‘Со звуками туч-тач, плетка Болека ударяет по спине лошади’.

Гуртѣсын лир-люр каро, музѣем люкыло, жугисько, сельсовет бырйыло, продовольственной развѣрстка окто (К. Митр., Зв, 110). ‘В деревнях шумно: делят землю, дерутся, выбирают сельсовет, собирают продовольственную разверстку’.

Мар вал собере отын, нокызы гожтыны уд быгаты: киос, пыдъёс сураськызы, кудѣем муртѣс огзэс огзы лёгало, бамѣсазы туч-тач сальыло, одйг бадѣым пог люкаскыз...(К. Митр., Зв, 103). ‘Что там было потом, написать никак не сможешь: руки, ноги переплелись, пьяные люди друг друга топчут, бьют друг друга по лицу, получился один большой ком...’.

Тач! – чапкыз Колялэн пельдораз Лука Иван (К. Митр., Зв, 46). ‘Шлеп! – ударил Лука Иван по уху Коли’.

Туш-таш жуго кышномуртэз (К. Митр., Зв, 48). ‘Сильно ударяя бьют женщину’.

Кузон палась лыктэм Дамин пи татарѣс пѳртэм-пѳртэм бас-маоссэс, кенакѣслы, нылѣслы серемпыр мертаса, чиж-чаж кесяло (К. Митр., Зв, 24). ‘Татары рода Дамин, прибывшие со стороны Казани, с усмешкой, отмерив женщинам и девушкам разные ткани, отрывают их с треском’.

Султїз но, пуконзэ йыг! пуктыса, выж шортї порѣяны ѳдѣяз (В. Смир., В, 336). ‘Встал и, со стуком поставив стул, начал ходить посреди комнаты (букв. посреди пола)’.

Кызы ке възкыны кужым утчаса, кымес вылысьтыз офтальмоскопсэ йыркуреныз зуркак кыскыз но жѳк вылэ шарк куштїз (Ар. Клаб., Ад, 250). ‘Как-то пытаюсь сдерживаться, от злости резко стянул со лба офтальмоскоп и со стуком бросил на стол’.

Оломар юрмем писпу сюрис, – шуыса, пыдесын чюш лымыын Лазыр корк-корк писпуэз кора (М. Кон., Л, 120). ‘Какое-то смолянистое дерево попалося, – говоря, стоя по колено в снегу, со стуком рубит дерево Лазыр’.

Пось но мар но өвёл та бордын... – пукон вылын пукись Микол кут шильыэз кыскась, нуныяськись писэез шач! шуккыса лэзиз (М. Кон., Л, 118). ‘И не горячо, и не холодно ... – сидевший на стуле Микол, шлеп! ударил нежащуюся кошку, дергавшую лыко лаптей’.

Гадяз дып-дып мыжгыса ушьяське (Г. Мед., Яр, 84). ‘Хвастает, ударяя себя в грудь’.

Кызы потйз, озы ик берыктйськиз но ёсэз йыгак ворсаса пыриз (Г. Крас., 158). ‘Как вышел, так же вернулся и зашел, со стуком закрывающая дверь’.

Гроб вылэ шатрак-шатрак суй куямзы кема кылйськылйз, шуккиськылйз на солэн пель съобраз (С. Самс., Вёт, 19). ‘Стук земли, кидаемой на гроб, еще долго слышался, доносился до его слуха’.

Таре тани Йогралан дуриське уни. Котёлок, ведра кулэ ке, тырктарк каре но – дась (П. Позд., Уск, 156). ‘Теперь вот в Игре уже куёт. Если надо котелок, ведро, тук-тук стучит – и готово’.

Таће дыре, няськыт жытазе, егитъёс шудыны пото, арганчи яратон сярись чебер крезьгур мытэ, йырзэ ик сзъяса, пыдыныз топ-топ лёгылыса шудэ, нылъёс но пиос кизэс чабыса, этыса со съёры кырзало (В. Шир., Лс, 351). ‘В такое время, тихим вечерком, молодежь выходит на гулянки, гармонист затягивает красивую музыку про любовь, играет, аж головой покачивая, ногами топая, девушки и парни, хлопая в ладоши, танцует, за ним поют’.

Музысь улваез басьтыса, провор кыыныз кыж-куаж тияз но тыл вылэ понйз (М. Кон., Г, 43). ‘Подобрав с земли ветку, крепкими руками с треском сломал ее и положил в огонь’.

Со олоқыче ик сурон сапеген, кильтро зундэсэн, картузэн, папирос кыскаса, лызпыр чынзэ ныртйз поттыса лэзе яке пиджак кысысьтыз векчи мульыэз поттыса шальк! куртче, паллян пал ымдуртиз ши-ур! салыса лэзе (М. Кон., Л, 122). ‘Он, в каких-то кожаных сапогах, с модным кольцом, в картузе, потягивая папиросу, выпускает через нос синеватый дым или, вынимая из кармана пиджака мелкий орех, с хрустом его щелкает и с шумом выплевывает с левой стороны рта’.

2. Звукоподражательные слова, являющиеся подражаниями звукам, возникающим в результате функционирования внутренних органов человека. В основном, это слова, которые являются подражаниями сердцебиению: *жон, бультыр, чот-чот, дырк-дырк, луп-луп, вырт-вырт, гып-гып* и др.

Соин, лэся, тиккетэм куара, коръёс кузя вуыса, пересь муртлэн пельдйняз жон-жон вазе (К. Лом., ВэВО, 224). ‘Поэтому, видимо, звуки тикания, передаваясь по бревнам, звенели в висках старого человека’.

Гожтэтэз лейтенант лыдзиз. Йырыз жон! шуиз соку Пукроклэн (Ан. Гиль., Кк, 297). ‘Лейтенант письмо прочитал. Бум! прозвенело тогда в голове Пукрока’.

Нянькинлэн тусыз кизьныны турттйсь муртлэн кадь кисыртйсь киз, однако, кизьнэм интые, со серекъям кариз: ньыллоназ маиз ке бультыр кариз (Г. Крас, 173). ‘Вид у Нянькина стал таким, как будто хочет чихнуть, однако, вместо этого, он улыбнулся: в горле что-то пробулькало’.

Сергейлэн сюлэм чот-чот выре (Ал. Мир., Гд, 56). ‘Сердце Сергея тук-тук стучит’.

Грос куректонэз адзем сюлэмыз дырк-дырк тэтча (М. Лям., Б, 181). ‘Его сердце, повывавшее много горя, тук-тук прыгает’.

Сюлэмыз луп-луп жугиське (Иг. Гавр., Й, 222). ‘Его сердце тук-тук бьётся’.

Выльысь сюлэмез вырт-вырт тэтча мен начылмиз (Г. Медв., Лб, 15). ‘Снова его сердце переполнилось биением’.

Тае адзыса, лейтенант музьем борды эсиптйсь киз но, огшан соос шокчыны-вырзлыны дйсь тытэк, чал-чал кыллизы – сюлэмъёссы гинэ, кузёоссэс шараяны турттыса музэн, лек лысуво му борды гып-гып йыгасько (Г. Пер., Нз, 109). ‘Увидев это, лейтенант прижался к земле, и одно время они лежали тихо, боясь дышать и шевелиться – лишь сердца, словно пытаясь выдать хозяев, тук-тук бьются о покрытую росой землю’.

Сюлэмыз кыре потымон лёб-лёб тэтча ни (Г. Медв., Лб, 36). ‘Его сердце тук-тук стучится уже, пытаясь выпрыгнуть наружу’.

3. Звукоподражательные слова, которые являются подражаниями звукам, издаваемым голосовым и дыхательным аппаратом человека (смех, плач, кашель, хрип, храп, крик, негромкий разговор, шепот и т. п.): *сипыр-сипыр, шыпыр, боз-боз, шук-шук, гуль-гуль, чир-чир, чирак, горгор, сор-сор, чир, пырс-пырс, ныс-ныс, суптыр-соптыр, быз-з-з, зарзар, дыг-мог, жирак, шау* и др.

Судьяос **сипыр-сипыр** гинэ куспазы верасько (К. Митр., Зв, 145). ‘Судьи тихонько между собой перешептываются’.

*Жадемын ке но, умме уг усё, махоркаен чындо, **шыпыр** верасько, шузи кылъёс окыт омырез сзэъяло* (К. Митр., Зв, 41). ‘Хоть и уставшие, не засыпают, дымят махоркой, разговаривают шепотом, дурные (матерщинные) слова иногда содрогают воздух’.

Жечесь-а, пиналъёс! – боз-боз куараен вазиз со (Вуюись, 135). ‘Здравствуйте, ребята! – проговорил он басовитым голосом’.

*Бубымы веранзэ йылаз-пумаз вуттэм бере, вань калык **шук-шук, шук-шук** бёрдыны кутскиз* (П. Позд., Уск, 166). ‘Когда наш отец закончил свой рассказ, весь народ тихонько заплакал’.

*Мон нош мар, аракызэ... **гуль-гуль** гинэ жистйсько* (Г. Медв., Лб, 35). ‘А я что, его вино... буль-буль тихонько потягиваю’.

*Ну, брат, **чир-чир** кесяськысалыд, дыр, корен пачкатэм дыръя кадъ ик...* (Г. Медв., Лб, 48). ‘Ну, брат, сильно кричал бы, наверно, словно если бревном придавили бы ...’.

*Тазы сылон куснетйм улычаын кин ке **чирак!** шултйз* (В. Шир., Ш, 356). ‘Пока вот так стоял, кто-то на улице сильно свистнул’.

*Воятэк табань но гуньдытэ, шуо, кенак, таёе шумпотэмез гылтытэк уд быгаты, – **гор-гор** серекъяз счетовод* (Ев. Самс., Сан, 300). ‘Даже блинами без масла можно подавиться, говорят, тетя, такую радость без обмывки никак’ – захохотал счетовод.

*Семи эше умлы секыт вылэм: **сор-сор** шока* (Иг. Гавр., Шп, 213). ‘Мой друг Сема на сон тяжелым оказался: храпит’.

***Юр-р, чир!** черекъяло, уробо шальтыртэ, ведра жукуртэ – ваньмыз огинэ сураськыса вёлме* (М. Пет., Вп, 151). ‘Сильно галдят, кричат, телега скрипит, ведро скрипит, – разносится все, смешавшись в одно целое’.

*Кирло, ас понназ **пырс-пырс** серекъяса, съöraз вамышья* (Г. Мед., Вд, 107). ‘Кирилл, тихонько посмеиваясь про себя, шагает за ним’.

*Петя чатрес нырзэ **ныс-ныс** кыска, огинтыяз жызы толэс кадъ лёгаське* (М. Кон., Л, 139). ‘Петя шмыгает курносым носом, топчется на одном месте, словно худой стригунок’.

***Суптыр-соптыр** сиське. Ки улаз сюрем мар ке сыскиськытэк нылоназ жоктйське. Пось өвёл ке но, бамысьтыз, кымесысьтыз шурьяськыса нюламез вия* (Г. Мед., Вд, 107). ‘Ест поспешно. То что попадает под руку недожёванным застревает в горле. [Еда] хоть и не горячая, с лица, со лба пот катится ручьем’.

*Өжыт кин ке бордаз йөтэ ке, **быз-з-з** бөрдыны кутске но корказ пыре* (Аш. Оки, Вк, 20). ‘Если кто-то немного задевает (ее), тихонько начинает плакать и заходит домой’.

***Зар-зар** бөрдйз Насыта, картэз корказылэсь укнооссэс вуж пульёсын чогаку* (Н. Вас., Сф, 94). ‘Горько плакала Настя, когда ее муж заколачивал окна их дома старыми досками’.

*Поп ни пиысьтыз дась гожтэм бумагазэ поттйз но дугдылыса-дугдылыса **дыг-мог** лыдэе* (К. Митр., Зв, 57). ‘Сын попа достал из-за пазухи заранее написанную бумагу и останавливаясь, заикаясь читает’.

*Бырид табере! – Италмас **жсирак** черектйз* (М. Кон., Г, 27). ‘Пропал теперь! – пронзительно крикнула Италмас’.

***Шау** каро, тышкасько: возжпотонэз пушкын возёнлы пум вуиз* (М. Кон., Г, 23). ‘Шумят, ругаются: пришел конец держать в себе ненависть’.

II. Подражания звукам, издаваемым животными.

1. Звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при крике животных:

1) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при мяукании или других звуках, издаваемых кошкой: *мяу, няу, мур, нор-нор, мыр-мыр* и др.

*Васька нуныяськись, амало: тыбырзэ карнан кадь каре, быжзэ выретэ, сингёссэ кыне, нуназе шунды шорын кылле но ялан маке маде: **нор-нор, мыр-мыр; уин калге, шыраса ветлэ*** (Вуюись, 28). ‘Васька [кот] – неженка: спину прогибает коромыслом, вертит хвостом, глаза закрывает, днем на солнышке лежит и постоянно о чем-то мурлычет: мур-мур, мр-мр; ночью гуляет, на мышей охотится’.

2) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при лаянии и рычании собаки: *ыrrrr, ау-ау, гав-гав, тяу-тяу, ам-ам-ам* и др.

*Кошке луд кеч, бөрдэ, пумитаз нуны лыктэ: **Ав! ав! ав!** Малы бөрдйськод, кече?* (Вуюись, 20). ‘Идет заяц, плачет, навстречу ему собака: Ав! ав! ав! Почему плачешь, заяц?’.

3) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при мычании коровы: *амму, мууу, му-му* и др.

*Ту-ту-ту! Пастух вуэ, скал уллё **му-му** шуэ* (Вуюись, 37). ‘Со свистом приходит пастух, стадо коров отзывается му-му’.

4) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при ржании лошади, жеребенка: *иго-го, и-и-и* и др.

Вешасал тонэ чуньы... Чаль, эн кышка, тодматском, ме няньме, чошен сиськом. – *Иго-го*, берло сисько, ворттылыны дышетско (Вуюись, 37). ‘Погладил бы тебя, жеребенок... Айда, не бойся, познакомимся, на хлеба, вместе поедим. – Иго-го, попозже поем, скакать научусь’.

5) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при хрюкании поросят, свиней: *нурс*, *хро-хро-хро*, *орсь-орсь* и др.

Нош парсь, вылийын жугиськемез кылыса, муржолысь потйз но нурскете: Нурс!.. Нурс!.. Нурс!.. Кинэ татысь сиёно? (Вуюись, 55). ‘А свинья, услышав борьбу наверху, вышла из подполья и визжит: Хрю! Хрю! Хрю! Кого тут съест?’

Ачим нош, парсь кадь, орсь-орсь карисько... (Г. Медв., Лб, 12). ‘А сам я, словно свинья, хрюкаю...’

6) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при мекании домашней козы: *ме*, *ме-ке-ке-э* и др.

Гурт кеч шуэ: «Ме-ке-ке-э, бакчае пырем потэ-э!» (Вуюись, 42). ‘Коза говорит: «Ме-ке-ке, хочется зайти в огород»’.

7) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при бляении овец: *бе-е-е*, *бэ-э-э*, *лар-р* и др.

Така кытчы пырон инты уг шедьты ни. Сэрегы шымырскиз, кышкыт куарает бёксэ: Бэ-э-э!.. Бэ-э-э!.. Бэ-э-э! (Вуюись, 55). ‘Баран не находит места, куда спрятаться. Зажался в угол и блеет страшным голосом: Бэ-э-э! Бэ-э-э! Бэ-э-э!’

Жыт пал ке вуэ, пудо сюдон вакыт лар-р! пересь ыж бёксэ (М. Кон., Л, 118). ‘Когда вечереет, во время кормления скотины, старая овца блеет бе-е-е...’

8) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при бляении быка: *у-у-у* и др.

Ош султйз, сюръёсыныз кионлэн кётурдэсаз леказ: У-у-у!.. У-у-у!.. У-у-у! (Вуюись, 55). ‘Бык встал и своими рогами забодал волка в бок: У-у-у!.. У-у-у!.. У-у-у!’

2. Звукоподражательные слова, возникающие при движении животных: *кот-кот-кот*, *дыбыр-дабыр*, *тарс-тарс*, *топ-топ*, *чорк-чорк* и др.

Кенос азе сезьы пазьгыса, курегъёссэ отиз, олокытысь урамышь бызьыса пыриз атас но пазьгем сезьыез «кот-кот-кот!» коканы кутскиз (Г. Крас, 91). ‘Рассыпав овес перед амбаром, куриц позвал, откуда-то с улицы прибежат петух и рассыпанный овес стал со стуком клевать’.

Олексан гид пушкы вамышитїз но, ыжъёс, огзэс огзы лёганы турттыса, **дыбыр-дабыр** ворттыса потїзы (Г. Крас, 117). ‘Олексан вошел в хлев, и овцы, пытаясь задавить друг друга, с грохотом выбежали [из хлева]’.

Луд кеч **тарс-тарс** ворттыса кошкиз (Г. Мед., Яр, 93). ‘Заяц (букв. ломая ветки с треском) убежал’.

Пуке но кылэ, пе: **топ-топ-топ!** Музьем дырекъя, писпуос лосырто. Гондыр кошке (Вуюись, 110). ‘Сидит и слышит, мол: топ-топ-топ. Земля дрожит, деревья качаются. Медведь уходит’.

Баблес гоно кузь быж така **чорк-чорк** тэтча, эисэ лека (Вуюись, 161). ‘Длиннохвостый барашек с кудрявой шерстью тук-тук прыгает, друга своего бодает’.

3. Звукоподражательные слова, характеризующие крики, визги животных: *чирак*, *жи-и*, *жир*, *кис-куань* и др.

Вожез потыса, машиназэ со пырак тузон пöлын пыласькись курегшоры нуэ вал но, соиз, **чирак!** кеськыса, оломар сямен поглян вискытїи потыса вуиз (Г. Крас, 70). ‘Рассердившись, машину он направил прямоком на курицу, барахтающуюся в пыли, та, пронзительно прокричав, неизвестно каким образом сумела пробежать между колес’.

Азбартїи курегъёс чабъяськыса ветло ни; коргидын парсьпи, сиён курыса, **жи-и** синэ каре; пудо возь вылэ курыськыса бökсэ (Г. Крас, 93). ‘По двору курицы ходят, роясь в земле; в хлеву визжит поросенок, требуя еды; скотина блеет и просится на луг’.

Зор азын **жир** черекъяса бызьылїсь чушкаослэн тыбыр вылысьтызы жузы кадъ – ялан пештырскыса улэ (Т. Арх., Оп, 9). ‘Как щетина на спине свиней, бегающих с сильным ревом под дождем – постоянно взъерошена’.

Пуны, *кис-куань* карыса, дырекъясь кукъёссэ кöня ке пол вылланы чыжиз но отчы ик чондїи (М. Кон., Г, 31). ‘Собака поскулив, вздрогнув несколько раз поднятыми ногами вверх, там же и умерла’.

III. Подражания звукам, издаваемым птицами.

1. Звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при крике и пении птиц:

1) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при кудахтании кур: *ко-ко*, *кот-кот*, *котїи*, *котїк*, *куд-кудак*.

Азбарын курегъёс **ко-ко-ко!** шуыса бергало (Ар. Клаб., Лй, 239). ‘По двору кудахтая бегают курицы’.

2) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при пищании цыплят: *чи-чи, пи-пи, чиоп-чиоп, чип-чип, чип-чияп*.

Чип-чияп, чип-чияп! – *бызылло чипыос* (Вуюись, 86). ‘С пискком бегают цыплята’.

3) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при крике петуха: *кокорико, ко-ко-ри-ко-о-о-ок, ку-ка-ре-ку, ко-ко-ри-ко-о* и др.

Їукна атас сайказ. Ъардыны кутскемен ъош ик кеськиз ук: Ко-ко-ри-ко-о! (Вуюись, 110). ‘Утром петух проснулся. С началом рассвета прокричал: Ку-ка-ре-ку!’

4) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при чирикании воробьёв: *чирик-чик-чик, чик-чирик, чик-чилик, чульык-чульык* и др.

Ѕольгыриос гинэ, бушам шырчик умортоосы интыяськыса, чульык-чульык! *куара сёто* (Г. Крас, 90). ‘Воробьи только, заселившись в освобожденные скворечники, голос чик-чирик подают’.

5) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при крике рябчика: *чип-чип-чип* и др.

Чип-чип-чип *чипсыло сэзь пурьсы сялаос* (Вуюись, 45) ‘Чи-чи-чи свистят шустрые серые рябчики’.

6) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при крике тетеревов: *тур-тур-тур*.

Тур-тур-тур *кырзало сьод чияльс сьод турьёс* (Вуюись, 45). ‘Ток-ток-ток поют черные блестящие тетерева’.

7) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при ворковании голубей: *гур-гур, гултыр-р* и др.

Лобаса ветлйсь пересь дыдык кулэм зичыез адзем. Гултыр-р! гултыр-р! *карыса, зичылы матэ пуксем* (Вуюись, 95). ‘Летающий старый голубь увидел мертвую лису. Воркуя гур! гур! сел рядом с лисой’.

8) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при каркании вороны: *кар-кар, куар-куар, квар-квар, крок-крок* и др.

Нош куака вазе: «Кар-кар! Ноку, лэсьтйсько ай кар!» (Вуюись, 36). ‘А ворона отвечает: «Кар-кар! Некогда, я делаю гнездо»’.

Конгылэ кызын сьод кырныж дэймыт кроккетэ (Ив. Дяд., Бк, 62). ‘На кривой ели страшно каркает черный ворон’.

9) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при гоготе гусей: *га-га-га, го-го-го, га-га-гак, тадат* и др.

Нош Һазегъёс кузь чыртыоссэс нуйтйзы, горд пыдъёссэс шеперь-язы. Бурдъёссэс лопыръяло, ымъёссэс усьяло: «Га-га-га! Бертэммы уг пот милям» (Вуюись, 28). ‘А гуси свои длинные шеи вытянули, расставили красные ноги. Крыльями размахивают, клювы открывают: «Га-га-га! Мы не хотим возвращаться»’.

10) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при крякании уток: *гарт-гарт, кяк-кяк-кяк* и др.

Чӧж кырза ни шырпылы: «Гарт-гарт, кӧл валес вылын» (Вуюись, 41). ‘Утка уж поет мышонку: «Кря-кря, спи на кровати»’.

Чӧж вера ни: «Кяк-кяк-кяк, мыноме вуэ чаялк» (Вуюись, 42) ‘Утка говорит: «Кря-кря-кря, пойдемте в воду побыстрее»’.

11) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при клокации индюка: *колтыр-колтыр, кур-кур-кур* и др.

[*колтыр-колтыр шора колтыртэ*] (НК). ‘Клок-клок клокает индюк’.

12) звукоподражательные слова, связанные со звуками, издаваемыми синицами: *пинь-пинь* и др.

Золтэм ыжкуос котырын кӧня ке пислэгъёс, «пинь-пинь» куара сӧтыса, кӧй пырыосыз кокало (Г. Крас, 201). ‘Около натянутых овечих шкур несколько синиц, издавая звук «пинь-пинь», клюют крошки сала’.

13) звукоподражательные слова, связанные со звуками, издаваемыми перепелками: *тюк-тюк* и др.

Уг ни жингырто ю бусы вадьсын тюрагайёс, бӧдӧно гинэ жадьытэк тюккетэ, палэнысен солы вазиське мукетыз, куинетйез... (Г. Крас, 134). ‘Не звучат (поют) уже у нивы трели жаворонков, лишь перепелка без усталости кричит тю-тю, тю-рю, в стороне ей отвечает другая, третья...’.

14) звукоподражательные слова, связанные со звуками, издаваемыми галками: *чан-чан* и др.

Борозда вылын лыдтэм чанаос. Вадесэн чан-чан! кесясько (М. Пет., Вп, 144). ‘На борозде много галок. Временами кричат гал-гал!’.

15) звукоподражательные слова, связанные со звуками, издаваемыми лебедями: *ту-ру ру-ру* и др.

Тӧдды юсьёс жингрес куараосын нуналлэсь вордскемзэ дангъязы. «Ту-ру! Ру-ру» – чузъяськизы соослэн куараоссы бусо ты йылтй мукет ярдурозь (К. Кул., С, 251). ‘Белые лебеди поприветствовали новый день звонкими голосами. «Ту-ру! Ру-ру» разнеслись их голоса над поверхностью затуманенного озера до другого берега’.

2. Звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими при движении птиц: *лопыр-лопыр, зур-р, жур-р, тук-тук, шурк* и др.

Йырзэ вылэ-э жутыса, зичылэсь синзэ кокчалтыны одья вылэм но, зичи зурак тэтчем, дыдыкез кырмем. Пиосыз кышкаса лопыр-лопыр лобзиллям (Вуюись, 95). 'Подняв голову вверх, хотел выклевать лисе глаз, но лиса резко прыгнула, схватила голубя. Птенцы, испугавшись, взлетели с шорохом'.

Бурдо куноосмы зур-р! лобзизы (Вуюись, 140). 'Наши крылатые братья с шорохом взлетели'.

Одйез пурысь курег, жур-р! лобзе, котка, лыктэ, Василэсь сиён куре (Вуюись, 160). 'Одна серая курица с шорохом взлетает, квохчет, возвращается, просит у Василия еды'.

Нюлэс дурын ик сизь кукчась тук-тук кока (Г. Мед., Яр, 93). 'На опушке леса дятел долбит тук-тук'.

Урткычъёс гинэ, бурдэнызы шурк карыса, нырултй ортчо (М. Кон., Г, 32). 'Лишь летучие мыши, шурша крыльями, пролетают перед носом'.

IV. Подражания звукам, издаваемым насекомыми:

Нянь шорем вылысь кутъёс, жу-у-у карыса, съод пилем кадь лобзо (Аш. Оки, Ор, 24). 'С куска хлеба, со звуком жу-у-у жужжа, мухи летят, словно черная туча'.

[*гужэм вуэ кэ н'и, чибин'н'осыд би-з-биз лобало н'и*] (Пш). 'Как лето настает, эти комары зундят уже'.

Следующую большую группу звукоподражательных слов составляют слова, передающие звуки неодушевленных предметов и природы. Их можно разделить на следующие группы: 1) звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими от шума транспорта, шума производства, разных механизмов и моторов; 2) звукоподражательные слова, образованные на основе подражания звукам природы (*грохот, шелест, журчание* и т. д.).

I. Звукоподражательные слова, связанные со звуками, возникающими от шума транспорта, шума производства, разных механизмов и моторов:

1. Слова, которые являются подражаниями звукам, возникающим при работе транспорта, моторов, разных механизмов, устройств: *зур-р, бультыр, торс, шарк-шарк, чаж-чаж, бусьтыр, резь-куаж, тачыр, йыз-дым-жон, жон-жон, жур-р, тарс, шильтыр-шальтыр, шлач-шлач* и др.

Бадзым сюрес кузя автомобильёс зур-р! ветло (К. Митр., Зв, 97).
‘По большой дороге жур-р! ездят автомобили’.

*Татын ваньмыз дась вал ини: кулэ инструментъёс электроплитка
вылын **бультыр!** пöзё* (Ар. Клаб., Ад, 249). ‘Здесь все уже было готово:
нужные инструменты бурля кипят на электроплитке’.

*Чиньы зöкта андан ез **торс!** чигиз но Желобовлэн пыд дораз палдйз*
(Иг. Гавр., Й, 238). ‘Стальная проволока, толщиной с палец, с треском
лопнула и упала под ноги Желобова’.

***Шарк-шарк!** шуккиськись тйр куара съöры **чаж-чаж!** бычкы
куара вöлме* (М. Пет., Вп, 150). ‘За звуками топоров, раздающихся
шарк-шарк! разносится вжух-вжух! – звук пилы’.

*Жöк выльысь самовар **бусьтыр** пöзе* (М. Кон., Л, 135). ‘На столе
пыхта кипит самовар’.

***Резь-куаж!** вазе машина* (К. Митр., В, 36). ‘Резь-куаж! грохочет ма-
шина’.

*Кырзэнзэ пумозяз вуттыны öз кылды, öйтöд, мар луэм отйяз **Нась-
таен:** комбайнлэн моторез, чын кульчоосын ыбылйськыса, **тачыр** гинэ
ужаны кутскиз* (Г. Крас, 153). ‘Допеть песню до конца не пришлось,
не знаю, что случилось потом с Настей: двигатель комбайна, стреляя
черными кольцами дыма, треща начал работать’.

*«**Йыг-дым-жон!**» вазе кебитын, борддоръёсыз ик зуркало, «**жон-
жон!**» шуккиське Акагурт вадьсытй* (Г. Крас, 131). ‘«Бум-бам-бом!»
слышится в кузнице, даже стены трясутся, «бом-бом!» разносится над
Акагуртом’.

*Сыче машина вань, лифт шуиське, пагзати тубаса, пыддэ уд **кост-
таськы, ачиз тонэ жур-р** гинэ кытчы кулэ отчы вуттэ...* (Г. Крас,
128). ‘Такая машина есть, лифт называется, ноги по лестнице не во-
лочишь, он сам тебя вжи-ик куда надо, туда и доставит...’

***Тарс!** тйяськиз пуш замок* (М. Пет., Вк, 163). ‘Хруст! сломался вну-
тренний замок’.

*Уробо, **шылтыр-шалтыр** карыса, вольыт сюрес вылтйй нискы-
лась дöбьы сюл сямен ширтылэ* (М. Кон., Г, 34). ‘Телега, дребезжа,
мчится по гладкой дороге, словно на полозьях катится’.

*Машина, зегез культу тыр люкаса, **шлач-шлач!** чабкыса куштэ,
сик куашетэмез чоктыса гуретэ* (М. Пет., Вп, 147). ‘Машина, набрав
ржи с целый сноп, с щелчками его выкидает, тарыхтит, заглушая шум
леса’.

2. Слова, которые являются подражаниями звукам, возникающим при стрельбе, взрыве боевых снарядов, свисте пуль и т. д.: *бух, бу, гурак, бах, бум, трах, тр-р, гурак-гурак, туч-тач, чиу-чиу, жиу-у, тачы-ыр, лангы-ыр, гуды-ыр, тачыр-тач* и др.

Бух! Бух! *Вазизы мышказы ыбем пычал куараос* (М. Кон., Г, 46). ‘Бух! Бух! Прозвучали позади них звуки выстреливших ружей’.

Бух! бу! *Шуккиськызы берын ыбем пычал куараос* (М. Кон., Г, 32). ‘Бух! Бу! Раздавались сзади звуки выстреливших ружей’.

Гурак *вазизы сураськыса ыбем пушка куараос* (М. Кон., Г, 5). ‘С грохотом прозвучали перемешавшиеся звуки выстрелов пушек’.

Йотскыны гинэ вуэ, браунинг – бах! *вазиз, Опоньлэсь ымнырзэ чушказ* (К. Митр., Зв, 103). ‘Только успевает притронуться, браунинг стреляет бах! обжигает лицо Афони’.

Бум!.. Трах!.. *Пушка ыбиз* (К. Митр., Зв, 93). ‘Бум!.. Трах!.. Выстрелила пушка’.

Собере пулемётъёсын тр-р-р! *ыбылыны кутскизы* (Ал. Мир., Гд, 57). ‘Потом из пулеметов начали стрелять тр-р-р!’

Солдатъёс винтовкаен куинь пол гурак-гурак *вылэ ыбизы, короссэ гуэ лэзизы* (Ал. Мир., Гд, 58). ‘Солдаты три раза выстрелили из винтовок в воздух бух-бух! гроб отпустили в яму’.

Туч-тач! *шуккиз револьвер куара* (К. Митр., Зв, 67). ‘Бух-бах! прозвучал выстрел револьвера’.

Окопъёс вамен чиу-чиу! *карыса, пуляос кошко, чузьясько* (Ал. Мир., Гд, 58). ‘Через окопы шиу-шиу! пролетают пули’.

Отын но татын пелез урмытымон гудыръяло пушкаос; андан гусеницаосынызы шурмыт лангыртыса, окопъёс, траншеяос, нюк-гопъёс вамен лэймыт зечыраса, тузон пилем жэутыса, вистэм-вожтэм ыбылыса ортчо сумбрес танкъёс; дугдылытэк тачырто автоматъёс, пулемётъёс, пуштыло гранатаос; уйётій гинэ, писпу йылъёсты чышкыны турттыса музэн, уллёен-уллёен, шурмыт вузыса лобало чильк-вальк кисьтаськись самолётъёс – котырак жиу-у, тачы-ыр, лангы-ыр, гуды-ыр! *вазе* (Г. Пер., Нз, 102). ‘И тут и там, так сильно грохочут пушки, что закладывает уши; лязгая стальными гусеницами, через окопы, траншеи, ямы, плавно покачиваясь, поднимающая тучи пыли, непрестанно стреляя, проходят неповоротливые танки; беспрерывно трещат автоматы, пулеметы, взрываются гранаты; только по низу, словно пытаясь подстричь верхушки деревьев, эскадрильями

(букв. стаями-стаями), страшно взвывая, летают поблескивающие самолеты – кругом слышно жиу-у! трах-гара-рах! бух! бах!

Вераса 6з быдты... пуляос тачыр-тач гинэ писпу шоры й6тыло (К. Митр., Зв, 87). ‘Договорить не успел... пули с треском попадают в дерево’.

Йыг-куаиш-и! – пычал ыбылэм куара шуккиське (М. Пет., Вп, 142). ‘Бах-ба-бах! отдается в воздухе выстрел из ружья’.

3. Слова, которые являются подражаниями звукам, возникающим при движении паровоза, поезда:

«*Пых-пах, пых-пах*» – кыске паровоз (С. Самс., Мвс, 65). ‘«Пых-пах, пых-пах» – тащит паровоз’.

Вагон питраньёс тодмо гурзэс сёто ни: тук-тук-тук, тук-тук-тук... (Р. Вал., Чар, 41). ‘Колеса вагонов напевают уже знакомую мелодию: тук-тук-тук, тук-тук-тук...’.

Ш6дымтэ шорысь омырез паровозлэн кеськем куараез зуркатийз. Чыиш-пыиш, пуф-пуф карыса, станци пала ворттэ (Г. Мед., Вд, 109). ‘Неожиданно воздух потряс звук прогудевшего паровоза. Издавая чух-чух, пух-пух, мчится он в сторону станции’.

Чух, чух, вуч, вуч, вуч, чух, чух, вуч, вуч, вуч – поезд станциясь потэ, паровоз кыске, жушитэ (Вуюись, 64). ‘Поезд отправляется со станции, паровоз тянет, пыхтит чух, чух, чых, чых, чух, чух, чых, чых’.

4. Слова, которые являются подражаниями звукам, возникающим при игре на музыкальных инструментах: *дзинь, тринь-бринь* и др.

«*Дзинь*» гинэ берлозэ куара сётиз на пазьгиськем скрипка (К. Митр., Зв, 79). ‘Лишь «дзинь» в последний раз издала звук разбитая скрипка’.

[э, *трин'-брин'* папэд йуыса гита-райэн шудыны кутскэ ук] (Тш.). ‘Ну, отец твой, выпив, на гитаре начинает ведь брэнчать тринь-бринь’.

II. Звукоподражательные слова, образованные на основе подражания звукам природы (грохот, шелест, журчание и т.д.): *лоп, жомбыляк, зирк, шап-шап, дан-дан, жаль-жаль, тёп-теп, зукыр, куажыр* и т.д.

Таёе куазен куанер луд кечлы нюлэскын пукон 6в6л ни: кыз улэ пуксе но, со кусын в6зас ик лоп! гинэ лымы люк усе, сюлмыз пумымон кышкаса, куанер кузь пель, номыре адзътэк, пегз6н инты утча (Г. Крас, 216). ‘В такую погоду бедному зайцу находиться в лесу уже невозможно: лишь сядет под елку, и в это же время рядом хлоп! падает ком снега, от страха чуть сердце не выпрыгивает, бедный длинноухий, не видя перед собой ничего, ищет место, куда бы спрятаться’.

Шётак оломар кылійськиз Онсинлэн пель съобраз: куак съёрын маке жомбыляк вуэтэтчиз кадь (К. Герд, М, 16). ‘Вдруг что-то послышалось за спиной Онсина: будто за кустами что-то бултых! прыгнуло в воду’.

Жирк, жирк вазе пыд улаз (С. Самс., Вёт, 12). ‘Под ногами слышно скрип-скрип’.

Мойы кызыпу аслэсьтыз төдды, нап ческыто вирзэ сарваязы шап-шап гинэ уськытъя (К. Митр., С, 27). Старая береза, свою белую, насыщенную вкусом кровь кап-кап роняет в их бурак.

Жыт пал гинэ напра кылем музейем дан-дан кынмем (Г. Мед., Яр, 91). ‘Только под вечер земляная жижа крепко-накрепко застыла’.

Чилекъя, гудыръя, жал-жал зоре... (Ев. Самс., Ак, 286). ‘Сверкает, гремит, льет как из ведра’.

Липетьсь дырдытй корка сэреге пунктэм вышкые тён-тён гинэ ву вия (Ев. Самс., Ак, 287). ‘С крыши по желобу в поставленную в угол дома бочку кап-кап стекает вода’.

Жуыр вазе солдатъёслэн пыд улазы выль лымы (К. Лом., Кс, 19). ‘Под ногами солдат скрипит новый снег’.

Куажыр пырдылэ йё, шундыя весьёс кадь чиля (Г. Мед., Лб, 50). ‘С хрустом крошится лед, на солнце блестит словно бусы’.

На основе лексико-семантического анализа можно провести сематический анализ звукоподражательных слов, в котором заключена суть ассоциативных связей, сложившихся между звукоподражательными словами и объектами – источниками звука.

Речь построена на звуках, состоит из них, но «жизнь» звуков человеческой речью не ограничена. Их издают гром, ветер, листва, птицы, домашние животные, автомобили. Подобные звуки в лингвистике называют природными, или неязыковыми. Люди умеют и любят копировать многие природные звуки. Подражая пению птиц, охотники приманивают их к себе; крича как животные, партизаны во время войны извещали товарищей об опасности; актеры за сценой могут «щелкать» соловьем, «ухать» филином для придания спектаклю правдоподобия. Но гораздо чаще человек использует звуки природы, чтобы его рассказ был живописным. При этом он неязыковые звучания заменяет на их языковые аналоги, так называемые звукоподражательные слова.

Процесс перевода неязыкового звучания в языковое, подробно рассматривается А. А. Реформатским. Он пишет о «языковом сите», благодаря которому все чужие для каждого конкретного языка звуки

преобразуются в свои, соответствующие фонетическим принципам этого языка. Природное звучание может быть услышано по-разному, и потому в речи часто сосуществуют варианты одного звучания, похожие на оригинал каждый по-своему [1966: 96–109].

Язык не терпит дуплетов, поэтому из ряда вариантов часто сохраняется только один общепринятый, конвенциональный. Интересно, что сохраняемый вариант звукоподражательного слова, как правило, максимально отдален от природного звучания. «Чем ближе данный «звукоподражательный комплекс» к изображаемому, – пишет А. А. Реформатский, – ... чем более естественен, тем он более чужд и речи, и языку; чем же он более близок к речи и языку, чем более конвенционален, тем он менее естественен и менее похож на подражаемое» [1966: 103]. Наиболее значительную роль в конвенциализации варианта играет письменность. Неязыковые звуки можно адекватно воспроизводить, используя речевой аппарат человека, но невозможно адекватно передавать на письме ввиду ограниченности графических средств, прежде всего алфавита. При записи выбирается и принимается тот или иной условный вариант передачи неязыкового звучания, который, будучи озвученным, постепенно вытесняет все прочие его звукоподражательные дуплеты.

В результате в языках мира собаки лают, кошки мяукают, колокола звонят по-разному. Английский петух кричит не *кукареку*, а *ко-ка-дудль-ду*, удмуртский – *ко-ко-ри-кок*. Немецкие ножницы щелкают не *чик-чик*, а *клип-клап*, английские – *снип-снип*, удмуртские – *чик-чик*. *Вув-вув* – лает шведская собака. *Ван-ван* – отзывается через континент японская. *Ав-ав* и *ау-ау* произносят русская и удмуртская собаки.

В книге С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе» [1980] даются списки соответствий таких слов в разных языках. Не все звукоподражательные слова достигают конвенционального статуса. Многие из встречающихся в текстах слов диффузны как по форме, так и по смыслу, и их понимание оказывается в большой степени зависящим от конкретного контекста. Анализ звукоподражательных слов, сделанный И. А. Шароновым, позволяет располагать все единицы данной группы по шкале, на одном полюсе которой располагаются слова типа *гав-гав*, а на другом – окказиональные звуковые сочетания типа *фррр*, *пинь-пинь-пинь*, *трамбаламбым* и т. п. Между полюсами находятся единицы с промежуточным статусом, так сказать, «недослова». Их слабая конвенционализованность приводит, в частности,

к разнобою в лексикографической практике. Например, носителю языка хорошо известны звукоподражательные слова *трах* и *тарарах*. При этом в толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой представлено только *трах*, а в словаре Е.Ф. Ефремовой – только *тарарах*.

Цель автора при использовании им звукоподражательных слов состоит в том, чтобы напомнить читателю, адресату речи некоторое неязыковое звучание, которое читатель должен представить себе или вспомнить, опираясь на свои знания о мире. Оказывается, что одни звукоподражательные слова опознаются легко, другие несколько сложнее.

Многие неречевые, или природные звуки ассоциативно связаны со своим «источником». Можно предположить, что уровень конвенциональности звукоподражательного слова определяется не только устойчивостью его формы, но и силой их связи, «приписанности» к типовому источнику звука.

Чтобы определить источник в словах *гав-гав* или *тик-так*, не требуется контекстуальной поддержки: носителям языка известно, что это собака и часы. У других звукоподражательных слов связь с источником более слабая [Шаронов 2009: 157–163].

Такая же ситуация происходит и с удмуртским языком. На основе признака ассоциативной связи с агентом или источником звучания мы условно можем разделить подражательные слова на четыре группы.

I. В первую группу попадают слова, однозначно выявляющие объект – источник звучания. Это звукоподражательные слова, называющие домашних или «околодомашних» животных (*му-у-у* ‘му’, *ко-ко-ри-ко-о-о-ок* ‘ку-ка-ре-ку’, *нурс-нурс* ‘хрю-хрю’, *мяу-мяу* ‘мяу-мяу’, *га-га-гак* ‘га-га-га’ и т. п.), некоторые артефакты (*ту-ту-ту*, *биб-би-би-и*, *тик-так*, *дин-дон* и т. п.) и произвольные звуковые реакции человека (*тьфу*, *бр-р-р*, *апчи* и т. п.). Корова, бык и теленок в реальности могут мычать на разные лады, однако их мычание в удмуртском языке, как и в русском, передается как *му*. В текстах можно встретить варианты, различающиеся по долготе звучания: *му-у*, *м-муу*, *мууу* и т. п., но ни в коем случае не *мо-о*, не *у-ум*, и, конечно же, не *ме-е* – звукоподражание, конвенционально закрепленное за козой. Высокая степень конвенциональности этих слов подтверждается переводческой практикой: переводчикам рекомендуется использовать национальный эквивалент звучания, а не транслитерировать слово по собственному разумению.

Многие из таких звукоподражательных слов превращаются в корневые морфемы, становятся мотивирующей основой для других слов, образуют словообразовательное гнездо: *мяу* → *мяугетыны* ‘мяукать’, *га-га* → *гаггетыны* ‘гоготать’, *нурс* → *нурсгетыны* ‘хрюкать’ и т. п.

Слова первой группы минимально зависимы от контекста. Эти единицы не- или слабовариативны, их нельзя без последствий менять в контексте друг на друга.

II. Во вторую группу попадают звукоподражательные слова с устойчивой и хорошо известной носителям языка формой, но имеющие ассоциации с разными типами объектов-источников. Это такие слова как *жальтыр* ‘с журчанием, со звоном’, *жингыр* ‘звонко’, *жон* ‘бом-бом’, *жукур* ‘со скрипом’ и т. п. Например:

жальтыр звукоподр. 1. Журчанию воды 2. Стуку (звону) металлических предметов; **жальтыр** *вазыны* ‘журчать (о воде); стучать, звенеть (о металлических предметах) [УРС 2008: 207].

[*жал'тыр чэпэз карэ*] (Тш). ‘его цепь звенит’.

жингыр звукоподр. звону стеклянной посуды, металлических предметов, звучанию песни; **жингыр** *поттыса кырзало* ‘звонко поют’; **жингыр** *гырлы вазе* ‘звонко звенит колокольчик’; *кусозэс жингыр шеро* ‘со звоном точат косы’ [УРС 2008: 209].

Озыы Чечегов өз кизыы, өз гыр, куараеныз кариз жингыр! (Ан. Ув., ПМкм, 337). ‘Так Чечегов несаял, непахал, голосом только звон! да звон!’.

жон звукоподр. звону колокола, набата, металлических предметов; *буш ведра йö борды жон шуккиське* ‘пустое ведро со звоном ударяется об лёд’; *гырлы жузем жон кылйське* слышен звон набата «бом, бом»; *йырыз жон вазе* ‘в голове шумит (гудит)’; *пельы жон шуэ* ‘в ушах звенит (гудит)’ [УРС 2008: 211].

Жон, жон! *борддорысь час дас кык пол шуккиз* (С. Самс., Мвс, 68). ‘Бом, бом! пробили настенные часы двенадцать раз’.

жукур звукоподр. скрипу, напр. телеги, обуви, деревьев; *öс жукур вазе* ‘дверь скрипит’; *тэжитамтэ уробо жукур вазе* ‘несмазанная телега скрипит’ [УРС 2008: 245].

Кутъёс бен жукур-жукур гинэ шуо (М. Кон., Л, 120). ‘Лапти скрипят скрип-скрип!’.

Слова, входящие во вторую группу, для выявления неязыкового звучания, передаваемого звукоподражательным словом, требуют от контекста информации об источнике звука

III. В третью группу звукоподражательных слов попадают слова без четких ограничений на денотативную область источников звука. Восприятие этих слов должно опираться на иконичность при передаче неязыкового звучания, т. е. релевантными свойствами природных звучаний, мотивирующих выбор этих звукоподражательных слов, является громкость, резкость, высота тона и подобные характеристики, из которых вывести хотя бы приблизительно тип источника (не указывая его) достаточно трудно.

Например: *Кеськы, крезе, золгес кеськы гуртъёстїї, мед вöлдїськоз куараед вань шаертїї: жингыр-жангыр, жингыр-жангыр, жингыр-жан, чингыль-чонгыль, жангыр-тингыль, тангыль-тан!* ‘Кричите, гусли, громче кричите по деревням, пусть разносится твоя мелодия во все концы страны: жингыр-жангыр, жингыр-жангыр, жингыр-жан, чингыль-чонгыль, жангыр-тингыль, тангыль-тан!’ С помощью звукоподражаний автор пытается описать различные неоднородные, меняющиеся по тембру и высоте, громкости звуки, издаваемые гуслиями.

Также сюда можно отнести большинство слов, изображающих удары, битьё, грохот и т. п.

IV. Четвертая группа звукоподражательных слов состоит из разного рода необычных звуковых сочетаний, часто уникальных, которые не имеют ассоциативных связей с источником звука. Это окказиональные, авторские слова, производимые от случая к случаю с целью максимально приблизить передачу какого-либо неязыкового звука.

Классификация единиц релевантна для их восприятия в тексте. Автор художественного произведения в выборе звукоподражательных слов никак не ограничен. Приведем небольшой пример из стихотворения К. Герда «Шайтан ульян»: *Тэчыр-тачыр, шатыр-тач, лир-люр, чир-бок, о-го-го, у-гу-гу, шалтыр-дыбыр, дыбырак!* – *уйшорозь кылїське...* ‘Тэчыр-тачыр, шатыр-тач, лир-люр, чир-бок, о-го-го, у-гу-гу, шалтыр-дыбыр, дыбырак! – слышится до полуночи...’.

Сила ассоциативной связи с источником звучания звукоподражательных слов может быть отчасти объяснена ролью звучащего объекта в жизни социума. Так, домашняя птица и домашние животные включены в хозяйственную жизнь человека. Поэтому крики гуся, утки или курицы нашли отражение в общепринятых звукоподражательных словах, а крики диких птиц, известные только орнитологам и охотникам – нет.

Таким образом, звукоподражательные слова служат в языке для передачи природных, неязыковых звуков. Конвенциональность их формы и силы связи с источником звучания может быть разной, что позволяет делить их на четыре разноуровневые группы единиц. Чем более тесно объект – источник звука связан с культурным и социальным контекстом, тем уровень конвенциональности выше.

2.2.2. Образоподражательные слова

Образоподражательные слова выражают образы, представления о световых явлениях, впечатления от движения и состояния. В удмуртском языке их можно классифицировать следующим образом:

1. Слова, выражающие движения людей. Это образные слова, которые выражают различные манеры ходьбы, походки, состояние их активности.

Залын пукись нылкышноос огыр-бугыр кариськизы, соиз но таиз ас кылзэ вера (Г. Крас, 75). ‘Сидящие в зале женщины оживились, и та, и эта свое мнение высказывают’.

Соиз, «ой, алла!» шуыса, син бордаз кутйськиз, нош Шахтин, жоб кылъёсын тышкаськыса, ури-бери пуконзэ кутйз но йыр йылаз жутйз (Г. Крас, 101). ‘Тот, прокричав «ой, аллах!», схватился за глаз, а Шахтин, ругаясь плохими (матерными) словами, быстро схватил стул и поднял над головой’.

Ойдо ни, ойдо, «Трокей!» – Мотор Матрон картсэ, сюл но кал кыскаса, контораысь поттйз (Г. Крас, 107). ‘Айда уже, айда, «Трокей!» – Мотор Матрона волоком вытащила из конторы своего мужа’.

Сыче дыръя чогид ке, урытояз чог, берло сюл-кал костаськыса медаз ветлы (Г. Крас, 195–196). ‘В таком случае, если зарубишь, под корень руби, потом пускай еле-еле не волочится’.

Ох, азьло ик адзисько ни: биграослэн кузьыли мучсы вырыны кутскоз, кеж-вай бызьылон потоз (Г. Крас, 149). ‘Заранее уже вижу: у бигринцев муравейник начнет шевелиться, туда-сюда начнут бегать’.

Ведро кутыса, гызмыль гинэ колодча утчаны кошкиз (Г. Крас, 212). ‘Взяв ведро, еле-еле пошла искать колодец’.

Али нюж-ж вамышьяло, пыдзэс мырдэм жутьяло (С. Самс., Вёт, 141). ‘Сейчас ме-е-едленно шагают, ноги еле поднимают’.

Ньыж-няж вамышто, ог-огзы бӧрсы дыртытэк султо (С. Самс., Вӧт, 141). ‘Ме-е-едленно шагают, неспеша друг за другом встают’.

Їукна пеймытэн ик султэ но пӧд йылаз, нянь куртче, жӧк вылэ кык шорем нянь но тэркыен аръян пуктэ, ачиз сюрлозэ пельпумаз понэ но *чаль-чаль* бусые вамыштэ (Аш. Оки, Ор, 24). ‘Засветло уже встает и на ногах, хлебом перекусывает, на стол ставит два ломтя хлеба и чашку с пахтой, сама кладет на плечо серп и спешно шагает в поле’.

Колхоз членӧс кулакӧсын зыгырскиллям но кырзаса *шӧм-пал* гинэ ветло (М. Кельд., Б, 78). ‘Члены колхоза обнялись с кулаками и, шатаясь из стороны в сторону, ходят, песни поют’.

Нылӧс *люр-ляр* пасьтана-пасьтана таркаськыса бызӧ (Г. Мед., Яр, 85). ‘Девушки, широко разбежавшись, беспорядочно бегут’.

Сандырлы серемес йӧтӧз солэн *чук-нок* вамышгьямез, паллян пыдылэн вакчи адскемез (Г. Медв., Лб, 48). ‘Сане показалась смешной ее хромящая походка, то, что левая нога выглядела короче [правой]’.

2. Слова, выражающие движение животных, птиц, насекомых.

Оломар сямен адзыса вуиз: картофка пуд пӧлтӧй маке быдӧа ик (Вася сое нырысь пуны кожаз вал) сьӧд писэи, *лап* кариськыса, бускельӧслэн йӧгу палазы, вужер кадь, жӧсак ворттыса мынӧз (Г. Крас, 139). ‘Случайно успел увидеть: промеж картофельной ботвы огромный (Вася его сначала за собаку принял) черный кот, в сторону ледника соседей, пригнувшись, словно тень, быстро побежал вприпрыжку’.

Ужпи, пельӧссэ *нюп* карыса, огшан интыяз эктэм выллем лӧгаськиз но, нырпелесьӧссэ паськыт усьяса, дӧддыосын волятэм сюрес кузя ширтӧз (Г. Крас, 232). ‘Жеребенок, наострив уши, пританцовывая недолго стоял на одном месте и, раздувая широко ноздри, поскакал по разглаженной санями дороге’.

Сумбыр-самбыр вамышгьяса, чечы утчаны кошкем (Вуюись, 94). ‘Неуклюже шагая, ушел искать мед [медведь]’.

3. Слова, выражающие движение неодушевленных предметов.

Бульдозер корт дӧдды вылэ ачиз кыед тыриз, собере конгыртӧз но *нюштыр* гинэ нуыса кошкиз (Г. Крас, 207). ‘Бульдозер сам же погрузил навоз на железные сани, потом подцепил их и ме-е-едленно потащил’.

Куасэн мынонӧяз возьмамтэ шорысь пӧд улысьтыз ик *пурк!* гинэ лымы пурзэ, пӧйшурась марзэ-созэ валаса уг вуы – кузь пель ини олокудкемын (Г. Крас, 216). ‘Когда идет на лыжах, неожиданно прямо из-

под ног облачком взлетает снег, охотник ничего не успевает понять – длинноухий уже бог знает где (неизвестно как далеко)’.

*Пул липет выльсы кюяны кема ик өвөл: **зыл-л!** гинэ кошке* (Ар. Клаб., Лй, 241). ‘С деревянной крыши [снег] совсем недолго скидывать – скачивается хорошо’.

*Арамабьсь пöртэм турын-куар но тузь сясыка зын пöлы вöлдйсьскиз фронтowej чабей жуклэн дьльдыез ик **шыр-р** виятйсь ческыт зыныз* (С. Ших., М, 263). ‘Среди ароматов различной лесной травы и таволги распространился запах вкусной фронтowej пшеничной каши, от которого слюнки так и текут’.

4. Слова, передающие цвето-световые впечатления. В словах данной группы отражаются различные виды световых эффектов, воспринимаемых зрительным органом человека: мерцание звезд, сверкание молнии; вспышка, мелькание и мигание света, движение огня и т. д.

*Давай, ортчытэ колхозной собрание, только мотри, ваньмыз **чильк-долк** лэсьтэмын мед луоз!* (Г. Крас, 45). ‘Давайте, проводите колхозное собрание, только смотри, чтоб все было сделано в блестящем виде’.

*Собраниян со кыче ке философ кадь вераське, дораз ваньмыз **чильк но вальк** кисьтаське, лаковой буёлэн буямын* (Г. Крас, 83). ‘На собрании он словно какой-то философ разговаривает, все у него блестит, лаковой краской покрыто’.

***Чиль-чиль**, луло узвесь сямен, со табере бызе тэльёстй, возь выльёстй* (К. Герд, М, 16). ‘Блестящая, как ртуть, она теперь течет по лесам, по лугам’.

*Пичи ныллэн сьöд синьёсыз **чиль-дол** кысйзы* (Аш. Оки, Ош, 22). ‘Черные глаза маленькой девочки с блеском погасли’.

*Чиндысьёс **чильк-вальк** вень борды шукукисько* (Г. Мед., ЛМ, 99). ‘Наперстки поблескивая стучаются об иголку’.

***Чиль-дол** кисьтаськись бадзым жöк дурыстэм паськыт но кузь, сьöраз пукись кузёэ быдэсак ньылэм кадь* (В. Смир., В, 331). ‘Блестящий большой стол, слишком широкий и длинный, словно поглотил сидящего за ним своего хозяина’.

5. Слова, выражающие внезапность, мгновенность, стремительность движения и другого рода действий.

*Куинь йыр, – Шахтин **чоркак** Олексан шоры учкиз, нош аслаз синмаз куалектэм мылкыдыз вань: оскоз-а, уз-а, шуэ кадь* (Г. Крас, 101).

‘Три головы, – Шахтин резко (вдруг) посмотрел на Александра, а у самого во взгляде страх – словно говорит: поверит ли, нет ли?’.

*Собере вань коркаосын, фермаосын, урамысь юбоосын пиитісь лампочкаос ваньзы чoш **лып!** гинэ кысо* (Г. Крас, 113). ‘Потом лампочки, которые горят во всех домах, на фермах, на уличных столбах, все вместе вмиг гаснут’.

*Гирой, пыч куртчем кадь, нёркак кыстійськыз, **чулькак** Вася шоры учкыз но мынектэк кадь кариськыз* (Г. Крас, 211). ‘Гирой, словно его укусила блоха, резко потянулся, быстро взглянул на Васю и изобразил улыбку’.

*Сестралэн бамыз чыж-горд луиз, интыысьтыз султыса өз вуы, со куспын Васялэн йырыз **чульк** гинэ берен өс сьёры ышиз* (Г. Крас, 224). ‘Лицо сестры стало ярко-красным, не успела встать с места, меж тем голова Васи быстро исчезла за дверью’.

*Озы валэныз вераськыса, Кудрин думетсэ пертчыліз но кошовкае **зуняк** уськытскыз: «Айда, Молодчик!»* (Г. Крас, 232). ‘Так разговаривая с лошастью, Кудрин отвязал привязь и шлепнулся в кошовку: «Айда, Молодчик!»’

*Ымнырысьтыз **зүзрак** вир пазьгиськыз* (Ал. Мир., Куж, 44). ‘С его лица брызг! полилась кровь’.

*Адымез азмалтыса, шуныт корка кезьыт омыр **бугырак!** пыриз* (Ар. Клаб., Ад, 242). ‘В теплый дом, окутав человека клубом тумана, ворвался холодный воздух’.

б. Слова, выражающие внутренние ощущения и чувства, представления жизни.

*Олексанлэн тыбырыз **юзыр** луыса кошкыз, соку со, сайкам мурт сямен, зуркак кариськыз, йырзэ жсутіз* (Г. Крас, 245). ‘Дрожь пробежала по спине Александра, тогда он, словно проснувшись, вздрогнул, поднял голову’.

*Тонялэн быдэс мугорыз **юзыр-кезьыр** луиз* (С. Самс., Вёт, 14). ‘Все тело Тони покрылось мурашками’.

*Озы угось, ас тодэмдыя гинэ турттійськоды но, улонды **чукин-бекин** кошкыз* (Г. Крас, 143). ‘Так-то так, сами по себе [жить] хотите, и жизнь пошла вверх тормашками’.

*Улонмы тазы **чукинъ** мыныку ужа вал ини та ужад ик, ведь коньдон марлы но кулэ уз луы* (Г. Крас, 188). ‘Пока наша жизнь так неладно идет, работал бы уж на этом же месте, деньги на что только не нужны будут’.

Вылтырыз, вуэн кисьтэм сямен, юзыр-кезьярак луыса кошкиз (К. Герд, М, 17). ‘По его телу пробежала дрожь, словно облили водой’.

Їукнаозь отын пукыса, козяинлэсь кин вылэмзэ валаз но мугорыз ик кезьяр-юзыр кошкиз (К. Митр., В, 35). ‘Просидев там до утра, понял, кто такой хозяин, и по его телу пробежала дрожь’.

Киосыз дыр-р-р! куалекъяло (Г. Мед., Яр, 89). ‘Руки др-р-р! дрожат’.

Ачиз кезеген висись мурт кадь зур-зур куалекъя (Г. Мед., Вд, 107). ‘Сам как человек, больной малярией, др-р-р! дрожит’.

Сюанчиос кошкем бере, Кирла егит кышноеныз чуланэ потйзы, азьло ик дасям небыт тушак вылэ выдйзы; шобрет улын Кирла бур кизэ Катялэн пельпум вылаз понйз, маялтйз но, Катя, нырысьсэ кыткетэ пыртэм толэс вал выллем, лыр-р! куалекъяны кутскиз (Г. Крас., Кмк, 9–10). ‘После ухода поезжан, Кирилл с молодой женой вышли в чулан, легли на заранее подготовленную мягкую перину, под одеялом Кирилл положил правую руку Кате на плечо, погладил и, Катя начала дрожать, словно впервые запряженная молодая лошадка’.

7. Слова, выражающие состояние неодушевленных предметов.

Собере, лопаткаен вандылыса, ожо нуллйз но лач-лач тыриз: огшап улыса, шайгуос пичиесь гинэ, вож-вож вырийльёс кадь адзиськыны кутскозы (Г. Крас, 244). ‘Потом, нарезав лопаткой, натаскал дерн и сложил хорошенько: через некоторое время могилки станут казаться маленькими зелеными бугорками’.

Муземзэс сын-сап гинэ гыремьясько, озьы но тазьы кидыс сого, киземзы мында гинэ нянь басьто но асьсэос ик лулскыло: «Э-э, татын мар будоз...» (Г. Крас, 46). ‘Землю свою так себе пашут, так и сяк семена запахивают, сколько засеяли, столько же урожая собирают и сами же плачутся (букв. вздыхают): «Э-эх, что здесь вырастет...»’.

Адзид-а, азбарысьтыз одйг жагзэ но уд шедьты, ваньмыз жсик-жсик їужемын, утылтэмын (Г. Крас, 103). ‘Видел, у него во дворе ни одной соринки не найдешь, все ладом подметено, прибрано’.

Тарантас уробое тырем турынзэ лёб-лёб їутказ, Глашаез кунултыса уробо доры ваиз но съобраз басьтэм диськутэн пичи муртэ сямен шобыръяз (Г. Крас, 166). ‘Взбил сложенное в тарантас сено, взяв под руку Глашу, подвел к телеге и укрыл взятой с собой одеждой, словно маленького ребенка’.

Огымтыр ке но верья вал, пуштэм небыт, нумыль-нумыль, ныльмез ик шодыны уг лу сое (Аш. Оки, Ош, 22–23). ‘Хоть одну ложечку

бы попробовать, омлет мягкий-мягкий, не заметно даже, как глотаешь его’.

Кемалась өвөл лӧс-лӧс тырем, кисьмам зег, тулыс ву кадь ӧръяськыса, кенерьёсыз йӧмыръяса бакчае, ураме, гидкуазе пальккиськиз кадь адске вал (Г. Мед., Яр, 82). ‘Еще недавно налившаяся, созревшая пшеница, выглядела словно разлившаяся при половодье вода, разрушающая изгороди и затопившая огороды, улицы, хлева’.

Кытй ке өвӧл, кукыр-бекыр лыз буюм ведраосын ошмес доры Пали кышно вуиз (М. Кон., Л, 128). ‘Нежданно-негаданно, ковыляя (покачиваясь из стороны в сторону) с синими ведрами к роднику пришла жена Пали’.

8. Слова, выражающие состояние человека, состояние частей тела.

Только соос укыр медам шумпотэ, мон но ас вакытам серекъяло ай! – пиньёссэ ваче куртчыса ик, жӧм-жӧм вераз Галя (Г. Крас, 54). ‘Только они пусть не очень радуются, и на моей улице будет праздник (букв. и я в свое время посмеюсь)! – аж стиснув зубы, произнесла Галя’.

Кудринлэн ымнырыз кӧсэктӧз, син дораз ик векчи гинэ сӧнырез бырк-бырк кыскаса тэтча (Г. Крас, 72). ‘Лицо Кудрина побледнело, лишь очень мелкая жилка прямо у глаза нервно вздрагивает’.

Кылзӧсьёс, мынь-мынь потылыса, азьло ик серекъяны дасяськиллям ини: та шакшы Чупырга нош ик вералоз ке вералоз ини (Г. Крас, 178). ‘Слушатели, улыбаясь, заранее подготовились смеяться: этот забавный Чупырга снова скажет так скажет уж’.

Чупыргы нуш-нуш сиськыны кутскиз, ымтырос сӧнэн но вераськем каре (Г. Крас, 212). ‘Чупырга с аппетитом стал есть, хоть и рот набит, пытается разговаривать’.

А то мукет дышетӧсьёслэн оломарзы но вань, асьмеос гинэ тазы шал-шал улӧськомы (Г. Крас, 234). ‘А то у других учителей чего только нет (букв. хоть что есть), мы только так бедно живем’.

Юзырам мугорзэс нясь-нясь небӟыто но, кыре потыны дыртытэк, куспазы шалтыр лабыртыса пуко (С. Самс., Вӧт, 3). ‘Расслабляются взволнованные тела и, не спеша выйти на улицу, сидят, разговаривая меж собой’.

Ачиз воксӧ урмыса кудӟем, пыд йылаз дыкл-дакл гинэ сьлэ на, быдэс бутылка коньякез юыса быдтэм (К. Як., К, 40). ‘Сам вдрызг пьяный, на ногах еле-еле уже стоит, целую бутылку коньяка выпил’.

Солэн бамыз кисыр-кисыр луэмын (Ал. Мир., Куж, 43). ‘У него все лицо сморщено’.

Өз дуы ни солэн, егит дыръяз музэн, мугорзэ **зур-зур** каремез (Ал. Мир., Куж, 43). ‘Он уже не смог, как в молодости, тело свое взбодрить’.

Дышемын өвөл, – Кирло ымнырзэ **кисыр-кисыр** кариз (Г. Мед., Вд, 106). ‘Непривычно, – Кирилл сморщил лицо’.

Тыбырыныз гур борды пыкиськыса сыйсь кышноез шумпотэменыз ма карыны уг тоды, пыдъёсыз жиль-жиль луизы (М. Лям., Б, 181). ‘Жена, стоявшая опершись спиной к печи, от радости не знает что делать, ноги обмякли’.

Но вераськыны өз кылды: Афанасий Ильич **пень-пень** кудзъыса изе вылэм (Г. Пер., Йм, 29). ‘Но поговорить не удалось: Афанасий Ильич, напившись до безпамятства, спал, оказывается’.

Таким образом, семантический анализ подражательных слов удмуртского языка показал, что авторы художественных произведений активно используют их в своих трудах. Благодаря своему высокому экспрессивно-оценочному потенциалу они становятся ярким выразительным средством художественных произведений и помогают писателю образно представить окружающую действительность, а также выразить свое отношение к своим героям и их поступкам. Анализируемая лексика также активно используется носителями удмуртского языка в разговорном языке.

2.3. Подзывные слова

В лингвистике вопрос, касающийся подзывных слов (вокативных слов), то есть слов, употребляющихся для подзывания или отгона животных (*например*, общеупотребительные подзывания: *кис-кис*, *цып-цып*) до сих пор рассматривался крайне редко. Вокативные слова еще не получили однозначной оценки в грамматических исследованиях. Они или обозначаются как особая группа в составе междометий, или их стремятся выделить из междометий как особую грамматическую группу слов.

Анализ работ исследователей позволяет прийти к выводу, что изначально под междометием понимались лишь эмоциональные реакции

человека на действительность. Императивный разряд стал включаться в междометия намного позже на основании того, что все слова, причисляемые к междометиям, не выражали понятий, не имели номинативного значения. На этом же основании в состав междометий включены и подзывные слова, впервые зафиксированные с этим названием Я. Ф. Головацким в 1849 г. [Кандакова 2003: 5–6].

С развитием учения о частях речи в общем и о междометии в частности взгляды ученых на состав междометий разделились. Одни [Шахматов 1941, Карпов 1971, Виноградов 1972, Гордей 1992 и др.] придерживались мысли о том, что в составе данной части речи необходимо рассматривать эмоциональные, императивные междометия, звукоподражательные слова, глагольные междометия (*шасть, хлоп*). Другие говорили о неоднородности состава междометий и высказывали мнение о необходимости более узкого подхода к междометию. Так, А. И. Германович [1961] выделяет из их состава звукоподражательные слова и глагольные междометия, с чем не согласен авторский коллектив академической научной и описательной грамматики русского языка [Русская грамматика 1980]. Г. В. Дагуров и М. А.-А. Мухаммед-Али [1960; 1968] говорят о необходимости вычленения подзывных слов для животных в особый класс и их поддерживают такие лингвисты, как Л. А. Куликова [1982], Д. В. Зыблева [1987], А. А. Григорян [1988] и др.

Г. В. Дагуров, говоря о необходимости отделения от междометий подзывных слов, которые он называет «слова клича животных», пишет: «Подобные усеченные слова-обращения ни по своему лексическому значению, ни по своей синтаксической роли не отличаются от тех полных существительных, с которыми мы обращаемся к животным или людям, зато ни один из их грамматических признаков ни в какой мере не отражает той или иной стороны языковой стороны междометий» [1949: 14].

Сторонником разграничения подзывных слов для животных от междометий, как уже отмечалось ранее, был и М. А.-А. Мухаммед-Али, который при определении специфики междометий поддерживает точку зрения Г. В. Дагурова, считая, что к ним следует относить лишь слова, отражающие проявление эмоциональной сферы человека, так как волеизъявление и эмоции приравнивать друг к другу не имеет смысла. Таким образом, М. А.-А. Мухаммед-Али проводит

четкую границу между междометиями и «словами призыва животных» [1971: 10].

Следовательно, уже в 70-е годы XX века были представлены, на наш взгляд, достаточно убедительные доказательства отличия подзывных слов для животных от междометий.

В финно-угорских языках проблема подзывных слов также существовала и является неопределенной по сей день: «В грамматиках подзывные слова упоминаются в связи с междометиями или игнорируются. Традиционно они учитываются при составлении диалектологических атласов, словарей и служат чертой «индивидуального портрета» конкретного говора, но редко становятся объектом специального исследования. Материал ряда финно-угорских и русских говоров анализируется в статье «Подзывные слова в финно-угорских и русских диалектах и их связь с названиями животных» [Иванов 2014]; другие специальные работы по этой теме нам неизвестны» [Иванов 2016: 13].

Подзывные слова связывают в акте общения людей и животных, в этом состоит особенность их функционирования по сравнению с другими средствами языка. Объектом в данном случае оказывается животное, реагирующее на языковой знак действием – приближением к человеку. Именно из-за своеобразности ситуации общения академик А. А. Шахматов отказывал данному разряду междометий в статусе слов, ссылаясь на то, что язык – это средство общения людей.

Но, тем не менее, можно считать подзывные слова словом, так как человек воспользовался им как средством воздействия, установления контакта с животным, только у человеческого слова в данном случае развивается новая функция.

Сложность функционирования подзывных слов заключается в многоаспектности. Во-первых, происходит номинация животного, а следовательно, подзывное слово выполняет номинативную функцию, в чем оно сходно со словом-обращением к человеку. Во-вторых, несомненно, подзывное слово выполняет функцию императивную, поэтому разряд междометий, к которому относят подзывные слова, называется императивным [Виноградов 1986: 135]. Содержание оклика не ограничивается лишь привлечением внимания: отдается конкретная команда приблизиться, подойти. Реализуется она посредством как самой лексемы, так и особой подзывной интонации.

В удмуртском языке данные слова отдельно не рассматривались и выделялись отдельной подгруппой в разряде образных слов С. В. Соколовым [1996] и обозначались как «вокативные слова». К подзывным словам относят слова-обращения к домашним животным с целью призыва, отгона, понукания, отпугивания. Как самая многовариантная и многочисленная категория, они, на наш взгляд, возникли в языке в связи с приручением и использованием животного мира для потребностей человека. Эти слова можно разделить на 2 группы: слова призыва и слова отгона. К первой группе относятся такие вокативы, как *бли-бли, блие-блие!* (для подзыва ягнят или овец), *вити-вити!* (для подзыва утят, уток), *гич-гич, гичи-гичи* (для подзыва поросят), *кыс-кыс!* (для подзыва кошки) и т. д. Вокативами отгона являются: *кыш!* (отгон кур, уток, гусей), *пирыс, прис!* (отгон кошки), *ёрсь-ёрсь!* (отгон свиней) и др.

В художественной литературе данная лексика встречается весьма редко. Зачастую ее можно встретить в детской литературе. В удмуртском языке употребляются следующие слова:

Бли-бли, блие-блие, быле-быле, пле-пле, чиге-чиге возглас, которым подзывают ягнят или овец.

Мумиз дораз ке но бертэ, Коля гидэ огназ кыле, ыжпиосты уте, сюдэ, дораз өте: быле-быле! (Вуюись, 160). ‘Даже когда мама приходит домой, Коля остается в хлеву один, заботится о ягнятах, кормит их, зовет к себе: бли-бли!’.

Бло-бло-бло возглас, которым подзывают лошадей на водопой.

Борозно возглас, которым лошадей заставляют занять нужную борозду.

Бёбё дет., *тьёбё* возглас, которым отгоняют собак.

Бучи-бучи, вिति-вити возглас, которым подзывают утят.

Кутскиз Вася чёжжэсты өтьыны: «Вити-вити-вити! Аксымъёс-васямъёс! Паськыт нырьёс, чыжыт пыдъёс! Ойдо, гуртэ бертэ ини!». (Вуйсь, 28). ‘Начал Вася звать уток: «Вити-вити-вити! Ненасытные! Большенодые, красноногие! Возвращайтесь уже домой!’.

Гич-гич, гичи-гичи возглас, которым подзывают поросят, свиней.

Гули-гули возглас, которым подзывают голубей.

Дйго-дйго возглас, которым подзывают гусей.

Аннй шур дуре васькиз но өте: «Дйго-дйго-дйго! Тёдыы жезегъёс, пурьыс жезегъёс, бертэ ни гуртэ» (Вуюись, 28). ‘Анна спустилась

к реке и зовет: «Диго-диго диго! Белые гуси, серые гуси, возвращайтесь домой?».

Куча-куча возглас, которым подзывают щенят.

Кыс-кыс, пис-пис возглас, которым подзывают кошек.

Кыш возглас, которым пугают, отгоняют птиц.

Мани возглас, которым подзывают кошек и овец.

Мась-мась, чук-чук, шёче, шёче-шёче возглас, которым подзывают свиней.

Ёрсь-ёрсь возглас, которым отгоняют свиней.

Пиле-пиле возглас, которым подзывают ягнёнка.

Пирыс возглас, которым отгоняют кошку.

Пись возглас, которым подзывают щенят.

Тпру возглас, которым останавливают лошадей.

Катьырна, магазинъестіі ортчемез бере, гурт палаз валзэ ул-яз... Тпру!... Ойдо, пуксъы... Куалектыса, вал азьпала ворттэмлэсь кышкаса кадь интысысьтыз султійз Орина (Р. Вал., Уп, 56). 'Катерина, обойдя магазины, направила лошадь в сторону своей деревни... Тпру! [стой!]... Айда, садись... Орина вздрогнув встала с места, словно испугавшись, что лошадь побежит вперед'.

Тпруе, тпруке возглас, которым подзывают коров.

Тпрузе, тпрузь возглас, которым подгоняют (отгоняют) коров.

Тубо возглас, которым подзывают лошадь.

Чипы-чипы возглас, которым подзывают цыплят.

Штыре возглас, которым отгоняют овец.

С учетом имеющейся информации по данной проблематике можно охарактеризовать некоторые слова представленной группы слов.

1. Слова, служащие для подзыва и подгона коров:

а) **тпруе, тпруке** возглас, которым подзывают коров;

б) **тпрузе, тпрузь** возглас, которым подгоняют (отгоняют) коров.

Указанные слова, как видно из их структуры, образованы от корня **тпру-**. А. И. Германович отмечает, что «это слово и в старшую пору языка служило для обращения к животным, может быть, служило его названием» [1966: 67].

Следует отметить, что слова данной категории, образованные от названного корня, употребительны и в чувашском языке.

2. Для призыва кошки в удмуртском языке употребляются следующие слова:

а) **кис-кис, кыс-кыс**. Данные слова, как утверждают исследователи, связаны с названием кошки в индоевропейских языках;

б) **пис-пис, пись-пись**. Данная группа слов образована от корня *пись-* (ср. удм *писяй, писэй* 'кошка'). С большой долей вероятности, данное слово было заимствовано из тюркских языков, которое имеет широкое распространение в данной языковой семье: др. тюрк. *пышык*; кирг. *мышык*; казах., ног. *мысык*; к.калп. *пышик, мышык, мысак, пичик*; кумык. *мишик*; азерб., туркм. *пишик*; тат. *песи*; башк. *бесей*. В каракалпакском языке для призыва кошки служит междометие *пиш-пиш*, а для отгона – *пыш-ай, пыш-хай*; в казахском языке для подзыва кошки употребляются *пыш-пыш, мыш-мыш*, а для отпугивания – *пыш, брысь*. Не вызывает сомнений общность тюркских слов с чувашским *пӑс*. Корень *пӑс* связан с древним чувашским названием кошки. Об этом говорит диалектное название кошки, встречающееся в чувашских говорах: *пӑсӑк // пӑсӑкка* «кошка» [Денисова, Сергеева 2015: 34].

Для отгона кошки служат слова ***брысь, пирыс, прис***.

3. Общеупотребительными словами призыва и остановки лошади являются:

а) ***тубо*** с некоторыми фонетическими вариантами. Данное слово-подзыв ученые сравнивают с чувашским словом призыва лошадей. Также *бах // пах* надо связывать с русским *бах*, которое в некоторых русских говорах зарегистрировано в значении «старая, заморенная лошадь» [Сергеев 1970: 168]. Данный корень восходит к более архаичному *мах-*, который в значении лошади сохранился в чувашском слове *маххан* «дрянная лошадь, кляча, конина»: *Пёр маххан пур та ман, хӑнана та кайма намӑс, вут кӳме те туртай-масран хӑрап* 'У меня есть одна кляча, ехать на ней в гости стыдно, боюсь на ней возить и дрова'. Отсюда можно заключить, что чувашское *пах // мах*, наряду с *лаша, ут* в древности имело номинативное значение «лошадь» и на каком-то этапе развития языка началось выветривание его лексического значения «лошадь», что привело к семантической дифференциации [Денисова, Сергеев 2015: 35];

б) ***тпру, тпру-ма, тпру-ме***, объединяемые неизвестным по своему происхождению корнем ***тпру-***. Многочисленные разновидности данного корня характерны также для славянских, тюркских, финно-угорских языков.

Также применительно к лошади употребляются еще другие команды:

бло-бло-бло возглас, которым подзывают лошадей на водопой;

борозно возглас, которым лошадей заставляют занять нужную борозду (< диал. борозно < рус. борозда).

4. Для призыва и отгона овец и ягнят в удмуртском языке служат следующие единицы:

а) **бли-бли, блие-блие, были-быле, пле-пле** возглас, которым подзывают ягнят или овец. Данная форма явно заимствована из русского языка;

б) **чиге-чиге** возглас, которым подзывают овец. Этимология данного слова неясна.

Словом отгона овец и ягнят в удмуртском языке является **штыре**. Данное слово возможно сопоставить с чувашскими однокоренными словами: *тӓр, тӓрья, тӓрря, тӓри, трр, трре, тря, тӓрриях, тӓр, тӓрье, тӓр-уҫ, ӓр-ях, ӓрр, тр, ӓҫ-тӓрр, тӓр-иҫ*, образованные от корня *тӓр // тр*. Исследования по чувашскому языку показывают вероятность связи корня *тӓр // тр* со словами *ӓрйах // ӓрйаху // ӓррийах* и *утӓрйа*, которые имеют место, когда кричат на зверя; *чапа, чап-тр, тӓр-чапа, чӓпа* и *ӓҫт, ӓҫ-ҫ, ӓс, уҫ, ӓҫ-тӓр, ӓҫ-трр* [Денисова, Сергеев 2015: 36].

5. Для призыва поросят в удмуртском языке употребительны варианты:

а) **гич-гич, гичи-гичи** возглас, которым подзывают поросят, свиней;

б) **мась-мась** возглас, которым подзывают свиней. Примечателен тот факт, что близкие по фонетическим произношениям варианты *маҫҫа, маҫ-маҫ, маҫи* применяются для призыва овец, ягнят, коз в тюркских языках;

в) **чук-чук** возглас, которым подзывают свиней < рус. *чух-чух*.

Для отгона свиней носители языка используют варианты **ӓрсь-ӓрсь** возглас, которым отгоняют свиней и заимствованный из русского языка **шӓче, шӓче-шӓче** < *шоч-шоч*.

Подзывные слова, связанные с домашним птичьим миром, показывают их очевидную связь с названиями реальных животных. Часть из этих слов встречается как в удмуртском, так и в финно-угорских, тюркских и славянских языках. Такие слова, как *цып-цып, цыпа-цыпа, чип-чип, чиоп-чиоп, тю-тю* и др., используемые для призыва кур и цыплят, являются общими для русского, удмуртского и некоторых других языков.

7. Для отгона всех домашних птиц в удмуртском языке употребляется общераспространенное слово *кыш*. Этимологически данное слово возможно сопоставить с тюркским *кӳш* в значении «птица», которое употребляется во всех современных тюркских языках, за исключением чувашского и якутского. Кроме общего, *кыш* имеет и конкретное значение – «сокол для охоты». В чувашском языке слово *кӳш* // *кӳш* отдельно не употребляется. Оно встречается в парном слове *кайӳк-кӳшӳк* ‘птицы’ в собирательном значении. В русском языке для отгона также используется слово *кыш*.

Таким образом, каким бы ни был взгляд на роль подзывных слов в формировании и развитии языка, невозможно отрицать их относительную древность.

Хотя и сопоставление слов удмуртского языка со словами языков тюркской семьи может быть весьма оспоримым, по причине существующего в языкознании мнения о проблеме этимологий междометий, звукоподражаний, слов-подзыва, могут ли они вообще переходить из языка в язык или образуются в каждом языке отдельно, оно имеет место быть.

Таким образом, анализируя и сопоставляя слова данной группы по самым различным языкам, лингвисты пытаются хронологизировать процесс речетворчества. Появление звуковой речи связывают с эпохой позднего палеолита, а появление подзывных и первых слов датируется средним палеолитом, когда была развита охота небольшими коллективами.

По данным Ф. Либермана и Е. Крелина, неандертальский человек начал произносить первые гласные звуки 40–100 тыс. лет назад. По данным палеонтологии речи, этот период совпадает с эпохой одомашнивания животных. Звуковая речь человека считается качественно новой формой акустической коммуникации и специфической формой высшей нервной деятельности человека. Она развилась на основе более древней вокализационной системы животных. Речь человека развивалась не из фонем, определяемых нами сейчас в качестве неделимых звуков, а из конгломератов звуковых сочетаний, из того, что понимается как «нечленораздельный звук». Позднее такие сочетания распались на уже известные нам неделимые звуки с соответствующими признаками фонем. Звуки стали членораздельными.

2.4. Структура подражательных слов

В удмуртских изобразительных словах нет чужих для языка звуков, но обнаруживаются особенности сочетаний звуков и структуры слова. Главной структурной особенностью литературного языка в целом, является редкое употребление в анлауте гласного звука. В большинстве случаев начальное положение занимает согласный звук.

Разные звуковые системы, структура слова (взаимные отношения и расположение в словах гласных и согласных, число слогов и т. п), обуславливают то обстоятельство, что одни и те же звуки внешнего мира в разных языках передаются разными способами. Чем ближе звуковая система языков, тем больше общего в их ониматопозитических словах.

Звуковая форма подражательного слова, создающая эмоциональные образы множества разнообразных звуковых явлений действительности, выражающихся в стуке, грохоте, дребезжании, треске, лопании, хрусте, бурлении, шипении, кипении, шуршании, шорохе, разрыве и тому подобных действий, образуется в соответствии с изображаемым им звуком. Поэтому вполне естественно, что слова, передающие сходные звучания или явления, схожи и по своему звуковому составу, например: **жабыль** *звукоподр. шуму прибора, воды*; **жалырь** *звукоподр. журчанию воды*; **жомбыль** *звукоподр. всплеску воды*. В приведенных примерах сходство звучаний передается через звонкий согласный **ж**, который передает шум воды.

Содержание ониматопозитических слов многообразно. Они передают как звуки, издаваемые человеком и другими одушевленными (живыми) существами, так и звуки, вызванные явлениями природы или процессом труда.

«Структура изобразительных слов является их самой устойчивой частью, формой формы, изучение которой для установления закономерностей согласованности формы с содержанием слова имеет особую важность» [Пылма 1967: 18].

По характеру структуры подражательные слова делятся на две группы.

К первой относятся слова, созданные с учетом установившейся традиции в осмыслении соответствующих типов звукосочетания, обладающие устойчивым фонемным строением, не допускающим замены

одной фонемы другой. Они имеют общепонятное для всех (большинства) членов языкового коллектива значение, регулярно употребляются в этом значении. Такие слова распространены во всех разновидностях национального языка. Они входят в основной фонд необходимой нормативной лексики.

Вторую группу составляют слова с неустойчивым фонемным строением, создаваемые по структурным образцам первой группы подражательных слов. Поскольку они не обладают одним из основных признаков слова – воссоздаваемостью, характерной для первой группы слов, как и для любого полноценного самостоятельного слова.

С точки зрения фонеморфологического и собственно морфологического строения подражательные слова делятся на корневые и производные.

2.4.1. Корневые слова

Корневые подражательные слова функционируют в виде одиночных комплексов. Следует отметить, что при составлении структурных типов также рассматривалась первая часть подражательных слов-повторов, вторая часть которых никак не отличается от первой (например, *быг-быг*, *бульк-бульк*, *дымбыр-дымбыр* и т. д.). Объясняется это тем, что подражательные слова употребляются чаще в виде повторов.

Простые (односоставные) подражательные слова обозначают признак действия, не указывая на какие-либо оттенки значения данного признака. Иногда они выражают однократность или мгновенность действия, например: *жингыр вазе* ‘звонко звенит’, *чын бугыр потэ* ‘дым идет клубом’, *супырак усыны* ‘обессилев, мгновенно упасть’, *гурак кеськизы* ‘хором (мгновенно) крикнули (ответили)’ и др.

Богатство звуковых комбинаций подражательных корней удмуртского языка вмещается в следующие структурные типы (в структурных моделях Г обозначает гласный, С – согласный). Наиболее часто встречающимися структурными типами являются комбинации СГС, СГСГС, СГСС, СГССГС.

1. ГГ: *уа-уа* ‘звукотодр. плачу, крику младенца’ и др.

2. ГСС: *орсь-орсь парсьни каре* ‘поросенок хрюкает’ и др.

3. СГ: *жи-жи пила вазе* ‘вжи-вжи визжит пила’; *пи-пи машина каре* ‘пибип сигналит машина’, *ме ыж бѳксэ* ‘«бе» блеет овца’ и др.

4. СГС: *боз-боз* ‘басистый’; *буль-буль карыны* ‘булькать’; *быг-быг луыны* ‘стать пухлым’; *быз-быз сиськыны* ‘плотно поесть’; *вар-вар пѳзыны* ‘кипеть с клокотаньем’; *вез-вез кыллыны* ‘лежать растянувшись’; *вуч-вуч бѳрдыны* ‘плакать всхлипывая’; *гань-гань кыллыны* ‘лежать покойко’; *гуж-вазыны* ‘жужжать’; *гуч-гуч ву юыны* ‘гульк-гульк! пить воду’; *гуч-гуч кариськыны* ‘испугаться’; *жаль-жаль зорыны* ‘лить как из ведра (о сильном дожде)’; *жин-жин вазыны* ‘звенеть’; *жур бѳрганы* ‘журча крутиться’; *зар-зар бѳрдыны* ‘очень громко, пронзительно плакать’; *жир усьтйськыны* ‘открыться со скрипом’; *жыз вияны* ‘сыпаться с шумом’; *йыг-йыг лэсьтыны* ‘сделать хорошо, на совесть’; *ладь-ладь мыныны* ‘идти неторопливо’; *лань-лань шаганы* ‘шагать неторопливо’; *лузь-лузь дйсьяськыны* ‘одеться в длинную одежду’; *пир-пир платья дйсьяны* ‘одеть очень широкую юбку’; *сач-сач адями луыны* ‘стать хорошим человеком’; *сыч-сыч кѳлыны* ‘крепко спать’; *тап-тап карыны* ‘стучать’; *тар-тар кошкыны* ‘уехать с рокотом’; *тоѳ-тоѳ куайыны* ‘очень сильно растолстеть’; *тур лобзыны* ‘с шумом взлететь (о птице)’; *чан-чан пельдоре сѳтыны* ‘стукнуть хорошенько в висок’; *чан-чан ву люканы* ‘переполнить водой’; *чиз-чиз кошкыны* ‘с визгом убежать’; *ѳаж-ѳаж зорыны* ‘поливает как из ведра’; *чик-чик йыгаськыны* ‘биться (о сердце)’; *чин-чин жугыны* ‘сильно побить’; *чир-чир кеяськыны* ‘пронзительно кричать’; *чув-чув турнаськыны* ‘косить с шумом (шум косы при косье)’; *шап-шап зорыны* ‘капать (о дожде)’; *шар-шар пѳзыны* ‘сильно кипеть’; *шир бѳрганы* ‘очень быстро крутиться’; *нюж кыскыны* ‘тянуть волоком’ и др.

5. ССГС: *вжик-вжик, вжич-вжич пу вандыны* ‘вжикая, пилить дрова’; *крок-крок карыны* ‘каркать’; *кром-кром сиськыны* ‘есть с хрустом’; *шлач котмыны* ‘промокнуть насквозь’; *шлѳп-шлѳп вуэтий ветлыны* ‘шлепать по лужам’ и др.

6. СГГС: *куаж-куаж сиськыны* ‘есть с хрустом’; *куань-куань карыны* ‘скулить’ и др.

7. СГСС: *бульк вуэ усьыны* ‘бульк! упасть в воду’; *быльк-быльк учкыны* ‘смотреть, вытаращив глаза’; *бырк-бырк сюлэм тѳтча* ‘тук-тук стучит сердце’, *вырт-вырт сюлэм йыгаське* ‘тук-тук! бьется сердце’; *гарк-гарк карыны* ‘каркать’; *гульк-гульк ву юыны* ‘гульк-гульк! пить

воду'; **жилък** усьыны 'с шумом сыпаться'; **Зурк-Зурк** кезьыт луыны 'очень холодно (о погоде)'; **Зырт** кезьыт 'очень холодно'; **корк-корк** кызыны 'громко кашлять'; **корс-корс** кызыны 'громко кашлять'; **ланг-ланг** 'со звоном'; **лорс** чигыны 'сломаться с хрустом'; **лырк** жугиськыны 'стучать (о сердце)'; **тарс** чигыны 'сломаться с хрустом'; **шалът-шалът** адыми 'надежный человек'; **шарк** кынмыны 'сильно застыть'; **шурк** пырыны 'молниеносно забежать' и др.

8. СГСГС: **бөтьыр-бөтьыр** вераськыны 'лепетать'; **бугыль-бугыль** карыны 'сделать пухлым'; **бугыр-бугыр** 'мягкий, пушистый'; **бульыр** пөзыны 'клокотать'; **быльыр** потыны 'катиться (о слезах)'; **вуйчак** усьыны 'упасть навзничь'; **гудыр-гудыр** карыны 'гремять'; **дыбыр** пегзыны 'быстро убежать'; **дыгыр** мыныны 'ехать с дребезгом'; **жабыль-жабыль** котмыны 'промокнуть насквозь'; **жалъыр** зорыны 'обильно идти дождю'; **жилыр** вияны 'бежать с журчанием'; **жөтыр-жөтыр** бөрдены 'плакать всхлипывая'; **Зукыр-Зукыр** вазыны 'скрипеть'; **Зильыр-Зильыр** карыны 'чирикать'; **йыгыр-йыгыр** мугор 'тело покрыто гусиной кожей'; **кыток-кыток** карыны 'икать'; **лакыр-лакыр** карыны 'хрустеть'; **лопыр-лопыр** небыт 'очень мягкий'; **лосыр-лосыр** лэсьтэмын 'сделано очень надежно'; **нагыль-нагыль** 'нагишом'; **пITYP-пITYP** берга 'крутится'; **пульыр-пульыр** карыны 'пузыриться – о воде'; **сачыр-сачыр** котмыны 'промокнуть насквозь'; **такыр** карыны 'тарахтеть'; **тачыр** жуаны 'гореть с треском'; **тыпыр-тыпыр** эктыны 'плясать с грохотом'; **чикыр-чикыр** жукуртыны 'скрежетать'; **чутык-чутык** 'хромой'; **чутыр-чутыр** кот сюманы 'сильно хотеть есть'; **чузыр** усьыны 'сыпаться с шумом'; **чабыр-чабыр** карыны 'царапаться'; **чажыр** жуаны 'гореть с треском'; **шапыр-шапыр** зорыны 'моросить'; **шекыр-шекыр** куасьмыны 'высохнуть до хруста'; **шучыр-шучыр** чыр-саны 'сильно скиснуть' и др.

9. СГССГ: **нюжэжы** 'еле-еле, кое-как' и др.

10. СГССГС: **булькак** 'бултыхнувшись'; **бурсак-бурсак** мыныны 'идти проваливаясь'; **гультыр-гультыр** 'звукоподр. голубям'; **дамбыр** вазыны 'грохотать'; **домбыль-домбыль** адыми 'толстый человек'; **домбыр-домбыр** шудыны гитараен 'бренчать на гитаре'; **дымбыль** ветлыны 'ходить голышом'; **дымбыр** мыныны 'ехать с грохотом'; **дынгыр** мыныны 'ехать с грохотом'; **жалътыр** карыны 'звенеть'; **жамбыр** пыласькыны 'с шумом купаться'; **жангыр** вазыны 'звенеть'; **жилътыр** вияны 'бежать с журчанием'; **жөмбыль** котмыны 'промокнуть

насквозь'; *колтыр-колтыр машина* 'разваленная машина'; *лусьтыр* 'лохматый'; *чильтыр дун ву* 'очень чистая вода'; *җааштыр карыны* 'шуршать'; *шалтыр усъыны* 'упасть с грохотом' и др.

11. СГСГСГС: *бугырак җын лэзьыны* 'выпустить (периодически) густые клубы дыма'; *дыбырак* 'с грохотом'; *жангырак* 'со звоном'; *жильтырак* 'с лязгом'; *жингырак* 'со звоном'; *жомбыляк* 'с всплеском'; *тарарат карыны* 'гоготать (о гусях)' и др.

12. СГССГСГС: *дамбырак усыны* 'упасть с грохотом'; *дымбырак* 'с грохотом' и др.

13. СГСССГС: *вальтрак лымы усиз* 'повсюду выпал снег'; *шалътрак потыны* 'дружно выплупиться'; *быдтрык-быдтрык вырыны* 'суетиться' и др.

14. СГГССГСГС: *куалтырак* 'с шумом, с треском' и др.

15. СГГССГС: *куаштыр* 'с шорохом' и др.

Звуковой состав подражательных слов очень часто непосредственно связан с природой производимого звучания. Так, для передачи тихих звучаний подбираются звуковые комплексы преимущественно с глухими согласными, в состав которых часто входит звук *ш*: *җааштыр куаръёс усё* 'с шуршанием падают листья'; *шалът коньдон каре* 'монеты (медные) бряцают'; *шап-шап каре* 'идет несильный дождь' (с помощью данного звукоподражания пытаются передать звуки падающих капель) и др. Для передачи громких, сильных звучаний употребляются звуковые комплексы, состоящие из звонких согласных, часто с включением сонорных звуков: *дымбыр-дамбыр усиз* 'упал с грохотом'; *домбыр гитараен шудэ* 'бренчит на гитаре'; *гульк-гульк ву юэ* 'громко пьет воду' и др.

Конечные согласные в звукоподражательных и образоподражательных словах могут передавать продолжительность звучаний. В удмуртском языке продолжительность действия показывает дрожавший звук *р*, встречающийся в конечной позиции. Данный звук особенно характерен для структур СГСГС и СГССГС, который встречается в большинстве изобразительных слов в конечных позициях. Эта особенность характерна не только для удмуртского языка. Дрожащий *-р-* широко употребляется в ономатапах тюркских языков.

Попытаемся представить употребление согласных звуков удмуртского языка в виде таблицы:

Положение Звуки	Анлаутное	Инлаутное	Аусллаутное
б	+	+	
в	+	+	+
г	+	+	+
д	+	+	
д'			+
ж	+	+	+
ж'	+		
з	+	+	+
з'		+	+
з̣	+		
й	+		
к	+	+	+
л	+	+	+
л'	+	+	+
м	+	+	+
н	+	+	+
н'	+		+
п	+	+	+
р	+	+	+
с	+	+	+
с'	+	+	+
т	+	+	+
т'	+		+
ч	+	+	+
ч'	+	+	+
ш	+	+	+

Как видим из таблицы, основу строения удмуртского подражательного слова составляют согласные звуки, которые в полном составе могут встречаться во всех позициях слова: в начале, в середине, в конце. Само собой разумеется, отличается частотное употребление того или иного звука в различной позиции. По предварительным данным, наблюдаем частое употребление согласных, а именно, в начале слова – **б, в, д, ж, з, к, л, п, с, т, ч, ш**; в середине слова – **б, г, к, л', м, н, п, р, т**; в конце слова – **к, л', р, ч**.

2.4.2. Производные слова

Образование подражательных слов способом редупликации широко распространено в финно-угорских языках.

По способу редупликации и употреблению выделяются: 1) слова, образованные путем полной редупликации, т. е. без фонетического видоизменения и 2) слова, образованные путем изменения фонем.

Слова с полной редупликацией употребляются для передачи многократных, но ритмично, равномерно повторяющихся звуковых или образных явлений:

Кытысь ке куноысь небъыса бертыкуз гинэ, уй-уй, мынам тие, ма быдза будид уни шуыса, тыбыраз топ-топ чабкылоз но, соин тырме вал (Т. Арх., Оп, 9). 'Только иногда возвращаясь выпившим откуда-то из гостей, говорил, хлоп-хлоп хлопая по его спине: «у-у-у, мой сын, уже какой вырос», и этого хватало'.

Куддыр шап-шап вия вал бамтйз синкылиез (К. Герд, М, 12). 'Иногда слезы кап-кап катились по лицу'.

Солэн бамыз кысыр-кысыр луэмын (Ал. Мир., Куж, 43). 'У нее лицо уже все в морщинах'.

Здесь для выражения многократного, повторяющегося, длительно-го, но ритмичного, равномерного звукового явления и движения употреблены повторы *топ-топ*, *шап-шап* и *кысыр-кысыр*.

Удвоенные изобразительные слова (повторы одних и тех же слов), как отмечает В. И. Алатырев, обозначают многократность действия, усиливают значение признака действия, «выражают категории периодичности, интенсивности и обладают большой экспрессивностью [1983: 586]. Чтобы убедиться в этом, сравним простые и удвоенные наречно-изобразительные слова: *сйзъыл музъем путыр пилиське* 'осенью земля трескается' – *музъем путыр-путыр пилиськылэм* 'земля сильно растрескалась'; *чир кеясъке* 'пронзительно кричит' – *чир-чир кеясъке* 'пронзительно (переодически) кричит'; *муръетйй чын бугыр потэ* 'из (дымоходной) трубы клубами поднимается дым' – *муръетйй чын бугыр-бугыр потэ* 'из (дымоходной) трубы клубами-клубами дым поднимается'.

Повторы одних и тех же изобразительных слов, по мнению Иштвана Батори, «deutet auf Mehrmaligkeit oder Komplexität der Handlung hin» 'указывают на многократность или комплекс действия':

šir gidz-gidz keris ‘die Maus kratzte’ | ‘мышь скребется’; *žal'-žal' vijane* ‘gauschend fleisen’ | ‘литься с шумом, бежать журча’ [1969: 49].

Существует мнение, что подобного рода редупликация квалифицируется как способ не словообразования, а словоизменения, выражающий так называемую репрезентативную множественность [ЭР 6].

Однако среди слов с данной структурой встречаются такие повторы, компоненты которых отдельно не употребляются в речи. Наличие подобных слов объясняется тем, что подражательные моменты звука или действия по своей природе являются многократными, повторяющимися. Такими в удмуртском языке можно назвать следующие повторы: *быз-быз* ‘мягкий’, *быз-быз пудоос* ‘откормленный досыта скот’, *валь-валь кисьтаське* ‘переливается’, *вар-вар жук пöзе* ‘каша варится с клоктанием’, *вайык-вайык ветлыны* ‘ходить покачиваясь’, *тап-тап лёгам сюрес* ‘плотно утоптанная дорога’, *торк-торк кынмем* ‘замерзший крепко-накрепко’, *точ-точ кой* ‘очень толстый’ и др. Подобные слова, употребляясь только в повторной комбинации, образуют стабильные в структурном отношении сочетания, составляя тем самым неразложимые единицы языка, имеющиеся в нем в большом количестве. Зачастую это слова, характеризующие зрительные образы.

Среди редупликационных слов, образованных путем изменения фонем, выделяются следующие структурные типы:

1. Повторы с заменой гласного редупликата: *дубыр-дабыр* ‘с шумом, с грохотом’, *жильтыр-жальтыр* ‘звукподр. звону цепи, металлических предметов; звукподр. журчанию воды’; *чин-чан* ‘звукподр. крику галки’ и др.

2. Изменение целых компонентов второй части: *жингыр-куагыр* ‘звоня и дребезжа’, *žильыр-вальыр* ‘журча и переливаясь’, *резь-куаж* ‘с шумом, с гамом’ и др.

1. Повторы с заменой гласного редупликата. В данном пункте можно выделить следующие позиции в области чередования гласных:

1) *и* первого компонента чередуется с *а* второго:

виж-важ *пила вазе* ‘пила визжит’, *жильтыр-жальтыр* *усьыны* ‘упасть со звоном (лязгом)’; *жильыр-жальыр* *ву ваське* ‘с журчанием бежит вода’, *жингыр-жангыр* *корт вазе* ‘металл звенит’, *нижыр-няжыр* *куара* ‘тягучий голос’; *ниж-няж* *куараен вераськыны* ‘говорить протяжным (тихим) голосом’, *никыр-някыр* *выж* ‘шаткий мост’, *тик-так* *час мынэ* ‘часы тикают’, *тйльк-талък* ‘стук-бряк’, *тйчи-тачи*

кусозэ шере ‘со звоном точит косу’, *тйч-тач* *бамаз чабкылыны* ‘ударять ладонью по щекам’, *тйчыр-тачыр* *тэляса жууны* ‘гореть с треском’, *чин-чан чанаос* *кесясько* ‘шумно кричат галки’, *шильк-шальк* *карыны* ‘бряцать’, *шилтыр-шальтыр* *карыны* ‘стучать-бренчать’, *шлич-шлач* *кнутэн сётъяны* ‘щелкать кнутом’, *чин-чан* *кесяськыны* ‘громко кричать (о галках)’, *чиндыр-чандыр* *вандыны* ‘отрезать криво-косо’, *чильтыр-чальтыр* *ворекъя* ‘переливается разными красками’ и др.

2) *ы* первого компонента чередуется с *а* второго компонента:

вийык-вайык *вырыны* ‘вести себя неуравновешенно’, *дыбыр-дабыр* *усьыны* ‘упасть с грохотом’, *дымбыр-дамбыр* *карыны* ‘гремять’, *дынгыр-дангыр* *музьем кынмиз* ‘земля сильно промерзла’, *лынгыр-лангыр* *лэсь-тэмын* ‘сделано плохо’, *лыньыр-ланьыр* *ветлыны* ‘ходить вразвалку’, *лып-лап* *ветлыны* ‘ходить вразвалку’, *ныыш-няыш* ‘медленно, кое-как’, *лыч-лач* *чапкылыны* ‘давать пощечины’, *тып-тап* *лэганы* ‘растоптать’, *тыпыр-тапыр* *лэсьтыны* ‘сделать наспех’, *чыштыр-чаштыр* *усьыны* ‘падать с шелестом’, *шылт-шалт* ‘стук-бряк’, *шылтыр-шалтыр* *карыны* ‘гремять’, *шыльк-шальк* *капказы* *усьяське* ‘ворота открываются со звонким стуком’, *шыльтыр-шалтыр* ‘расхлябанный’, *шып-шап* *ву усе* ‘вода капает’, *шыпыр-шапыр* *зор усе* ‘падают одиночные капли дождя’, *шырк-шарк* ‘стук-бряк’, *шытыр-шатыр* *шырьёс потто* ‘мышы с шумом возятся’, *шыч-шач* *кусоос вазё* ‘только слышен свист косы’, *шычыр-шачыр* *жугуыны* ‘хлестать (кнудом)’ и др.

3) *у* первого компонента чередуется с *а* второго компонента:

дубыр-дабыр *усьыны* ‘упасть с грохотом’, *жульк-жалък* *ву тулкымъёс ярдуре шуккисько* ‘волны с шумом бьются о берег’, *жульыр-жалъыр* *вырыны* ‘барахтаться’, *зукыр-закыр* *вазьыны* ‘скрипеть’, *лукыр-лакыр* *лы йырийыны* ‘с хрустом грызть кость’, *лусьтыр-ласьтыр* *йырси* ‘растрепанные волосы’, *люр-ляр* *карыны* ‘галдеть, шуметь’, *муз-маг* *кариз* ‘промямлил’, *зузыр-зазыр* *кесяськыны* ‘изорваться в клочья’, *шупыль-шапыль* *карыны* ‘шлепать’, *шур-шар* *пырыны* ‘заходить очень быстро’, *шурк-шарк* *ветлыны* ‘ходить шаркая’, *шучыр-шачыр* *котмыны* ‘промокнуть до нитки’, *тупти-тапти* *пинал ветлэ* ‘ребенок ходит топая’, *тучыр-тачыр* *тйяны* ‘ломать с треском’, *туч-тач* *ыбыльськем куара* ‘выстрелы «бух-бах»’, *супыль-сапыль* *пыд улын дэри* ‘под ногами жидкая грязь’, *супыр-сапыр* *пöзьыны* ‘развариться’, *супыль-сапыль* *луыны* ‘стать жидким, мягким’ и др.

4) *и* первого компонента чередуется с *о* второго компонента:

жсин-жсон пельын вазе ‘в ушах звенит’, *кичыр-кочыр* кочо каре ‘сорока стрекочет’ и др.

5) *ы* первого компонента чередуется с *о* второго компонента:

лыпыр-лопыр лобзыны ‘лететь, хлопая крыльями’, *мыг-мог* вельраськыны ‘(невнятно) бормоча говорить’ и др.

6) *ы* первого компонента чередуется с дифтонгом *уа* второго компонента:

кыжж-куажж корт липетьёс вазё ‘скрежещут железные крыши’, *кыштыр-куаштыр* карыны ‘шуршать, издавать шорох’ и др.

7) *и* первого компонента чередуется с *у* второго компонента:

кичыр-кучыр кочо каре ‘сорока стрекочет’, *зыкыр-зукыр* ёс каре ‘дверь скрипит’, *читыр-чутыр* шур бызе ‘река бежит извиваясь’ и др.

8) *ы* первого компонента чередуется с *у* второго компонента:

чыштыр-чуштыр куаръёс усьыло ‘листья падают, шелестя’ и др.

II. Изменение целых компонентов второй части происходит в удмуртском языке весьма нередко. Зачастую заменяется первый слог повторяющего слова, также слова данного типа образуются путем примыкания одинарных к удвоенным или парным подражательным словам, поэтому их компоненты имеют неравное количество слогов и различаются по составу звуков:

Дыбыр-дыг колёсаос вазё ‘колеса стучат’, *дыбыр-колтыр* ‘со стуком’, *дыбыр-култыр* ‘с грохотом’, *дымбыр-шалтыр* карыны ‘гремять’, *дынгыр-шалтыр* ‘со стуком, с грохотом’, *жсингыр-куангыр* ужно тиялаос сёриськызы ‘стекла окон разбились, звеня и дребезжа’, *Зильыр-вальыр* шудыса, ошмес ву бызе ‘журча и переливаясь, бежит родниковая вода’, *Зипык-лапык* луд кеч вуиз ‘прыг-скок заяц прискакал’, *кис-куань* карыны ‘скулить’, *нис-куань* карыны ‘скулить’, *нюжж-кал* кыскыны ‘тянуть волоком’, *резь-куажж* поттыны ‘галдеть, шуметь’, *нэжж-куажж* тйяськыны ‘ломаться с треском’, *сюл-кал* ошиськыны ‘повиснуть лохмотьями’, *чузги-пазгы* жег тысьёс пазгыськызы ‘зерна ржи с шумом рассыпались в разные стороны’, *чуш-наш* ветлэ ‘ходит нерасторопно, шаркая ногами’, *чуштыр-наштыр* йырсиэз карыны ‘взьерошить волосы’, *шалтыр-дыбыр* ёсэз пытсаны ‘со стуком закрыть дверь’, *тачыр-тач* пу ёсуа ‘с треском горят дрова’, *трах-тарарах* ‘звукподр. раската грома, частой стрельбы’, *тичыр-тач* ёсуаны ‘гореть с треском’, *туд-вад* ветлыны ‘ходить вразвалку’, *туд-вод* ветлыны ‘ходить вразвалку’, *туть-вать* вामीшьяны ‘шагать, покачиваясь из стороны в сторону’, *ури-бери* потыны ‘быстро

выйти', *чукыр-бекыр ветлыны* 'ходить вразвалку', *чукин-бекин сылыны* 'стоять криво', *чиндыр-вандыр пичи сюрес* 'извилистая дорога', *чин-пан вераськыны* 'разговаривать громко', *чукыр-бекыр* 'вразвалку, шатаясь', *чундыр-купыр* пул 'кривая доска', *шымыр-купыр пересьмыны* 'сильно состариться', *чили-вали ву шудэ шунды шорын* 'вода переливается на солнце', *чильк-валык сапезэ карем* 'начистил сапоги до зеркального блеска', *чили-вали кисьтаськыны* 'переливаться разными цветами' и др.

Междометно-наречные повторы (в нашем случае подражательные) впервые рассматривал В. И. Алатырев, который уделял внимание гласным звукам первых слогов. В области чередования гласных (в двусложных словах чередуются всегда только гласные первых слогов) в «деформированных» изобразительных повторах он наблюдал следующие:

1) *и* первого компонента чередуется с *а* второго: *жилыыр-жалыыр (бызьыны)* 'с журчанием (бежать)', *чили-вали (кисьтаськыны)* 'переливается разными цветами (о красках)', *чиндыр-вандыр* 'косо-криво' и др.;

2) *ы* первого компонента чередуется с *а* второго компонента: *шычыр-шачыр жугыны* 'хлестать (кнутом)', *лыч-лач (сётыны)* 'дать звонкие пощечины', *дымбыр-дамбыр (усыны)* 'упасть с грохотом' и др.;

3) *у* первого компонента чередуется с *а* второго компонента: *чузги-пазгы (кисьтійське)* 'с шумом сыплется (зерно)', *супыр-сапыр (усыны)* 'упасть обессилев', *супыль-сапыль (луыны)* 'стать жидким, мягким' и др. [Алатырев 1947: 231].

В своей статье венгерский ученый Istvan Bátori «Wortzusammensetzung und Stammensetzung im Sytjänischen mit Berücksichtigung des Wotjaki-schen» («Словосложение и форма связи в коми-зырянском языке с учетом удмуртского языка») выделяет также следующие чередующиеся пары:

у (и) чередуется с *а (а)*: *turki-tarki* 'mit krach in Gegenstände stosen' ('крушить с силой все вокруг себя'), *tupti-tapti* 'trippelnd' ('с топотом, с грохотом').

ы (й) чередуется с *а*: *čjn'ir-can'ir: č. čin'iez* 'ihre kleinen und mageren Finger' ('пальцы его маленькие и худые') [1969: 56].

Подражательные повторы, вторые компоненты которых отличаются от первых звуковым составом, В. И. Алатырев называет «деформированными», а повторы, имеющие абсолютно одинаковые по форме компоненты, «недеформированными» [1947: 226].

В деформированных междометно-наречных повторах, по мнению В. И. Алатырева [1947: 230], подвергаются изменению только начальные

сочетания согласный + гласный или только начальный согласный или же только первый гласный. Конечные согласные и вторые гласные, как правило, не подвергаются деформациям (изменениям). Все существующие деформации изобразительных слов автор включает в три группы:

1. Деформирован первый слог (остальные звуки точно повторяются в обоих компонентах): *чукин-бекин* ‘криво-косо, косо-криво’, *зильыр-вальыр* (*бызыны*) ‘бежать журча и переливаясь (о воде)’, *зыпык-лапык* ‘скок-поскок’ и др.

2. Деформирован начальный согласный (остальные звуки точно повторяются в обоих компонентах): *коста-роста* ‘чмок-чмок’, *чили-били* ‘чи-чи’, *дыг-мыг* (*вераськыны*) ‘заикаться’ и др.

3. Деформирован только первый гласный (остальные звуки точно повторяются в обоих компонентах): *жильтыр-жальтыр* ‘с журчанием’, *зюзыр-зэзыр* (*кесяськыны*) ‘изорваться в клочья’, *лып-лап* (*ветлыны*) ‘ходить вразвалку’ и др.

На основе нашего анализа, с учетом материалов В. И. Алатырева, И. Батори, можно сказать, что из всех встречающихся чередований, наиболее часто встречаются следующие чередующиеся компоненты: $u \sim a$, $ы \sim a$, $y \sim a$. Следует также отметить, что гласный повтора всегда (исключения составляют примеры с чередованиями $ы \sim y$, $и \sim y$) звук более низкого подъема, чем гласный «основания». Причем, данное обстоятельство характерно не только для удмуртского языка, но и для других финно-угорских языков: мар. *вырт-ворт* ‘живо’ [МРС 1991: 55], морд. *тупор-тапор* ‘неуверенно, спотыкаясь (идти)’ [ЭРС 1949: 227], к. *гыма-гама* ‘с силой (рушить)’ [КРС 1961: 181], венг. *csiszeg-csoszog* ‘шлепать, волочить ноги’ [MOSZ 1989: 44] и т. д.

Таким образом, подражательные слова в удмуртском языке могут быть простыми и сложными. Последние, нужно отметить, представляют для языкознания больший интерес, поскольку их повторяющиеся компоненты могут отличаться составом как гласных, так и согласных. Относительно изобразительных повторов И. Батори писал: «Die relativ grose Festigkeit der sehr haufigen lautmarischen und lautsymbolischen Iterativkomposita ist dadurch gewährleistet, das sie meistens nur in Wiederholungen existieren» [Batori 1969: 50]. («Относительно большая устойчивость звукоподражательных и звукосимволических интерактивных сложных слов обеспечивается благодаря тому, что они чаще всего существуют только в виде повторов »).

3. ЗНАЧЕНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

3.1. Словообразовательный потенциал звукоподражательных слов

Ономатопэтический пласт лексики – пласт широко употребляющихся слов во всех финно-угорских языках. Одни слова по происхождению восходят к уральскому праязыку, другие к финно-угорскому, третьи образованы в период самостоятельного развития того или иного языка. Причем сделать такое точное разграничение и определить древнюю (начальную) праформу дескриптивных слов – работа весьма не простая, а порой и вообще невыполнимая.

С образованием нового звукоподражательного слова, образуется новый, ранее не существовавший корень слова, являющийся основой для образования в дальнейшем других частей речи. В отличие от междометий, они широко используются в словообразовании.

Образование частей речи в удмуртском языке довольно разнообразно. В основном спонтанное образование происходит от других частей речи с помощью различных суффиксов. Образо- и звукоподражательные коренные основы удмуртского языка служат для образования существительных, прилагательных, образо- и звукоподражательных слов, глаголов, деепричастий, причастий.

1. Существительное:

[*таргэтонэд кошкиз-а уни?*] (Тш.). ‘Твоя тархателка (мотоцикл) уже уехала?’

[*жил'ыртонэд вийаса аскыоз' но уз бы-ры*] (К.). 'Твоя журчалка (самогон) и до завтра не вытечет'.

[*дамбыртонэд жіогэн уз на быр, кал' гинэ йуыны кутскизы*] (Пш.). 'Веселье (букв. грохот) не скоро еще прекратится, только что пить (праздновать) начали'.

Толалтэ кузь жіыт'ёсы черсон колёсалэн огвиллем жургетэmez выллем кылійське: черсэм шорт пумтэм-йылтэм биняське, нош колёса ялан ас понназ жургетэ но жургетэ... (Г. Крас, 184). 'Зимой в длинные вечера гудение самопрялки слышится однообразно: пряжа бесконечно наматывается, а колесо постоянно про себя гудит и гудит...'

Табере быдэс гуртын пурт улэ сюрем парсьёслэн пеле пырись жіет-тэмзы но жіезгёслэн, жіож'ёслэн кесяськемзы кылійське: мискин'ёслэн берпум нуналзы вуиз (Г. Крас, 194). 'Сейчас по всей деревне слышны режущие ухо визги свиней, крики гусей и уток, попавших под нож: у несчастных настал последний день'.

Зорлэн лушкем шапыртэmez но пелляськись толлэн шулаmez сяна, номыр уг кылыськы (С. Ших., М, 257). 'Ничего не слышно, кроме скрытного шуршания дождя и свиста дующего ветра'.

Карим доры ми вуыку, снарядьёслэн но минаослэн гудырьяменызы номыре валаны уг луы вал (С. Ших., М, 268). 'Когда мы приближались к Кариму, из-за грохота снарядов и мин ничего нельзя было понять'.

Вулэн лек ургетэmez Кыйкар гурезьын пашпуос, палэзьпуос, векчи тыпыос пöлын чузьяське (Г. Медв., Лб, 43). 'Сильный рокот воды слышится на горе Кыйкар среди орешников, рябин, мелкого дуба'.

Кужмо вיקышьяңз пöсьтійз (Г. Медв., Лб, 28). 'Сильное всхлипывание вырвалось наружу'.

В приведенных примерах существительные образованы от глаголов при помощи суффиксов *-он (-ён) -н, -эм (-ем)* + выделительный суффикс (*таргет-он* 'тарахтение' < *таргет-ыны* 'тарахтеть'; *жил'ырт-он* 'журчание' < *жил'ырт-ыны* 'журчать'; *дамбырт-он* 'грохот, стук' < *дамбырт-ыны* 'грохотать, стучать, греметь'; *жургет-эм* 'журчание, гудение' < *жургет-ыны* 'журчать, гудеть'; *жіет-эм* 'визг' < *жіет-ыны* 'визжать', *шапырт-эм* 'шуршание' < *шапырт-ыны* 'шуршать'; *гудырь-я-м* 'грохот' < *гудырь-я-ны* 'грохотать'; *ургет-эм* 'ор, шум' < *ургет-ыны* 'урчать, шуметь', *вיקышь-я-н* 'всхлипывание' < *вיקышь-я-ны* 'всхлипывать').

В диалектах удмуртского языка звукоподражательные слова зачастую переходят в класс существительных посредством присоединения

к ним личных притяжательных суффиксов, как единственного, так и множественного числа. В изучаемом языке лично-притяжательные суффиксы нередко употребляются не для выражения отношений принадлежности, а в других значениях. Данные формы употребляются в плане выражения интимного, задушевного отношения говорящего к объекту своей речи. Вместе с тем они указывают и на другие семантические оттенки, в частности, на неопределенность, известность из предыдущего высказывания или из ситуации речи. Например:

[*турън калтънъ мъним но, гуч-гучъмъ быриз*] (НК). ‘Сено пошли убирать, и питье (букв. гуч-гуч, звук, издаваемый при питье какой-либо жидкости) закончилось’.

[*колтыр-колтырдэ од на-а ва-ндъ?*] (Тб.). ‘Индюка (букв. колтыр-колтыр звукоподр. крику индюка) еще не зарезала?’

[*чан-чандэ пэрччыны быгати ук вс'о-равно*] (Ур.). ‘Крепко завязанный узел я смог все-таки развязать’.

По нашему мнению, следующие существительные (имена) образованы от подражательных слов: *быгыли* диал. ‘круглый’, *гудыри* ‘гром’, *гучык* ‘плоток’, *шапык* ‘капля’, *чингыли* ‘колокольчик’.

В удмуртском языке слово *быгыли* используется в сочетании со словом *син* (*син быгыли*) и означает ‘глазное яблоко’. Не исключено, что образоподражательное слово *быгыль*, *быгыль-быгыль*, имеющее значение ‘пухлый, круглый’, лежит в основе рассматриваемого слова. В Кратком этимологическом словаре коми языка приведена следующая этимология:

бугыль чаще в сочетании: *син бугыль* ‘глазное яблоко’, презрит. ‘буркалы’ (*син* ‘глаз’) | удм. *s'in bigil'i* тыл. ‘глазное яблоко’. – Общеп., **bug-* (-*il'* – суффикс) || эст. *pung* ‘почка, бутон’, ‘кошелек’, *pungis silmad* ‘глаза на выкате’ | венг. *bog, bug* ‘узел’, ‘нарост’. = Доперм. **p8ηкэ-* ‘не-что выпуклое, круглое’ ||| сельк. *poŋgolał* ‘круглый’ [КЭСК 1999: 41].

[*с'инмам изэн йётиз но павол, с'инбыгыл'ийэ ук потэ вал ни*] (Тш). ‘В глаз мне Павел попал камнем, даже глазное яблоко чуть не вылезло’.

Бабyles йырсиё, быгыль-быгыль ымныро пичи ныл Каримлэн алаз султэм но солэн чыртыяз жик-жик зыгырскем (С. Ших., М, 268). ‘Маленькая девочка с кудрявыми волосами, с пухлыми щеками встала на колени Карима и крепко его обняла’.

Происхождение остальных слов весьма очевидно: *гудыри* ‘гром; грозовой’ < *гудыр*, *гудыр-гудыр* ‘с грохотом, грохоча’, *гучык*, *гучык* ‘плоток’ < *гуч*, *гуч-гуч* ‘звук, издаваемый при питье какой-л. жидкости’,

шапык ‘капля’ < шап, шап-шап ‘кап, кап-кап’, *чингылли* ‘колокольчик’ < *чингыль*, *чингыль-чингыль*, *чингыль-чангыль* ‘звукоподр. шуму колокольчика «динь-динь»’. Из всех перечисленных слов, кое-какую информацию этимологического характера находим по слову *гудыри* ‘гром’:

гудыр ‘муть’, ‘осадок, отстой’, ‘мрак’, ‘мутный’; ‘пасмурный, сумрачный (о погоде)’ | Утиля сопоставляет под вопросом с удм. *гудыри* ‘гром’ || ?? венг. *hadar* ‘поворачивать’, ‘бить, толкать’. Сопоставление с венгерским словом неубедительно. Если коми слово можно сопоставить с удмуртским, то необходимо привести также мар. *күдырчө* ‘гром’. – Общеп. **gδdзr-* ‘сумрак, мрак’. = Доперм. **kδtrз-*. Между *т* и *р* развился протетический гласный, ср. производные слова без этого гласного: гудравны, гудрөдлыны [КЭСК 1999: 82].

Тымет выжез ортчыса, паллянэ кожизы но изэн вöлдэм нялмыт сюрес кузя көня ке гинэ тубизы, кыдөкын, ыргетэм кадь, гудыри кылійськиз (Иг. Гавр., Вп, 75). ‘Переправившись по мосту через пруд, повернули налево и проехали немного по гладко-выложенной камнем дороге, вдалеке послышались сильные удары грома’.

Көня ке минут ортчыса, передовой палась кужмо пуштэм кылійськиз но инме, көшкемыт бугырьяськыса, тупыттэм бадзым губи выллем, гудыри пилем кадь съөд чын бөмьяськиз (Г. Пер., Нз, 103). ‘Спустя несколько минут, со стороны передовой послышался сильный взрыв и в небо, сильно клубясь, словно непомерно огромный гриб, поднялся черный дым, похожий на грозовую тучу’.

[*тин' кал' гинэ сэпычын л'эк зориз. гудър-гудър орччиз*] (Пш). ‘Вон только что в Сепыче сильный дождь прошел. С грохотом прошел’.

Адымиез сые согем бере, аяз мед усёз шуыса, гучык ке но верьяно вылэм (Р. Вал., Уп, 49). ‘После того, как человека похоронят, чтобы помянуть, хоть один глоток надо было попробовать’.

[*тан' папэд турнан'н'ын ошмэсыс' кэз'ыт ву йуиз ук гуч-гуч, э йуиз... ангина өз кутскы-а*] (Тш.). ‘Вон, отец твой на сенокосе из родника воду холодную большими глотками пил, ну и пил... ангиной не заболел ли’.

Со гуч-гуч юэ кезыт вуэз (Иг. Гавр., Шп, 211). ‘Он большими глотками пьет холодную воду’.

Дырыз сыче, одйг чиндыс ке но мед луоз вылэм аракые – шапык но өвөл угось (Р. Вал., Уп, 49). ‘Время такое, хоть с наперсток было бы спиртного – ни капли ведь нет’.

Умойгес учки но валай: горд басмалэн векчи нюжа кузяз гордалэс-пурьсь ву *шапыкъёс* выж пул вылэ *шап... шап... шап...* усьыло (Ег. Загр., Гэ, 148). ‘Хорошо присмотрелся и понял: по тонкой ниточке красной тряпки кап... кап... кап... капают на половицы красновато-серые капли’.

Учке ай, учке, Ёрги вуэм, хо-хо-хо! – *чингыли* куараен жингыртій пичи Сенька (Ег. Загр., Гэ, 147). ‘Посмотрите-ка, посмотрите, Ёрги пришел, ха-ха-ха! – как колокольчик звонко сказал (букв. прозвенел) маленький Сенька’.

[*вожойас'кыса вэтлыку-мы, ми дис' уламыш макэ корт вурыли-мы. обы-чно л'имонадлэс' жэлэ-зной пропкаосты вурылим. и со чингыл'-ча-нгыл' ваз'э н'и вал. дото зво-нко кылис'кэ*] (Карпова 2013: 520). ‘Когда ряжеными ходили, мы под одежду какие-нибудь «железяки» пришивали. Обычно пришивали железные пробки от лимонада. И они уж звенели. До того звонко слышится’

2. В разряд **прилагательных** переходят образо- и звукоподражательные слова, которые остаются в своей начальной форме, т. е. не принимают никаких суффиксов; определяющим моментом при этом является контекст предложения. В данном случае речь идет о конверсии.

Конверсия – это морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором основа или словоформа слова одной части речи образуется от слова другой части речи без изменения внешней формы исходного слова, а словообразовательным средством при этом является семантический сдвиг и грамматическая оформленность слова. Исходное слово и производное слово в процессе конверсии семантически взаимосвязаны друг с другом, хотя имеют различные категориальные значения [Дуйсенбина 2010: 5]. Например, *шуньт* – имя существительное ‘тепло, теплота’ (*гурлэн шуньтэз* ‘тепло печи’); имя прилагательное ‘теплый’ (*шуньт сйзыл* ‘теплая осень’); наречие ‘тепло’ (*шуньт пумитаз* ‘он тепло встретил’); *шулдыр* имя существительное ‘веселье, радость’ (*шулдырез өз вала* ‘он веселья не понял’); имя прилагательное ‘веселый, радостный’ (*шулдыр кырзан* ‘веселая песня’); наречие ‘весело, радостно’ (*шулдыр пумитазы* ‘они весело встретили’); *секыт* – имя существительное ‘тяжесть’ (*секытэз өз шодды* ‘он тяжести не почувствовал’); имя прилагательное ‘тяжелый’ (*секыт уж* ‘тяжелая работа’); наречие ‘тяжело’ (*секыт ортчиз* ‘тяжело прошло’); *кезьыт* имя существительное ‘холод’ (*кезьыт вуиз ни* ‘холод уже пришел’);

имя прилагательное ‘холодный’ (*кезьыт омыр* ‘холодный воздух’); наречие ‘холодно’ (*кезьыт пумитаз* ‘он холодно встретил’); *чүкна* – имя существительное ‘утро’ (*чүкнаез возьмай* ‘я ждал утра’); имя прилагательное ‘утренний’ (*чүкна шунды* ‘утреннее солнце’); наречие ‘утром’ (*чүкна школае мынй* ‘утром я пошел в школу’). Приведенные примеры являются категориально недифференцированными словами, так как это разные части речи с разными лексическими значениями, хотя вещественные значения корней у них совпадают.

В удмуртском языке можно обнаружить множество примеров, когда ономастопоэтическое слово может выступать в качестве определения и, по сути, выполнять роль прилагательного. Главным условием остается синтаксическая функция: определять существительное:

[*гүч-гүч с'ис'эм пу кэма уг ни сьл*] (Пш.). ‘Гнилое (букв. глухо звучащее) дерево долго уже не стоит’.

[*оло-ма со пийэ, со колтыр-колтыр машинайэз бас'тиз, кон'донэз-а мар-а трос*] (Шг.). ‘Не знаю почему мой сын эту разваленную машину (букв. дребезжашую) купил, денег у него что-ли много’.

Катялэн нюк улысь ошмес доры ведра-карнанэн гүбыр-гүбыр вась-камеж жаль потйз (Г. Крас., Кмк, 10). ‘Жаль стало Катю, что сгорбившись спускается с коромыслом в лог к роднику’.

Кирла озьы пукыку, бераз кин ке чүштыр-чүштыр куара сётйсь луиз (Г. Крас., Кмк, 14). ‘Пока Кирилл так сидел, сзади кто-то подал шероховатый голос’.

Собере валаз: дасо ёрос фотоосын – огкадь инкуазь суред. Лабрес, лап-лап мугоро беризь (Р. Вал., Чар, 48). ‘Потом он понял: примерно на десяти фотографиях – одинаковый пейзаж. Развесистая, стройная липа’.

Кужё кышно, Орина кенак, бам вылаз былъыр-былъыр потэм нюлам-зэ азькышетэныз мыддорин палыныз олокня пол чүшылэ ни (Р. Вал., Уп, 49). ‘Хозяйка, тетка Арина, несколько раз уже вытирает обратной стороной фартука обильно выступивший на лице пот’.

Анай выльысь берытскиз шим-шим кълем корка но отысь кобыен потйз (Р. Вал., Уп, 51). ‘Мать снова вернулась в опустевший дом и от туда вышла с ковшом’.

Али но пельсьёрын на ай молотлэн корт вьлэ жсин-жсин кокась-кемез (Р. Вал., Уп, 53). ‘Даже сейчас за ушами звонкий стук молота по металлу’.

Володяен берло вераськемез төлзытїз солэсь капчи мылкыдзэ, уй-ёсы **ньыс-ньыс** изэнзэ (Н. Вас., Ктат, 74). ‘Последний разговор с Володей испортил его легкое настроение и сладкий ночной сон’.

Шонї-панї зечырась эисэ Аркашлы берат кунултыса но мар нуоно луиз (Г. Пер., Нз, 106). ‘Шатающегося из стороны в сторону друга Аркаше позднее пришлось вести под мышки’.

Ма собере пыд улазы но **жаль-жаль** ву, нош писпуос, куакъёс борды йётскыны ик уг лу – кезьыт шапыкъёс, кисьмам эмезь выллем, шапырак-шапырак куашкаса, ымныразы пызйиськыло, чырттытїзы тыбыразы васько (Г. Пер., Нз, 111). ‘Да и потом под ногами одна вода, а до деревьев и кустарников нельзя даже дотронуться – холодные капли, словно созревшая малина, мгновенно падая, брызгают на их лицо, стекают по шее на спину’.

Пыдлогес пыремзья, пыд улысьтызы мамык кадь **буй-буй** жуен шобырскем музъем зыл-зыл лэйканы өдъяз – огсыр веттаськись зарезь тулкымъёс вылэ шедизы кадь (Г. Пер., Нз, 117). ‘По мере продвижения вглубь, земля, покрытая мягким, словно вата, мхом, начала под ногами качаться, как-будто попали на монотонно качающуюся морскую волну’.

3. Образо- и звукоподражательные слова служат основой для образования слов, входящих в их же категорию. Продуктивным суффиксом в данном случае является аффикс **-ак**: **чир-ак** ‘звукоподр. пронзительному крику’ < чир ‘тж.’, **чульк-ак** ‘вдруг, внезапно, неожиданно’ < чульк ‘вдруг, моментально’, **шатыр-ак** ‘с шумом, грохоча’ < шатыр ‘тж.’, **чаж-ак** ‘с треском’ < чаж ‘тж.’, **чорк-ак** ‘вдруг’ < чорк ‘тж.’, **йыг-ак** ‘звукоподр. одиночному стуку, удару о твердый предмет’ < йыг ‘тж.’, **куажыр-ак** ‘звукоподр. скрипу, хрусту’ < куажыр ‘тж.’, **бугыр-ак** ‘изобр. сл., выражающее густые клубы дыма, пара, туч, идущих с переборами’ < бугыр ‘тж.’, **юзыр-кезьыр-ак** ‘состояние, покрытого мурашками’ < юзыр-кезьыр ‘тж.’, **шалтыр-ак** ‘звукоподр. стуку деревянными предметами’ < шалтыр ‘тж.’, **тичыр-тачыр-ак** ‘с шумом, с грохотом’ < тичыр-тачыр ‘тж.’ и др.

Вожез потыса, машиназэ со пырак тузон пöлын пыласькись курез шоры нуэ вал но, соиз, **чирак!** кеськыса, оломар сямен поглян вискытї потыса вуиз (Г. Крас, 70). ‘Рассердившись, машину он направил прямоком на курицу, барахтающуюся в пыли, та, пронзительно прокричав, неизвестно каким образом сумела пробежать между колес’.

Ураметий ортчыкузы, котькуд коркась соос шоры ужно пыр адыми-ос утчасько, пинальёслэн йыррьёссы **чулькак** укное мычисько но отын ик ышо: анай-атайёссы чапкыса лэзё, лэся (Г. Крас, 98). 'Проезжая по улице, на них в каждое окно смотрят люди, появляются и тут же исчезают лица ребят: родители шлепают, видимо'.

Огшан улыса, нош ик маке **шатырак** вазиз (Г. Крас, 117). 'Немного погода, вновь что-то прошумело'.

Кышно пала потан ёслэн янак бордаз пыкъяськыса, Олексан огшан номыр вазьытэк сылїз но омыр тырмымтэысь дэрем сирессэ **чажак** кыскиз (Г. Крас, 118). 'Уперевшись о дверной косяк кухни, Александр некоторое время стоял молча и из-за нехватки воздуха с треском дернул за ворот рубашки'.

Песяй, «ой, шайтан!» шуыса, куртчем интыяз кутїськиз, Васялэн йырыз мозмиз; зус вылысен выж вылэ погыльтїськыса, со **чоркак** пыд йылаз султїз но, йыр вылысьтыз шубаез сэрпалтыса, кōшкемыт куараен бурсыса но котырысьтыз номыре адзїтэк, корка пушкытїй порьяны кутскиз (Г. Крас, 138–139). 'Старик, сказав «ох, черт!», схватился за укушенное место, голова Васи освободилась; а он, перекатившись с лавки на пол, вдруг встал прямо на ноги и, сбросив с головы шубу, крича страшным голосом и не видя ничего вокруг, стал носиться по избе'.

Кызьы потїз, озьы ик берыктїськиз но ёсэз **йыгак** ворсаса пыриз (Г. Крас, 158). 'Как вышел, так же вернулся и зашел, со стуком закрывая дверь'.

Юэм бераз, Кудрин сылалтэм киярез **куажырак** куртчиз, йырыныз бергатїз (Г. Крас, 195). 'Выпив, Кудрин с хрустом откусил соленый огурец, помотал головой'.

Кыед зынэн пычам шуныт омыр, мунчоысь сямен, **бугырак** выллане жсутїськиз (Г. Крас, 201). 'Пропахший навозом теплый воздух, словно из бани, клубами поднялся вверх'.

Вылтырыз, вуэн кисьтэм сямен, **юзыр-кезьярак** луыса кошкиз (К. Герд, М, 17). 'Его тело, словно облитое водой, покрылось мурашками'.

Соин чōш висьет сьōрын маке но **шалтырак!** вазиз (Ар. Клаб., Ад, 243). 'Вместе с этим за стеной что-то с грохотом упало'.

Вылаз ик лыз инмез витёнтэм шорысь сьōд пилемьёс возъязы но жōген югак-югак чилекъяса, **тичыр-тачырак!** гудыръяса, жаль! зорыны кутскиз (Г. Пер., Нз, 110). 'К тому же неожиданно синее небо

закрыли черные тучи и вскоре, ярко сверкая, с тресками молний, гремя, начался проливной дождь’.

Суффикс *-ак/-як* является наиболее продуктивным из всех аффиксальных форм и относится к наречным словообразовательным суффиксам. С данным суффиксом образуются наречия образа или способа действия от прилагательных, наречий, наречно-изобразительных слов, морфологически недифференцированных слов, числительных, например: *дэменак* ‘сообща, коллективно, совместно, вместе’ < *дэмен* ‘сообща, вместе’, *жэогак* ‘быстро, скоро, срочно’ < *жэог* ‘быстро, скоро, срочно; быстрый, срочный’, *каньылак* ‘легко, облегченно; спокойно’ < *каньыл* ‘легко, удобно; легкий и др.

О происхождении суффикса *-ак* Б. А. Серебренников пишет: “Происхождение суффикса неясно. Элемент *k* в пермских языках, по видимому, имел какие-то функции сравнения, ср., например: коми-зыр. *buržy-k* ‘лучше’ (*bur* ‘хороший’), удмурт. *vył'-g-es*, *vył'-g-em*, ‘более новый’. Суффикс *-ак*, возможно, восходит к какому-то слову, имевшему значение «подобный» или «подобно»” [Серебренников 1963: 353].

И. В. Тараканов суффикс *-ак* относит к болгарским заимствованиям. В качестве примера им приведена следующая лексема: ср. удм. *чанапак* ‘как раз, ровно, столько’ < чув. *шапах* ‘тж’ [1981: 33].

На наш взгляд, суффикс *-ак* имеет довольно позднее происхождение и относится к общеудмуртскому периоду, на что указывает отсутствие данного аффикса (или какого-либо его близкого варианта) в родственном коми языке. Все образования носят вторичный характер, и следовательно, элемент *-ак* в удмуртском языке вполне может быть исконным по образованию.

В работе «Verzeichnis der votjakischen Suffixe und Suffixkombinationen» («Перечень удмуртских суффиксов и суффиксных комбинаций») суффиксы *-ак/-як* названы словообразовательными суффиксами наречий (Adverbialbildungssuffix) [Veenker 1976: 23, 25].

4. В удмуртском языке аффиксальное словообразование **глаголов** часто происходит от звукоподражательных слов, представляющих собой подражание произвольным или непроизвольным выкрикам человека, воспроизводящим различные его действия и состояния (смех, плач, хныканье, пение, крик, испуг и т. п.), различные звуки живой и неживой природы (лай, мяуканье, мычание, жужжание, шум падения дождя, града, раскаты громы и т.п.), а также звуки, возникающие при

ударе, соприкосновении различных предметов (стук, лязг, звяканье, грохот и т. п.).

Как известно, слово является не только носителем понятия, материальной оболочкой, но в нем происходит процесс образования, формирования не только понятия, но и образа. Звукоподражательный глагол, выступая в речи в качестве различных членов предложения, расширяет сферу своей сочетаемости с другими словами, что ведет к большей обобщенности его значения, к потускнению первоначального звукового образа и формированию в них четких понятий.

Таким образом, язык подвергает лингвистической обработке звукоподражательные комплексы, фонетически их упорядочивает, придает им структуру слова. Благодаря языку они приобретают назывную функцию, способность быть членом предложения и способность выражать понятия.

В удмуртском языке для образования звукоподражательных глаголов используются следующие суффиксы:

а) аффикс **-ы-(ны)**. Глаголы обозначают действие, направленное на осуществление мысли, выраженной оноματοпоэтическим словом, от основы которого образован глагол; иными словами, основа таких глаголов в современном сознании говорящих прежде всего ассоциируется с изобразительными или подражательными словами: *вӧлыны* 'разостлать, расстилать', *жӱрыны* 'ворчать; скрипеть', *жӱмыны* 'попасться, наскочить', *путьны* 'дать трещину, треснуть, лопнуть', *викыны* 'икнуть, икать', *пальккыны* 'выплеснуть, плеснуть; разбить вдребезги', *куальккыны* 'лакать, вылакать; визжать, скулить; пустословить, болтать; пить, выпивать', *бызгыны* 'жужжать; ворчать'.

[*со кышнойэ мынам вэс' жӱрънь йаратэ вал*] (УдК). 'Эта жена моя все время ворчать любила'.

[*чутьны мон кутски ус'эме бэрэ*] (Пш.). 'Хромать я начал после падения'.

Гурыоссэ, бадӱымесь весьёссэ, ошылӱськем векчи йӧосты кутылэ. Ваньзы вӧлӱмын, олокӧня сэрегоесь, синучкон кадесь волятэмын (К. Лом., Пк, 232). 'Трогает сережки, большие бусы, подвешенные тоненькие провода. Все выточенные, многоугольные, отполированные, словно зеркало';

б) аффикс **-а-(ны)**. Глаголы обозначают действие, направленное на осуществление мысли, выраженной оноματοпоэтическим словом,

от основы которого образован глагол: *йыганы* ‘постучать, стучать; забить’, *паньганы* ‘мяться, измяться; вдавиться, сплюснуться’, *палькканы* ‘плескать, расплескивать; разбивать вдребезги, разрушать’, *тяпканы* ‘промокнуть, мокнуть насквозь; сильно опьянеть’, *зурканы* ‘трястись; сотрясаться, содрогаться’, *шуланы* ‘свистеть’, *чупаны* ‘целовать’, *шалътраны* ‘расшататься; пасть духом, ослабнуть’, *жингыраны* ‘звенеть, зазвенеть’, *эизаны* ‘течь, стекать, вытекать тонкой струйкой’, *кканы* ‘стучать, бить, ударять; долбить; избить, бить’, *паньыраны* ‘разползтись’, *жонгыраны* ‘замерзнуть, мерзнуть, замерзать, окоченеть’, *шапыраны* ‘капать; моросить’, *супыраны* ‘развариться, развариваться, разопреть; обессилеть’, *питыраны* ‘катиться, скатиться; вертеться, вращаться; катиться вниз’, *тачыраны* ‘трещать’, *бычыраны* ‘прорастать, прорасти; выступать, выступить, появиться’, *тэчыраны* ‘трещать’, *бызьыраны* ‘терять вкус, становится водянистым’, *быльыраны* ‘выступать (о слезах); сверкать’, *ланьыраны* ‘беспомощно опуститься; бессильно прислониться, обессилеть’, *ботъыраны* ‘лепетать; говорить без умолку; кричать; беседовать, разговаривать’, *лӧбресаны* ‘стать рыхлым, пушистым’.

Ах тон, вордос! Дасьсэ сийсь! – Олешлэсь йырзэ борддор борды йыга возжомем воргорон (К. Лом., Пк, 233). ‘Ах ты, выродок! Дармоед! – разозлившийся мужчина бьет голову Алексея о стену’.

Пыд куара кылійськиз, кин ке но бызьыса кошикиз, соку ик пеймыт уез ыбем куара зуркатійз (Н. Вас., Ктат, 87). ‘Послышались шаги, кто-то убежал, и тогда же темную ночь содрогнул звук выстрела’.

Та кызыпу улын ик нырысьсэ жыгыртійз со Насьтазэ, чупаз льӧль ымдурзэ, *татын ик жужаз яратонзы* (Н. Вас., Сф, 94). ‘Под этой березой он впервые обнял свою Настю, поцеловал алые губы, здесь же вспыхнула между ними любовь’.

Виресь луэм пизэ адъыса, пыдессинъёсыз шалътразы, либрак лэзькиз со зус вылэ (Ф. Пукр., М, 292). ‘Увидев окровавленного сына, ноги обмякли, обессилев отпустился он на скамью’.

Со понна милемлы ялан тау карылійз, нош аслаз чемысь бам вылаз синкылиосыз былъыралозы вал (К. Ем., Пк, 343). ‘За это он нас постоянно благодарил, а у самого на лице, бывало, появлялись слезы’;

в) аффикс **-м-** (**-ы-ны**). Глаголы с суффиксом **-м-** и плюс **-ы-** обозначают процесс приобретения качества, наличного в предмете (или явлении), выраженного его основой, или процесс приобретения

качества-признака: *супырмаыны* ‘развариться, разопревать; обессилеть’, *кисырмаыны* ‘сморщиться, морщиться; дрябнуть’, *чутырмаыны* ‘скорчиться, съежиться, свернуться; умереть’, *сачырмаыны* ‘запачкаться, замараться; промокнуть насквозь’, *шучырмаыны* ‘стать мокрым; опьянеть’.

[*картошкамы быдэс супырмаиз ук, л'э-шой!*] (Тш.). ‘Вся наша картошка разварилаась же, леший!’

[*ма со, сачырмаыны да шучырмаыны, одик ук со... т'ап-т'ап котмыны эшио верало. жал' зорыку но, вуэ ус'ыку но*] (НК). ‘Да это, и сачырмаыны и шучырмаыны – одно и то же это ведь... Еще говорят промокнуть до нитки. И при сильном дожде, и падая в воду’.

[*йуэмэньз быдэс пограз но чутырмаиз ук. ла-дно о́з кул, педлон до-тово кэз'ыт вал ук*] (Пш.). ‘Напился и упал, весь оконеченел. Ладно не умер, на улице же очень холодно было’;

г) аффикс **-д-** (**-ы-ны**). С помощью суффикса **-д-** образуются глаголы, обозначающие делать то, что выражено основой имени или процесса действия, направленного на осуществление мысли, выраженной именем, от основы которого образован глагол: *жиздыны* ‘побежать без оглядки; помчаться во весь дух’, *куалдыны* ‘отколоться, расколоться; отщепиться, отщепляться’, *жиндыны* ‘звенеть’, *чирдыны* ‘петь; читать; верещать’, *пезьдыны* ‘отскочить, отлететь; выскочить; раскрыться; сильно опьянеть’, *жильдыны* ‘лущить, облущить, шелушить; сорвать; разбить вдребезги’, *чильдыны* ‘блестеть, заблестеть’, *путьдыны* ‘вскочить, образоваться; вздуться’.

Соослэн киоссы автомат нуллыса путьдылэмын, – шуэ Ондыръян (Г. Дан., Гп, 207). ‘Их руки от ношения автоматов натерты [до мозолей], – говорит Андрей’.

Ос усътэмез кылыса кутскиз ук чирдыны, кутскиз ук кымысыныз выж вылэ коканы... (Ег. Загр., Гз, 152). ‘Услышав звуки открывающейся двери, начал ведь он причитать, начал ведь лбом по полу бить...’.

Ах, озьы, иське! – Санко Петыр мотоциклэз бертійз жутійз, председателъ руль вылтійз пезьдійз, бака сямен возьяськиз музьем вылэ (Н. Вас., Сф, 92). ‘Ах, так, значит! – Санко Петыр поднял заднюю часть мотоцикла, председатель полетел через руль, словно лягушка, распластался на земле’;

д) аффикс **-з-** (**-ы-ны**). Такие глаголы обозначают процесс приобретения качества, выраженного словом, послужившим основой для их образования: *напырзыны* ‘сгуститься, сгущаться; развариться;

развести (о дороге)', *сапырзыны* 'развариться, развариваться', *супырзыны* 'развариться, разопреть; обессилеть', *пуньырзыны* 'ползти, распоззаться; оползать; сплющиться', *нярзыны* 'образоваться; содраться', *пульзыны* 'вскочить, образоваться; вздуться', *сапыльзыны* 'стать ослизлым, ослизнуть', *непыльзыны* 'размякнуть; раскисать; разжижаться; становиться слякотной', *тепыльзыны* 'ослизнуть, стать скользким', *супыльзыны* 'развариться; обессилеть', *куаньзыны* 'скулить', *гомзыны* 'вспыхнуть, разгореться пламенем, воспламениться', *пурзыны* 'подняться, вздыматься; разлетаться; бурно расти; сердиться', *төрзыны* 'задыхаться; страдать одышкой; вздуться (о животе)'.

[*лымыйэд, шунды потыку, т'ангъл'зыны кутскиз ук*] (К.). 'Снег на солнце начал ведь размякать (таять)'.

[*оло-ма пэдорэ супыл'зыны кутскэм помидорэз бас'тэм*] (Шг.). 'Не знаю, почему мой Федор купил помидоры, начавшие гнить'.

[*сапыл'зыны кутскэм лымыйэти вэтлыны но урод*] (Ур.). 'По мокрому разжиженному снегу и ходить трудно'.

Нош туннэ тани нылъёсмылэн сюлмазы гыбдаса улысь малпанъёсы гомзизы (П. Куб., Т, 240). 'А вот сегодня тлеющие в сердце мысли девушек разожглись с новой силой'.

Зэм но, ваньмыз, оло, воштійськемын-а – вал пыд улысь но тузон уг пурзы ни, тополь куаръёс но пыртйзы чильпырамон пуж-пуж миськемын (Р. Вал., Уп, 52). 'И вправду, все, может быть, поменялось – и под ногами лошади пыль уже не поднимается, и листья тополя хорошенько вымыты до блеска'.

Суффикс *-з-*, по мнению Б. А. Серебренникова, генетически связан с коми и удмуртскими глаголообразующими суффиксами *-зь-*, *-з-*. Такие глаголы обозначают процесс приобретения качества, выраженно-го словом, послужившим основой для их образования. В то же время ученый допускает мысль, что пермский суффикс *-з-*, *-зь-* мог развиваться из суффикса предельного действия *-сь-*, выступающего в таких глаголах, как коми-зыр. и удм. *пуксьыны* 'сесть' [Серебренников 1963: 344]. И. В. Тараканов придерживается первого мнения [Тараканов 1998: 192];

е) аффикс *-й-* (*-а-ны* / *-ы-ны*). С помощью суффикса *-й-* образуются глаголы, обозначающие действие, направленное на создание качества (признака), которое налично в предмете или явлении; или же такие глаголы обозначают «делать, производить» то, что выражено именем, от которого образован глагол: *чабьяны* 'царапать; ковырять,

колупать; копаться, рыться (о курах)', *лѳбяны* 'взбивать, пушить, разрыхлять', *нѳжъяны* 'растягивать, протяжно говорить', *викекъяны* 'икать; всхлипывать', *вукекъяны* 'тошнить; икать', *чилекъяны* 'сверкать', *мынекъяны* 'улыбаться; усмехаться', *горекъяны* 'смеяться без удержу, хохотать', *зурекъяны* 'дрожать, трястись; лихорадить; грубеть (о голосе)', *дырекъяны* 'дрожать', *кытокъяны* 'кудахтать; икать', *кучыкъяны* 'икать; кудахтать, клохтать (о курице)', *чукинъяны* 'наклонять, накренять, опрокидывать; окунать; выпивать до дна', *гаѳкинъяны* 'поварачивать на спину', *ѳсабыръяны* 'цеплять, цепко схватывать; царапать; скрестись; чесать; красть', *лѳбыръяны* 'взбить, пушить; рыхлить, разрыхлять; ворошить (сено)', *дыбыръяны* 'глухо грохотать, греметь', *ѳжингыръяны* 'звенеть', *конгыръяны* 'цеплять крючком; ковырять; корчить', *кунгыръяны* 'зацеплять; брать под мышки; взять под руку; черпать', *ѳогыръяны* 'колоть; зудеть', *бугыръяны* 'рыхлить, разрыхлять; будоражить; ворошить, рыться', *ѳыгыръяны* 'осязать; ощупать, щупать', *гудыръяны* 'греметь; грохотать', *гильдыръяны* 'ржать (о лошади); громко смеяться, ржать', *гильдыръяны* 'ржать (о лошади); громко смеяться, ржать', *ѳукыръяны* 'скрипеть', *лопыръяны* 'хлопать крыльями; бурлить, булькать; хрустеть', *ѳильтыръяны* 'звенеть; журчать', *кильтыръяны* 'шеголять; хвастаться; модничать', *бульыръяны* 'булькающая пузырьиться; бурчать, урчать', *ланьыръяны* 'прислонять; пригибать, наклонять', *чизыыны* 'брызгать, брызнуть; поливать из насоса'.

Городын улѳсь пинальѳс сярыйс уг тодѳськы, нош гуртын кин мае шедѳтэ, со вылѳ ик ѳабъяське вал (гожъяське шуыны кий уг ѳутѳськы) (Ег. Загр., Гѳ, 144). 'Про детей, живущих в городе, не знаю, но в деревне кто что найдет, на этом и царапал (язык не поварачивается сказать, что пишет)'

Чиньызэ ѳутыса нѳжъяз, кивалтѳсьѳмес синмазы ик ушъяз (Ан. Ув., ПМкм, 338). 'Мямлил, подняв палец вверх, хвалил наших руководителей прямо в глаза'

Солэн аслаз малпанъѳсыз мылкыдзэ бугыръяло: «Тодмо адыми, тодмо... Выросъѳсыз но тѳни... сыѳеес ик...» (С. Самс., Мвс, 63). 'Свои мысли будоражат его сознание: «Знакомый человек, знакомый... И повадки вон... такие же»'

Нуназе но, ѳыт но сисъко, дыр, бен ведь? – куараез Санко Петырлэн дырекъя (Н. Вас., Сф, 91). 'И в обед, и вечером буду есть, наверно, так ведь? – голос Санко Петыра дрожит'

Быдэс улос йӧспӧртэм лек сильзор улэ шедем но, дугдылытэк чилекъя, трос дасо интыосын огчоиш вистэм-вожтэм чашиылыса гудырья кадь (Г. Пер., Нз, 104). ‘Вся округа попала под странный сильный ливень: и молнии сверкают непрерывно, и в нескольких десятках мест одновременно не переставая словно гремит гром, ударяют молнии’;

ж) аффикс **-гет-** / **-кет-** (**-ы-ны**). Эти глаголы обозначают разнообразные звуковые процессы, издаваемые предметом или субъектом действия: *йыггетыны* ‘стучать, постукивать’, *куажгетыны* ‘трещать, стрекотать, кричать’, *чажгетыны* ‘визжать, жужжать’, *гужгетыны* ‘гудеть; жужжать’, *нюжгетыны* ‘действовать медленно, медлить’, *бизгетыны* ‘жужжать’, *бозгетыны* ‘жужжать, гудеть (о насекомых)’, *бызгетыны* ‘жужжать, гудеть; визжать; ворчать’, *гумгетыны* ‘шуметь, греметь’, *жингетыны* ‘звенеть’, *чингетыны* ‘звенеть’, *жонгетыны* ‘звенеть, звучать; жужжать; гудеть; звонить’, *зонгетыны* ‘стучать, ударять’, *ларгетыны* ‘блеять (об овцах); дребезжать’, *таргетыны* ‘тарахтеть’, *чиргетыны* ‘чирикать’, *соргетыны* ‘храпеть’, *ыргетыны* ‘рычать; урчать’, *тарсгетыны* ‘трещать, издавать треск, хлопать’, *нурсгетыны* ‘хрюкать’, *шалккетыны* ‘стучать, хлопать’, *мяугетыны* ‘мяукать’, *куаньгетыны* ‘скулить’, *клоккетыны* ‘квохтать, клохтать’, *шарккетыны* ‘стучать’, *сопкетыны* ‘чавкать; жрать, сожрать’, *нискетыны* ‘пицать, визжать, скулить; шмыгать; всхлипывать’, *шлачкетыны* ‘шлепать’, *гарккетыны* ‘крякать; каркать’.

[*опйат’ папэдлэн мот’икэз быдэс д’эрэвна тыр таргэтыны кутскиз*] (Тш.). ‘Опять мотоцикл твоего отца на всю деревню затарахтел’.

[*къмъсам бодъйэн вуэм бэрэ, пэл’ам ик жонгэтынь кутскиз*] (НК). ‘После того, как палкой по лбу досталось, даже в ушах зазвенело’.

[*шал’ткэтынь мынам нокунэ зэпъ ӧз шал’ткэтынь*] (УдК). ‘Карман мой всегда был пуст (букв. звенеть никогда мой карман не звенел)’.

Берын пукисьёс муш кадь жуужгетыны кутскизы (Г. Мед., Яр, 89). ‘Сидевшие сзади, словно пчелы начали шуметь (букв. жужжать)’.

Отын но татын автомат но пулемёт куараос кылийсько, бур паламы, кыдѣкын, самолётъёс жуургето, пушкаос дыбырто (С. Ших., М, 266–267). ‘И там и тут слышатся звуки выстрелов из автоматов и пулеметов, справа от нас, вдали, гудят самолеты, грохочут пушки’.

Кызьпуос събры кылемез, пельёссэ чорк жуутыса, отий ветлийс адыми пала учкыны ӧдъяз, нырпелесъёссэ паськыт кесьыса фырккетэ

(С. Ших., Пк, 280). ‘Оставшийся за березами [заяц], уши наострил, смотрит на проходящего там человека, фыркает, широко раздувая ноздри’.

Вӧлдэтын син мальдымон электролампа жэуа, борддоре кыче ке плакатъёс лякылэмын; кытын ке каллен гинэ тиккетэ час (Г. Крас, 238). ‘На потолке горит лампа, ослепляющая глаза, на стену наклеены какие-то плакаты; где-то тихо тикают часы’.

Гиройлэсь лач-лач, кочыш пыронтэм вис кельтытэк лэсьтэм юртсэ котырак учкыса, Сабит кылыныз ым пушказ шальккетӱз (Г. Крас, 103). ‘Осмотрев кругом дом Гироя, сделанного добротнo, так что даже кошка не найдет щелку, чтобы войти вовнутрь, Сабит причмокнул языком’.

Суффиксы *-к / -г* встречающиеся во всех пермских и волжских финно-угорских языках, имеют соответствия и в прибалтийских финно-угорских языках [Серебренников 1967: 226–227]. В удмуртском языке суффикс *-гет / -кет* является сложным, состоящим из элементов *-г / -к + -эт*. Происхождение суффикса *-эт* пока не выяснено [Тараканов 1998: 191–192].

з) аффикс *-эт- / -ет- (-ы-ны)*. Глаголы обозначают различного рода аффективные звуковые процессы: *жиетыны* ‘визжать; свистеть, жужжать; звенеть (в ушах)’, *жуэтыны* ‘гудеть, свистеть; жужжать’, *куашетыны* ‘шуметь, галдеть, гомонить; скандалить; бурлить; шелестеть’, *шиетыны* ‘шипеть’, *чашетыны* ‘шуметь, галдеть; спорить’, *гужетыны* ‘гудеть, жужжать’, *чиетыны* ‘чирикать; пищать’, *гуретыны* ‘шуметь, галдеть; гудеть’, *шауэтыны* ‘шуметь’.

[*тин' со проводйос, ток вклучит'то кэ, жсийэтыны кутско*] (Пш.). ‘Вот те провода, когда включают ток, начинают звенеть’.

[*кышноос постойа-нно куашэтыны кутско, ужзы ван'-а, өвӧл-а*] (Ур.). ‘Женщины все время начинают шуметь, по делу или без’.

Соиз но вань: отын котькӧня куашеты, котькӧня тамак кыскы, кышноез уг зӱры (П. Черн., М, 131). ‘И это правда: там хоть сколько шуми, хоть сколько кури, жена его не ворчит’.

Кӧня ке минут ортчыса, трактор но быдэс мугорыныз дырекъяса гуретыны кутскиз (Г. Крас, 153). ‘Через несколько минут, трактор, содрогаясь всем корпусом, начал тарыхтеть’.

Огшан ортчыса, выль кисьтэм эгыр зӱрдаз, сайкатэм майсы кар выллем гужетыны кутскиз (Г. Крас., Кмк, 5). ‘Немного погодя, свежеевысапаный уголь нагрелся, начал гудеть, словно разбуженное шмелиное гнездо’.

Жоген оло ке быдэс нюлэс чаш-ш! вазьыса гуретыны өдъяз но, эшио огшап улыса, азьпал машинаос возьматскизы... (Г. Пер., Нз, 109). 'Вскоре как-будто весь лес громко зашумел, а еще немного погода, показались впереди идущие машины ...'.

и) аффикс **-с- (-а-ны, -ы-ны)**: *пулсаны* 'расщепить, отделить', *никсыны* 'визжать; скулить; ныть, хныкать', *бёксыны* 'мычать; блеять', *чипсыны* 'свистеть, разливаясь трелью, кричать; вабить; играть на дудочке', *бурсыны* 'мычать; рычать (о медведе); валить густыми клубами (о дыме); трубить'.

Лели, кин тазы пимес? – аслыз тодмантэм куараен бурсий Петыр (Ф. Пукр., М, 284). 'Леля, кто так нашего сына? – не похожим на себя голосом проревел Петр'.

Пудоосыз бертыса бакчяз ветло ни, вылды, скалэз но кыскымтэ, кузёезлэсь өсэти потэмзэ витьыса бёксэ (Ев. Самс., Сан, 296). 'Скоти-на, вернувшись, уже ходит по огороду, наверно, и ее корова недоенная, мычит, ожидая, когда из двери выйдет хозяин'.

Кышкытэз шёдыса, скальёс шимес бурсо, мукетаз гидын парсьёс жието (Г. Крас, 237). 'Чувствуя страх, ужасно мычат коровы, в другом хлеву визжат свиньи'.

Относительно происхождения суффикса *-с-*, образующего звукоподражательные глаголы, Б. А. Серебренников [1963: 344] и И. В. Тараканов [1998: 192] считают, что он возник на основе звукоподражания, хотя данный суффикс в удмуртском языке может использоваться и для образования незвукоподражательных глаголов.

Подражательные и изобразительные глаголы образуются и аналитическим способом¹. В качестве оформителей аналитических форм нередко выступают знаменательные глаголы с ослабленным лексическим значением. По словам И. В. Тараканова [1998: 190], морфемный состав подражательных и изобразительных глаголов обычно состоит из 3-х и более частей: из корневой имитативной основы плюс словообразовательного глагольного суффикса и соответствующего формо- и словоизменительного аффикса. При этом глаголообразующий суффикс в за-

¹ «В аналитических конструкциях лексическое значение вспомогательных глаголов ослабляется или совсем теряется. Сочетаясь с глагольными и именными формами, они выражают совершенно новые грамматические значения» [Тараканов 1998: 181].

висимости от конечного согласного звука корневой морфемы нередко варьирует, выступая то в виде звонкого, то в виде глухого согласного.

Рассматривая аналитические и глагольные образования в пермских и марийских языках, И. В. Тараканов [1998: 194–199] выделяет четыре типа составных глагольных образований. К четвертому типу составных глаголов автор относит сочетания именных и изобразительно-наречных основ с соответствующими глаголами. Данный тип составных глаголов самый многочисленный и представлен несколькими слово-сложительными моделями, состоящими из сочетаний: а) одиночных и парных изобразительных и наречных слов плюс различных глаголов: *жингыр карыны* ‘звенеть’, *путыр-путыр вазыны* ‘скрипеть’; б) парно-изобразительных слов, состоящих из одинаковых и разных основ, иногда с видоизменным гласным второго компонента плюс различных глаголов: *юр-яр карыны* ‘кричать’, *нис-куань карыны* ‘пищать, скулить’.

Такие составные глаголы обозначают действие, направленное на производство того, что обозначает первая часть, т. е. подражательное или образоподражательное слово.

В удмуртском языке в аналитических конструкциях со звукоподражательными словами чаще встречаются глаголы *карыны* ‘делать’, *вазыны* ‘звучать’, другие глаголы имеют меньшее употребление:

Кудрин стаканысь аракыез веръяз – ым пушэ куэж-куэж кариз (Г. Крас, 78). ‘Кудрин попробовал водку из стакана – рот обжег’.

Озыы сылон куспазы бакча ыбес зукрак! кариз, азбаре ачиз Гирой пыриз (Г. Крас, 104). ‘Пока так стояли, калитка в огород закрипела, во двор вошел сам Гирой’.

Капка пуннет жилькак! кариз, Лусьтро кинэ ке ёсожмылэс ниске-тыса пумита (Г. Крас, 111). ‘Замок дверей пробряцал, Лусьтро (Лохматый) кого-то встретил жалобно скуля’.

Котырысытыз вань куараосыз кылэмысь дугдйз, пельёсыз сюсен чоктам кадь луизы, йырыз, бадъым гырлы кадь, жонн! каре (Г. Крас, 160). ‘Он перестал слышать все окружающие звуки, уши, словно заложено воском, голова гудит, словно большой колокол’.

Нянькинлэн тусыз кизьныны турттйсь муртлэн кадь кисыртйсь киз, однако, кизьнэм интые, со серекъям кариз: ньылоназ маиз ке бультыр кариз (Г. Крас, 173). ‘Вид у Нянькина стал таким, как у человека, который хочет чихнуть, однако, вместо того чтобы чихнуть, он улыбнулся: в его горле что-то пробублькало’.

Кудрин киоссэ сйльсьбраз карыса назьыльтйськиз, лыосыз ик лосырак каризы (Г. Крас, 196). ‘Кудрин, сцепив руки за затылком, потянулся, даже кости захрустели’.

Эрикес шодьыса, ужпи быдэс мугорыныз лап кариськиз но, ддбьыныре лымы комокъёс пазяса, азьлань чуаз (Г. Крас, 218). ‘Почувствовав свободу, жеребец вздыбился всем телом и устремился вперед, забрасывая в переднюю часть саней комки снега’.

Тон, берпум кужымдэ люкаса, ачид сьытэк улыса, пудо вылэ вуыны турскиськод... Нош соос... – Кирлолэн гордалэс мыйыкез лопыр-лопыр выре вераськыкуз (Ал. Мир., Куж, 44). ‘Ты, собрав все свои последние силы, сам не доедая, стараешься, чтобы скотина была... А они... – красноватые усы Кирилла трясутся при разговоре’.

Составные глагольные образования встречаются во многих языках. Сравнивая звукоподражательные глаголы буряцкого и турецкого языков, Ж. Б. Никифорова отмечает, что звукоподражательный глагол, выступая в речи в качестве различных членов предложения, расширяет сферу своей сочетаемости с другими словами, что ведет к большей обобщенности его значения, к потускнению первоначального звукового образа и формированию в них четких понятий.

Таким образом, язык подвергает лингвистической обработке звукоподражательные комплексы, фонетически их упорядочивает, придает им структуру слова. Благодаря языку они приобретают номинативную функцию, способность выражать понятия и способность быть членом предложения [Никифорова 2010: 105–106].

Дальнейшее становление подражательных глаголов лингвист представляет следующим образом: «Первой ступенью морфологического развития звукоподражательных слов, очевидно, явилось сопровождение их определенными глаголами. Дальнейшая ступень влияния языка выразилась в том, что определенные звучания закрепились за мимемами, тем самым они становились достоянием коллективной, а не только индивидуальной речи и в отношении звукового состава приобретали более устойчивый вид. Таким образом, происходил постепенный процесс отвлечения звучания от первоначального источника и процесс обобщения. Звукоподражание становилось своего рода многозначным. Вместе с тем в любых случаях употребления его сопровождал тот же глагол, который постепенно превращался в придаток к звукоподражанию, теряя свое лексическое значение, постепенно превращаясь

в служебное слово. Это дало возможность перевести все сочетание в разряд глагола.

При этом звукоподражание стало произноситься почти с обыкновенной интонацией без повышения тона и без паузы после него. В языке такое подражание стало использоваться как корень, от которого образовывались многочисленные звукоподражательные глаголы» [Никифорова 2010: 106].

5. В класс **причастий**, представляющих собой глагольно-именную форму, выражающую действие, которое воспринимается как признак лица или предмета, зачастую переходят многие звукоподражательные глаголы. Все причастия удмуртского языка образуются от основ глаголов и входят в систему глаголов вследствие того, что глагольные свойства их преобладают над именными. В состав причастий удмуртского языка входят глагольные образования с суффиксами: *-сь (-йсь, -ись)*, *-м (-ем, -эм)*, *но (-оно, -ёно)*, *-мон, -мын (-емын, -эмын)*: *дымбыртйсь* ‘грохочущий’, *жильыртэм* ‘журчащий’, *супырзэно* ‘разваристый’, *гудыръямон* ‘гремящий’ и т. д. Причастия, образованные с помощью вышеназванных суффиксов, продуктивны и могут быть образованы от основы любого глагола. В удмуртском языке в художественной литературе наиболее употребительны формы на *-сь (-йсь, -ись)* и *-м (-ем, -эм)*. Подтверждением данному высказыванию являются и выводы, сделанные Л. И. Калининой: «Причастия на *-(е)м* самые продуктивные среди всех причастий... На втором месте по употребительности стоят причастия на *-(и)сь*... Значительно уступают по частотностям первым двум причастиям причастия на *-(о)н, -(о)но*... Меньше всего употребляются причастия на *-мон*» [2001: 45].

Чупыргылэн машина бераз Куликов йырзэ сзъяса кылиз: «Усто пияш, только кытйяз... шальтырам уробо кадъ» (Г. Крас, 134–135). ‘Куликов, качая головой, остался за (уезжающей) машиной Чупыргы: «Хороший парень, только иногда... как расхлябанная телега»’.

Ымнырзэ кыыныз чоктаса ортчись Васяз синйылтыса, песьй йыромем чипыез адзем душес выллем кариськиз, бёксйсь куараен отиз Васяз (Г. Крас, 138). ‘Увидев проходящего Васю, закрывая свое лицо руками, старик стал как коршун, увидевший заблудившегося цыпленка, мычащим голосом позвал его’.

Тау шу, ярано эшишо, со куажгам урободэ воксё табань карыса ой кушты! (Г. Крас, 151). ‘Спасибо скажи, хорошо еще, что эту твою развалившуюся телегу вообще в лепешку не превратил’.

Зэмзэ но гужем ук: тйни педлось муш **гужетэм** куара кылйське (Г. Крас, 199). ‘И вправду лето ведь: вон с улицы слышны звуки гудящих пчел’.

Со понна гадь кисыяз **шалтыртйсь** коньдон люкаськиз, со бумагаос мугорзэ шубалэсь но шуньт шунто (Г. Крас, 213). ‘От этого в кармане на груди шуршащие деньги собрались, эти бумаги сильнее шубы согревают’.

Прохор йырзэ жсутыса учкиз но – маскара! – **бызгетйсь** кутъёс но кутъёс, копак нориллям ни (С. Самс., Вёт, 5). ‘Прохор свою голову поднял и удивился – мухи, как мухи, жужжат, целиком облепили уже’.

Вадесэн пьд улаз сюрес силё, тачырак! чигыса, **куашетйсь** нюлэскы ыше (М. Пет., Вп, 142). ‘Временами под ноги попадает древесный мусор с дороги, с треском ломается, и пропадает в шелесте леса’.

6. Подобно причастиям, от звукоподражательных глаголов продуктивно образуются **деепричастия**, особая глагольная форма, выражающая действие и характеризующая другое действие. Являясь сложной грамматической категорией, деепричастия имеют наряду с глагольными признаками, отражающими коренные свойства деепричастий всех разрядов, и такие признаки, которые сближают их с наречиями. Деепричастия, как и наречия, не спрягаются и не склоняются. Как отмечает П. Н. Перевощиков [1959: 36], деепричастия, подобно наречиям соединяются с поясняемыми глаголами способом примыкания. Как и наречия, имеют тенденцию располагаться перед определяемыми глаголами. Деепричастия могут выступать в качестве приглагольного определения, как и наречия. Обозначая действия, эти глагольные образования вместе с тем могут выражать, в зависимости от условий употребления, признаки других действий. Больше того, они могут ослабляться в своем глагольном значении, т. е. значении слова, выражающего действие, и соответственно усиливаться в наречном значении.

Из всех специфических форм на *-са*, *-тэк*, *-ку*, *-тозь*, *-мон* (*йыгаса* ‘стуча’, *куаньгетытэк* ‘без писка’, *дамбыртыку* ‘во время стука’, *сачырмытозь* ‘до мокрого состояния’) в удмуртских произведениях наиболее употребительна форма на *-са*:

Олександрэн тазыы артэ пукыкуз, Глаша аслыз ачиз пинал мурт кадь потыны кутске, уйвётын выллем, кытчы ке улланы усе кадь, нош малы ке чик кышкыт өвёл, сюлэмыз, тюрагай сямен, туж вылйе, пьдэстэм лыз инме бурдьёсыныз **лопыръяськыса** лобзе (Г. Крас, 113). ‘Сидя вот так рядом с Александром, Глаша сама себе кажется маленьким

ребенком: словно во сне, как-будто падает куда-то вниз, но почему-то совсем не страшно, ее сердце, словно жаворонок, взмахивая крыльями, летит в голубое небо очень высоко, в бесконечную даль’.

Бакчае возж сугон кальчалы потан висказ усьтэм укнотї Вася ж̄сабыр-ж̄сабыр корка пушказы пыриз, лоргетыса п̄зись пуртые маке куштїз но укнотї ик потыса кошкиз (Г. Крас, 139). ‘Между тем как он выходил в огород за луковыми перьями, Вася, карабкаясь через открытое окно, забрался в дом, что-то кинул в бурлящую кастрюлю и через окно же вылез’.

Вася ныр улаз мар ке тышкаськыса вераз но, сапегьёсыныз кол-тыртыса, чалякгес педло потїз (Г. Крас, 141). ‘Вася с руганью что-то пробубнил себе под нос и, хлопая сапогами, быстро вышел на улицу’.

Тракторист Очейлэн кышиноз Сандра, киосыныз шоналлыса, пулемёт кадь тачыртыса, картсэ тышкаське (Г. Крас, 178). ‘Саня, жена тракториста Алексея, размахивая руками, треща как пулемет, ругает мужа’.

Олексан сое зыгыртыса ки йылаз ж̄сутиз но, вутї шопыльтыса, та палаз поттїз (Г. Крас, 198). ‘Александр, обняв ее, поднял на руки и, шлепая по воде, перенес на эту сторону’.

Зильыраса бызись синкыли кадь чылкыт ошмеслэсь татчы пичи ты кылдэм (С. Ших., Пк, 279). ‘Из вытекающего с журчанием, чистого, словно слеза, родника здесь образовалось маленькое озеро’.

Озыы нургетыса, самоварзэ Наталь ж̄с̄ок вылэ пуктэ (К. Митр., В, 34). ‘Так бормоча что-то под нос, Наталья поставила самовар на стол’.

3.2. Значения подражательных слов

На протяжении многих столетий в ходе практической деятельности человека у него складывается определенная система представлений об окружающем мире. Знания о мире объективируются посредством языковых единиц. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира.

Изобразительные слова – вполне закономерное явление в любом языке, в любом его говоре во все периоды его развития. Они вызваны практическими потребностями трудовой деятельности людей, их восприятием разнообразных звучаний и образов окружающей природы.

Лексическое значение слова – это его содержание, т. е. исторически закреплённая в сознании говорящих, соотносённость между звуковым комплексом и предметом или явлением действительности, «оформлённое по грамматическим законам данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря» [ЭР 7].

Значение слов отражает не всю совокупность познанных признаков, предметов или явлений, а лишь те из них, которые помогают отличать один предмет от другого. Так, если мы говорим: это птица, то нас в данном случае интересует лишь то, что перед нами разновидность летающих позвоночных животных, тело которых покрыто перьями, а передние конечности преобразованы в крылья. Эти признаки позволяют отличить птицу от других животных, например, млекопитающих.

В процессе совместной трудовой деятельности, в своей общественной практике люди познают предметы, качества, явления; и определённые признаки этих предметов, качеств или явлений действительности служат основой значения слова. Поэтому для правильного понимания значения слов необходимо широкое знакомство с общественной сферой, в которой слово существовало или существует. Следовательно, в развитии значения слова немаловажную роль играют внеязыковые факторы.

Подражательные слова в удмуртском языке бывают однозначные и многозначные. К однозначным подражательным словам относятся слова, употребляющиеся в одном и том же значении независимо от ситуации контекста: *кoкopикo* – звукоподражание крику петуха, *ав-ав* – звукоподражание лаю собаки, *му* – звукоподражание мычанию коровы и др. Такие слова характеризуют то или иное явление, состояние, положение и отражают конкретно те свойства, которые присущи именно этим предметам и явлениям.

В ходе исторического развития удмуртского языка у многих подражательных слов семантика расширилась и одно и то же подражательное слово одновременно стало использоваться для выражения нескольких значений. Например, звукоподражание *жильтыр* может выражать

следующие значения: 1) звон цепи или металлических предметов с лязгом; 2) журчание воды; 3) глухое журчание при пересыпке различных сыпучих предметов.

Новые значения подражательных слов, употреблявшиеся в языке ранее, появились для обозначения многих явлений живой и неживой природы.

В отличие от общих критериев определения лексического значения слова, характерной чертой образоподражательных и звукоподражательных слов является их многозначность, то есть, если какая-либо лексическая единица дает конкретное понятие (*пукон* ‘стул’, *мыныны* ‘идти’, *каллен* ‘тихо’, чебер ‘*красивый*’ и др.), то изобразительное слово такого понятия дать не может. Одно и то же изобразительное слово может вызывать различного рода ассоциации. Наряду с примерами из художественных текстов, мы можем привести также диалектный материал, например:

а) звукоподражание [*жил'к*] может передавать звон, издаваемый **металлическими монетами** [*жил'к кон'дон карэ*] (Тш.) ‘монеты звенят’; **цепью** *Олѣшаез-а, тэк сьлэмез уг луы, весяк йырзэ вылланы-улланы жэутка-лэзья, – жильеын кульчо жильк! каре, ортчемзэ тодэ вайытыса, сюлэмез ик шорияк вандэ кадэ* (Н. Самс., Канк, 188). ‘Алексей что ли, спокойно стоять не может, постоянно голову вверх-вниз поднимает и отпускает, – кольцо на цепи дзиль! звенит, вынуждая вспомнить прошлое, сердце пополам разрывает’ и шум, **производимый при засыпке** зерна [*жил'к з'эрно кичкэ*] ‘с шумом сыплется зерно’ (Пш.);

б) звукоподражание **жин** может передавать звон, издаваемый **во время косьбы** [*жин л'итовка ўаз'э*] (Пш., Тш.) ‘дзиль звенит коса’; звон, издаваемый **посудой** [*жин посуда ўаз'э*] (Пш., Тш., Шг.) ‘дзиль звенит посуда’; звон, **производимый телефоном** [*жин т'элэфон ўаз'э*] (НК, Пш., Тш., Шг.) ‘дзиль звенит телефон’; **металлический звон** *Али но пель сьбрын на ай молотлэн корт вылэ жин-жин кокаськемез* (Р. Вал., УП, 54). ‘И сейчас за ушами звонкий стук молота по металлу, дзиль-дзиль’; *Кышномуртлэн, тае кылыса, та'че ик син аяз пуксе гужем чукна атасэн чош иземысь сайкаллямез, Семонэзлэн лапас улын кусоез жин-жин! та'ч-та'ч! кокамез.* (Н. Самс., ЧаЧ, 181) ‘Услышав это, у женщины так же перед глазами появляется картина пробуждения от сна вместе с петухами летним утром, под навесом – дзиль-дзиль! стук-стук! стук по косе ее Семеном’;

в) звукоподражание **жу**р может передавать шум, который образуется **при взлете птицы** [**жу**р лобзиз] (НК) ‘взлетела с шумом, со свистом’; шум, который образуется **при вращении** чего-либо [**жу**р бэрга] ‘крутится журча’ и шум, образующийся **при падении** кого-либо [**лы**дыз гьлзиз но, ноддэ **жу**р гинэ ус’из] ‘его нога соскользнула, и с шумом упал в грязь’ и др.

Основой формирования значения служит понятие – продукт процессов абстрагирования, содержащее в себе самые существенные черты, отражающие суть предметов, явлений, действий. Сущностью изобразительных слов, как отметил эстонский исследователь В. А. Пылма, является характер звука: громкий или тихий, высокий или низкий по тону, чистый или шумный, звучный или почти беззвучный, непрерывный или отрывистый, плавный или резкий, короткий или длительный и т. п. Возник ли передаваемый словом звук вследствие резания, удара, падения, трения, вызван ли звук животным, человеком, явлением природы – существенной роли не играет. Кто, что и при каких обстоятельствах произвело этот звук – представляет только иллюстративный материал, помогающий определить сферу употребления слова [1967: 8].

Нужно отметить, что в удмуртском языке существуют звукоподражательные слова с «узким объемом значения», которые указывают только на один объект. Звукоподражательные слова такого рода в основном передают звуки, издаваемые птицами и животными:

[**гарк-гарк** чёж чэрэкийа] (НК, Пш., Тш., Шг.). ‘Кря-кря! кричит утка’.

[**крок-крок** кърнъж чэрэкийа] (НК). ‘Кар-кар кричит ворон’.

*Огвислы Олександрэн йырыз шумесэ котэм нянь кадъ будыны кутскиз, тани со вормыны луонтэм бадзъымаз уни, пеляз векчи чибиньёс **чи-и-и** гинэ каро...* (Г. Крас, 122). ‘В какое-то время голова Александра начала расти, словно поднимающее в кадке тесто, вот она уже выросла до неподъёмной тяжести, в ушах мелкие комары пи-и-и пищат лишь...’.

Чёж кырза ни шыртилы: «Гарт-гарт, кёл валес вылын» (Вуюись, 41). ‘Утка поет уже мышонку: «Кря-кря, спи на кровати»’.

Звукоподражания с «узким объемом значения» наглядно используются в детском стихотворении Лайоша Поша, переведенного с венгерского языка на удмуртский (Вуюись, 42):

Тулъс вуиз, пиналъёс,
Жингырто ни куараос.
Муш вазе ни: «**Быз-быз-быз**,
Утчано сяськаосыз!»
Куча шуэ: «Ам-ам-ам,
Нокинэ уг лэзь коркам!»
Кочыш шуэ: «**Мяу-мяу-мяу-у**,
Ческыт йӧлвыл сибсау!»
Скал шуэ: «**Му-у**, кунянэ,
Но-он йӧлме, мустопонэ!»
Чуньы шуэ: «**И-и-и**,
Вож турын сиёно ни-и!»
Курег шуэ: «**Кот-кот-кот**,
Чаль, чипуэ, тысь сиёд!»
Чипы шуэ: «**Чип-чип-чип**,
Сиськемысь ум дугдэ чик!»
Курка шуэ: «**Кур-кур-кур**,
Пегзе ёсозгес, йыры кур!»
Зазег шуэ: «**Га-га-гак**,
Возьмалэ монэ тй сак!»
Гурт кеч шуэ: «**Ме-ке-ке-э**,
Бакчае пырем потэ-э!»
Чӧж вера ни: «**Кяк-кяк-кяк**,
Мыноме вуэ чаляк!»
Пияш шуэ: «**Ин-на-на**,
Тулъс вуиз мон понна!»

Весна пришла, ребята,
Звенят уж голоса.
Пчела жужжит уже: «Жу-жу-жу,
Надо искать цветы!»
Щенок говорит: «Ам-ам-ам,
Никого не впущу к себе в дом!»
Кошка говорит: «Мяу-мяу-мяу-у,
Вкусную сметану бы поела!»
Корова говорит: «Му-у, мой теленочек,
Пей молоко, мой милый!»
Жеребенок говорит: «Иго-го,
Зеленую траву надо кушать уж-же!»
Курица говорит: «Ко-ко-ко,
Поди, мой цыпленочек, семечки поешь!»
Цыпленок говорит: «Пи-пи-пи,
совсем не переставая будем кушать!»
Индюк говорит: «Кур-кур-кур,
Убегайте быстрее, я злюсь!»
Гусь говорит: «Га-га-га,
Сторожите меня вы внимательно!»
Коза говорит: «Ме-е-е-е,
В огород хочу зале-есть!»
Утка говорит уже: «Кря-кря-кря,
Пойдемте быстрее в воду!»
Мальчик говорит: «Ура,
Для меня наступила весна!»

Необходимо отметить, что каждый природный звук представляет собой очень сложный комплекс звучаний. Каждый носитель того или иного языка способен воспринять, а также воспроизвести его по-разному. Такое различное восприятие разнообразных природных звучаний, а также всевозможных природных образов вызывает в языке образование большого количества изобразительных слов. При этом, образные или звукоподражательные слова, характеризующие какое-либо понятие, обычно бывают похожи друг на друга. Такие слова татарский языковед З. Г. Шарафетдинова называет словами одного синонимичного ряда и отмечает, что они используются для передачи разных звуков того или иного явления и отличаются друг от друга по степени интенсивности, ритмичности и продолжительности. Ею приведены

примеры из татарского языка слов-синонимов, которые являются результатом подражания различным звукам при соприкосновении двух или нескольких металлических предметов: 1) *даң, доң, дың, даң-доң*; 2) *даңк, дыңк, дыңк-доңк, доңк-дыңк*; 3) *даңгыр-доңгыр*; 4) *зең, зең-зең*; 5) *чаң, чың, чең, чаң-чаң, чаң-чоң, чаң-чың, чаң-чең, чың-чың*; 6) *чык или чек*; 7) *чык-чык, чык-чек* или *чек-чык, чик-чик*; 8) *чылтыр-чылтыр*; 9) *чыңгыл-чыңгыл, чыңгыр-чыңгыр*; 10) *шакыр-шоқыр*; 11) *шылтыр-шылтыр, шалтыр-шолтыр, шылтыр-шалтыр*; 12) *тек*; 13) *тең*; 14) *тук-тук*; 15) *тәңкол-тоңкыл*; 16) *тыкыр-тыкыр*; 17) *чак-чок* [2007: 11].

Слова одного синонимичного ряда существуют и в удмуртском языке. Так, например, характер дребезжания в Нижне-Кузьминском говоре средне-чепецкого диалекта может быть передан десятью различными звукоподражательными словами, очень точно дифференцирующими силу, интенсивность, прерывистость: [*дамбър ус'из*] 'упал с грохотом'; [*дамбърак ус'из*] 'упал с грохотом (мгновенно)'; [*дъбър-дък тэччало*] 'танцуют с грохотом (периодически постукивают по полу, напр. каблучками)'; [*дъбър-йъг ѱаз'из*] 'послышался удар'; [*дъбър-ша-лтър ус'ънъ*] 'упасть с грохотом'. Последняя форма указывает на неоднотонный грохот, который в процессе действия меняется; [*дъмбър-дъмбър мънэ*] 'едет с грохотом' – идет непосредственное отражение периодичности, причем издаваемые звуки похожи друг на друга, из-за чего второй компонент не меняется. [*дъмбър-да-мбър мънэ*] 'едет с грохотом' – в отличие от предыдущего, издаваемые звуки не похожи друг на друга, они отличаются характером звучания. [*дъмбър-ша-лтър ус'из*] 'упал с грохотом' – в этом случае звуки могут издаваться различными предметами одновременно, тогда как в предыдущих двух случаях звуки издает один предмет; [*дънгър-дънгър мънэ*] 'едет с грохотом' – данная форма обычно показывает грохот, стук, который издается при движении по неровной поверхности, в частности, по мерзлой земле или по неровному настилу моста. [*дънгър-да-нгър робо мънэ*] 'телега едет с грохотом' – разница от предыдущего заключается в характере звучания. Также слова, характеризующие стук, различного рода дребезжание данной группы встречаются и в художественных источниках:

Огшан улыса, конторае калык люкаськыны кутскиз, артысь комнатаын бухгалтеръёс, пуконъёсын дьбыр-шалтыр карыса, ёсьок събразы интыясько, кин ке телефон борды кутскем уни; бадъым маховиклэн берганы кутскемезлэсь азьло дыатиськемез выллем, выль

ужан нунал интыыстыз вырзиз (Г. Крас, 171). ‘Через некоторое время в контору начал собираться народ, в соседней комнате бухгалтера, грохоча стульями, располагаются за столами, кто-то уже схватился за телефон; словно перед запуском большого маховика, сдвинулся с места новый рабочий день’.

Корказтйзы пырыкуз, буш ведра борды канжаськыса, дыбыр-колтыр кариз, ос кутонэз шедьтыса, ас бордаз кыскиз (Г. Крас, 40). ‘Входя через сени, запнувшись за пустое ведро, поднял грохот (*букв.* прогремел), найдя дверную ручку, потянул на себя’.

Мотор дыбыртэм пыр Олександрэн куараез кылйськиз: «Очей, трактордэ заводит кар!» (Г. Крас, 153). ‘Сквозь грохочущий звук мотора слышится голос Александра: «Алексей, заводи свой трактор!»’

Турынэн ожмаськыса зигарыз бырем бере, Гирой сарайысь кочыш сямен тэтчиз но, ялан тышкаськыса, дыбыр но шалтыр лёгаськыса, корказ пыриз (Г. Крас, 161). ‘После того как закончились силы от возни с сеном, Григорий, словно кошка, прыгнул с сарая и, непрерывно ругаясь, ступая со стуком и грохотом, вошел в дом’.

Наличие такого множества изобразительных слов отмечал и Д. В. Бубрих. Он писал: «Для изобразительных слов нет, например, просто битья, а есть бесчисленное количество всяких способов битья. Для них нет просто падения, а есть бесчисленное количество всяких способов падения. Для них нет просто ходьбы, а есть бесчисленное количество всяких способов хождения. Для них нет пребывания неподвижности, а есть бесчисленное количество всяких способов пребывания в неподвижности. Для них нет просто света, а есть бесчисленное количество всяких способов свечения. И так далее» (цитируется по: [Кривошекова-Гантман: 1954: 60]).

Следует отметить, что значения и оттенки значений трудно определить, так как нередко границы между значениями не ясны и расплывчаты, особенно у слов одного и того же гнезда. Значения изобразительных слов в литературном языке и различных говорах истолковываются по-разному, но не каждое образоподражательное или звукоподражательное слово вызывает у носителей различные ассоциации. Так, по нашим наблюдениям, в одинаковом значении большинством носителей языка употребляются следующие оноματοпоэтические единицы:

бугыль-бугыль, быгыль-быгыль: [*со мэд'икэдлэн пиналыз быгыль'-быгыль' вордскиз ук*] (Тш.). ‘У этого медика ребенок пухленьким

родился'; *Бабылес йырсиё, быгыль-быгыль ымныро пичи ныл Каримлэн алаз султэм но солэн чыртяз жик-жик зыгырскем* (С. Ших., М, 268). 'Кудрявая, маленькая девочка с пухлыми щеками, встала на колени Карима и крепко его обняла его за шею';

бугыр-бугыр: *Адзисько! Муръёсытымы чын бугыр! жутске! Мылым пыжо, дыр* (П. Позд., ДО, 172). 'Вижу! Из нашей трубы дым клубами поднимается! Блины пекут, наверно';

бульк: *бульк вуэ усьыны* 'бултых упасть в воду';

быг-быг: [*о, тин' со ман'кайэдлэн макэсэс быг-быг*] (НК). 'Охо, вон у этой Мани ноги какие пухлые'; *Нош табере ымнырыз сюбе-гам, мөляз быгыльскем, йырсиез уката лоб-лоб жутскем* (М. Вор., Тв, 198). 'А теперь лицо вытянулось, грудь увеличилась (букв. стала пухлой), волосы взъерошились';

быльк-быльк: *Маке юаськод ке, шорад быльк! учкыса пуке, собере гинэ пумитад вазе уни* (Р. Вал., Уп, 55). 'Если о чем-то спрашиваешь, сидит смотрит, уставившись в твою сторону, и только после этого уже отвечает';

быльыр-быльыр: *Кузё кышно, Орина кенак, бам вылаз быльыр-быльыр потэм нюламзэ азыкышетэныз мыддорин палыныз олокёня пол чушылэ ни* (Р. Вал., Уп, 47). 'Хозяйка, тетя Арина, несколько раз уже вытирает обратной стороной фартука обильно выступивший на лице пот';

вез-вез: *Нош туннэ тани со уробоысь куро вылын вез-вез кылле, вырзёлыны зигарыз но өвёл, соин ик көтурдэс вылаз кариськем* (Н. Самс., Канк, 188). 'А сегодня он на соломе в телеге растянувшись лежит, пошевелиться и сил нет, поэтому на бок повернулся';

гань-гань: *Та урамын соос гинэ кузё кожалод, сокем гань-гань лёгасько, адыми шоры көтвеськестэм учкыло: ветлэ, пе, татй, милемлы люкетыса...* (Г. Крас, 170–171). 'На этой улице только они хозяйева, подумаешь, так вальяжно ходят, с пренебрежением смотрят на людей: ходит, мол, тут, нам мешают...';

гор-гор: *Параска дулзэ лэзёны дугдйз но, калык гор-гор серекъяны кутскиз, президиумын пукисьёс но серемзэс өз кутэ ни* (Г. Крас, 61). 'Прасковья перестала изливать душу, и народ начал хохотать, даже сидевшие в президиуме не сдержали смех';

гудыр-гудыр, гудырак: *Кытын ке матын гинэ адыми куараос кылйськызы, собере, уй чалмытэз гудырак сэзъялтыса, нош ик кужмо мотор улзиз* (Г. Пер., Нз, 118). 'Где-то совсем рядом слышались голоса людей, затем, содрогая ночную тишину, снова громко завыл мотор';

дамбыр, дымбыр, дынгыр: *Кытын ке, Сосновка село палан, дымбыр-йыг кылйськыз* (Ег. Загр., Гз, 148). ‘Где-то, в стороне села Сосновки, послышался грохот’;

дыр-р-р, дыр-дыр: *Гонъёсыз пештырскизы, пыдъёсыз дыр-дыр ку-алекъяло* (П. Черн., Тп, 140). ‘Шерсть вздыбилась, ноги трясутся’;

жаль, жаль-жалъ: *Ма собере пыд улазы но жалъ-жалъ ву, нош писпуос, куакъёс борды йётскыны ик уг лу – кезыт шапыкъёс, кись-мам эмезь выллем, шапырак-шапырак куашкаса, ымныразы пызйиськыло, чыртытйзы тыбыразы васько* (Г. Пер., Нз, 111). ‘Да и потом под ногами одна вода, а до деревьев и кустарников нельзя даже дотронуться – холодные капли, словно созревшая малина, мгновенно падая, брызгают на их лицо, стекают по шее на спину’;

жилътыр: [*жил’тыр чэп карэ но жил’тыр ву быз’э*] (Тш.) ‘звенит цепь и журча бежит вода’;

жин: *Стаканъёс жин! вазызы* (Иг. Гавр., Й, 232). ‘Стаканы прозвенели дзинь!’;

жингыр: *Озы Чечегов өз кизыы, өз гыр, куараеныз кариз жингыр!* (Ан. Ув., ПМкм, 335). ‘Так Чечегов не сеял, не пахал, языком только чесал (*букв. голосом делал звонко*)’;

жсик-жсик: *Тини Глаша гурезь жсужда тырем буй-буй небытэсь (жзегз гон тыремын, анаезлэн кузьымеэ!) миндэръёс выльысь пужыятэм шобретсэ басъитйз но, жсик-жсик бинялтмыса, палэнэ понйз* (Г. Крас, 20). ‘Вон Глаша со сложенных, как гора (*букв. высотой с гору*), мягких подушек (гусиным пухом набиты, подарок матери!) убрала расшитое узорами покрывало, и, аккуратно свернув, положила в сторону’;

зар-зар: *Юам-верамзылэсь азыло ик тини оgez куараен чирдыса вёсяське, мукетыз зар-зар бёрдэ...* (С. Самс., Вёт, 10). ‘Один еще до того как спросили, громко причитая молится, другой плачет навзрыд...’;

жукыр: *Юрт котырын чал-чал ке но, бадъым город уин но ялкаронэз уг вала: тйни отын поезд куара, вагонъёс оз-огенызы верасько, татыназ завод дыбыртэ-йыггетэ, питранъёсыныз пелез урмытымон жукуртыса, кытын ке но машина дугдйз* (Н. Самс., ЧаЧ, 177). ‘Вокруг дома хоть и тихо, большой город и ночью не знает отдыха: вон там звук поезда, вагоны друг с другом разговаривают, здесь завод стучит-грохочет, где-то машина остановилась, сильно взвизгнув колесами’;

жырт: *Кышноез но нылыз тани, солэсь кылзйськыса, жырт кезыт нуналэ мукет районэ роднязы доры вырзйзы* (Р. Вал., Уп, 50). ‘Вот

и жена его с дочерью, послушавшись его, в очень студеный день отправились в другой район к своей родне’;

йыг: *Ӧсэз йыг! ворсаз но вокзалэ бызьыса пыриз* (Г. Крас, 31). ‘Хлоп! закрыла дверь и забежала на вокзал’;

кир-пазь: *Асьме вакытысь тросэз выпускникъёс кир-пазь луэмын* (Г. Сим., С, 325). ‘Многие выпускники нашего поколения разъехались кто куда’;

кис-куань, нис-куань, куань-куань: *Кылбурчи чылкак бӧрдон сярысь гинэ уг гожты: секыт ке но, пиосмурт уг ёжождӱськы, уг нискемы, аслэсьтыз нуонзэ мукетъёслы уг кушты, тужгес но мӧйыос, нылкышноос, покчиос вылэ...* (П. Черн., Снн, 125). ‘Поэт пишет не только о горе: хоть и тяжело, мужчина не жалуется, не ноет, свое горе на других не перекладывает, особенно на пожилых, женщин, детей...’;

куажыр, куажырак: *Писпу шер-тур, адямиен лёгамтэ интыосыз ик ӧвӧл кадъ – соинтэк-а отын но татын куажырак вазе пыргытэм пияла, дыбыр-колтыр пӧд борды шуккиське консерва банка* (Н. Самс., ЧаЧ, 179). ‘Деревьев мало, и словно нет места, куда бы ни ступила нога человека – не поэтому ли и там и тут с хрустом шумит раздробленное стекло, с бряцанием ударяется об ноги консервная банка’;

лакыр-лакыр, лукыр-лакыр: [*лукър-лакър пуны лы йырийэ*] (Тш.). ‘Собака хрум-хрум грызет кость’;

лусьтыр, лусьтыр-ласьтыр: *Капкаез усьтэм бераз ик, пумитаз кунян быдӑа лусьтро овчарка ворттыса лыктӱз, ез пуме вуыса, шораз урдӱськиз* (Г. Крас, 140). ‘Сразу, как только открыл калитку, навстречу ему побежала лохматая овчарка, величиной с теленка, добежав до конца проволоки, на него разлаялась’;

мынь-мынь: *Сабит мынь-мынь гинэ потылэ* (Г. Крас, 126). ‘Сабит улыбается только’;

нюж, нюж-кал: *Ӗжоген азьпалан пичи сик дурьысь трактор мычиськиз, со быдэс куро люкез думем но нюж кыске* (Б. Вахр., Шкк, 311). ‘Вскоре впереди из-за маленького леса появился трактор, он подцепил целый стог соломы и тащит его волоком’;

огыр-бугыр: *Огыр-бугыр выронзы ортчиз ке, берен дорам нуысал...* (Г. Крас, 88). ‘Когда их возня закончится, обратно к себе унес бы...’;

резь-куаж: *Векчи пульёс но, пичи пилаос но шедьтӱзы. Резь-куаж ужало* (П. Кул., Зч, 22). ‘И тонкие дощечки, и маленькие пилы нашли. С шумом, с гамом работают’;

сачыр, сачыр-сачыр: *Пичи нылгъёс, пиос гольык пыдынызы дэриез коласа, сачыр! гинэ бызё Ута шур пала* (Р. Вал., Уп, 52–53). ‘Маленькие девочки, мальчики, меся голыми ногами грязь, (букв. брызгая во все стороны) бегут в сторону реки Ута’;

супыр, супыр-супыр: *Атасмы мййы маке вал но, шыдэз туж ческыт, супыр-супыр пöзем* (Г. Крас, 95). ‘Хоть наш петух и старый уже был, суп очень вкусным, наваристым получился’;

сюл-кал: *Уждун умой-умой басътылымтэ на. Дйськут но тйни сюл-кал гинэ* (С. Самс., Мвс, 62). ‘И зарплату толком не получал еще. Вон и одежда так себе еще (букв. как кишка-веревка)’;

сюлтыр-калтыр: *Тани Матрон картэзлэн саес бордаз жсабыртйськыз но сюлтыр-калтыр жёк доры кыскыса ваиз* (Г. Крас, 106). ‘Вот Матрона вцепилась в рукав своего мужа и волоком притащила его к столу’;

тяп-тяп: *Сыче буйгам мылкыдын школа пагзаетй туби но жустариосме ву возён чан улын тяп-тяп коттй* (Ег. Загр., Гз, 147). ‘С таким поднятым настроением поднялся по школьной лестнице и хорошенько (букв. насквозь) намочил свои тряпки под чаном с водой’;

ури-бери: *Кышнопалан пукись сизьым аресьем Лизй, ымзэ куинь сэрего перепеч кадь карыса, Олександрэсь вераськемзэ кылзйськись маке, соку ик ури-бери черсыны кутскизы* (М. Кон., Л, 119). ‘Сидящая на кухне семилетняя Лиза, слушавшая разговор Александра с открытым ртом, похожим на треугольный перепеч, тут же неожиданно стала прясть’;

чир, чирак: *Мон чирак кеськи, зйрак берытски но мумы-бубыосы пала быззыны кутски* (П. Кул., Зч, 192). ‘Я пронзительно закричала, резко развернулась и побежала в сторону родителей’;

читыр-чутыр: *Гурезьёсысь читыр-чутыр позырьясъкыса, из люкёс вискытй шукыясъкыса, ыбисъкем кадь жёг бызисъ пичигес шур дуре вуыса, Аркашлэн пушмем, зырдам ныьлонэз ик косказ:* «Эх, одйг ымтыр коть гучыкты вал со вуэз!...» (Г. Пер., Нз, 104) ‘Дойдя до маленькой, быстрой, словно выстрел, речки, бегущей от горы, извивающейся вкривь и вкось, пенящейся между камнями, пересохшее, раскаленное горло Аркаши даже судорогой свело: «Эх, выпить бы хоть один глоток этой воды!...»’;

чукин-бекин: *Кыче ке шат та салкым уйлы, кыдёкысь толзэьлы, лысвуо турынылы, одйг адямилэн улонэз чукин-бекин кошкыз ке?*

(Г. Крас, 122). ‘Какая разница этой прохладной ночи, далекой луне, росистой траве, если жизнь одного человека пошла под откос?’;

чаиш: *Куноос но соя юизы, коркан нош ик чаиш! вазыны кутскиз* (Г. Крас, 37). ‘И гости, смотря на него, выпили, в доме снова стало шумно’;

чаиштыр, чуиштыр-паиштыр, чуиштыр-чаиштыр: *Кирла озьы пукы-ку, бераз кин ке чуиштыр-чаиштыр куара сётись луиз* (Г. Крас., Кмк, 14). ‘Пока Кирилл так сидел, сзади кто-то подал шероховатый голос’;

шап-шап: *Умойгес учки но валай: горд басмалэн векчи нюжа кузяз гордалэс-пурьсь ву шапыхёс выж пул вылэ шап... шап... шап... усьыло* (Ег. Загр., Гэ, 148). ‘Хорошо присмотрелся и понял: по тонкой ниточке красной тряпки кап... кап... кап... капают на половицы красновато-серые капли’;

шарк-шарк: *Шарк-шарк! гинэ лыдьяське счётэн* (К. Митр., В, 31). ‘Тук-тук! Считает на счетах’;

шенгыль-пенгыль: *Кык ар кусын ас кылзэ вунэтэм, шенгыль но пенгыль* *эуч сямен лабыртыны дауртэ* (Г. Крас, 38). ‘За два года позабыл свой язык, по-русски криво-косо пытается говорить’;

шлач: *А, чёрт, ужалод соосын! Одйгез нюлымтэ кунян, мукетыз... – Вася кыл өз шедьты ни, картузэныз пыдес бордаз шлач! гинэ шуккиз* (Г. Крас, 135). ‘А, черт, поработаешь с ними! Один неприлизанный теленок, другой... – Вася не нашел больше слов, шлеп! ударил картузом по коленке’;

шлён-шлён: *Олексанлэн пумитаз шлён-шлён! лёгыса ныл лыктэ* (Г. Мед., Яр, 83). ‘Навстречу Александру, наступая шлён-шлён! идет девушка’;

шок-пуль: *Урам кузья ньыль-вить кышномуртёс васько, азязы ик шок-пуль гинэ Герей кышно бызе* (М. Кон., Л, 137). ‘По улице спускается четыре-пять женщин, прямо перед ними, запыхавшись, бежит жена Герей’;

шупыль, шупыль-шапыль, шупыль-шупыль: *Уй так но кезьыт, нош со шупыль-шупыль котмемын* (Н. Вас., Кгат, 86). ‘Ночь и так холодная, а он промокший насквозь’;

юзыр-кезьяр, кезьяр-юзыр: *Тонялэн быдэс мугорыз юзыр-кезьяр луиз* (С. Самс., Вёт, 14). ‘Все тело Тони покрылось мурашками’.

Наряду с однозначными словами, встречаются и подражания с несколькими значениями. «Источником многозначности слова является

и переплетение ономатопоэтического и дескриптивного (наречно-изобразительного) элемента в одном и том же слове» [Пылма 1967: 12], то есть некоторые изобразительные слова «полисемантически», они могут выражать и зрительные, и звуковые образы. Есть такие выразительные слова, в значении которых движение и вызванный им звук выступают равными компонентами, так что превосходство одного из этих компонентов возможно установить при помощи контекста. Граница между звукоподражательными и наречно-изобразительными словами, как отмечает В. А. Пылма [1967: 13], не столь резка и явственна, как это должно было бы быть по традиционной формуле – ономатопоэтические слова изображают звук, дескриптивные слова – действие.

Гуртэ вуиз но корка йыгаське: йыг-йыг! (Вуюись, 52). ‘Пришел в деревню и в дом стучится: **тук-тук-тук!**’ и *Озыы калык юрттэменыз пыд йылаз йыг-йыг султүз Макара* (Г. Крас, 5). ‘Так с помощью людей, Макара **основательно** встал на ноги’;

Мартын Иванович кызызыэ-марзэ веран понна радзэ утча вал, кышноез кóлан комнатае пыриз но ёссэ шарк! ворсаз (В. Смир., В, 339). ‘Мартын Иванович пытался найти нужные слова, чтобы объясниться, его жена зашла в спальню и со стуком закрыла дверь’; *Шарк-шарк лёгаськыса, пияла ёс вёзы вуизы* (Г. Мед., Вд, 104). ‘Тук-тук вышагивая, дошли до стеклянной двери’ и *Пияш мынясьсэ вандыса эскериз – курыз но, йырыз но сисьмылтэ, шарк-шарк гинэ* (П. Черн., Снн, 127). ‘Мальчик подрезал и проверил улыбающийся [гриб] – ни ножка, ни шляпка не гнилые, плотные еще’.

Чаж-чаж гинэ вазе ножовка улаз кóс пужым (К. Митр., Зв, 87). ‘Вжик-вжик звучит под ножовкой сухая сосна’ и *чаж-чаж кезьыт сюкась юыны* ‘пить ядрёный (крепкий) холодный квас [УРС 2008; 745]’.

Та казённой патерын куара туж зол кылійське. Ёс куара но этажысь этаже чузьяське, пыдысьтыд тапочкыосыд но тач-тач, голык тыбыре чабкылэм кадь кылійсько, педло ветлон интыысь вуэз лэзбыку но быдэс вуко тымет усьтійське кадь – сокем пóртэм куараосын кырзаны кутске (Н. Самс., ЧаЧ, 177). ‘В этой казенной квартире слышимость очень хорошая. Скрип дверей доносится с этажа на этаж, шлепанье тапочек с твоих ног, слышно как удары по голой спине, и при сливе воды в туалете, словно целый мельничный пруд открывается – такими разнообразными голосами начинает петь [дом]’

и *Опоньлы бекро уробо шедьтӱзы, со борды тач-тач думизы* (К. Митр., Зв, 103). ‘Афоне двуколку нашли, к ней хорошенько привязали (его)’.

Богатый материал представлен в удмуртских диалектах. Например, в говорах деревень Нижняя Кузьма, Пусошур, Трубошур и Штанигурт Глазовского района нами зафиксированы следующие образные слова, выступающие как в роли звукоподражательных, так и в роли образно-подражательных слов:

[*гуч-гуч йуыны*] (Тш.) ‘пить большими глотками’ и [*гуч-гуч карис'киз*] (НК) ‘испугался’, [*гуч-гуч с'ис'мэм пу*] (Пш.) ‘сильно гнилое дерево’;

[*ӱил'ър-ӱил'ър карыны*] (Пш) ‘чирикать, щебетать’, [*ӱил'ыр-ӱил'ыр ву быз'э*] (Шг.) ‘с журчанием бежит вода’ и [*ӱил'ър-ӱил'ър дис'эз*] (НК) ‘его одежда изношена’, [*ӱил'ър-ӱил'ър с'инвувийа*] ‘слезы так и катятся’;

[*ӱурк-ӱурк кэз'эм*] (НК) ‘очень холодно’ и [*ӱурк-ӱурк ѓс ус'тис'киз*] (Пш., Тш.) ‘дверь открылась со скрипом’;

[*йыг-йыг ѓс'э йыгас'киз*] (Пш., Тш.) ‘он тук-тук постучался в дверь’ и [*йыг-йыг лэс'тэмын солэн ван'мыз*] (НК, Тш.) ‘у него все сделано на совесть’;

[*колтър-колтър машина*] (Шг.) ‘разваленная машина’ и [*колтър-колтър шора колтъртэ*] (НК) ‘индюк клохтает’;

[*чан-чан кэрттиз*] (НК) ‘завязал крепко-накрепко’, [*чан-чан машинаын калыкэз*] (Пш.) ‘в машине полным полно народу’ и [*чан-чан куара поттэ*] ‘звенит’ (Шг.);

[*чүзги-паз'ги вир потиз*] (НК) ‘кровь выбежала неожиданно’ и [*чүзги-паз'ги с'уй'яас'кэ*] (Тш.) ‘земля сыплется с шумом’;

[*шал'т-шал'т ад'ами*] (НК) ‘надежный человек’ и [*шал'т-шал'т ӱэпэз уаз'э*] (Тш.) ‘в кармане звенит мелочь’;

[*шур-шар праз*] (Пш.) ‘заходил очень быстро’, [*шур-шар ад'ами*] (Шг.) ‘ненадежный человек’ и [*шур-шар тӓла*] (Пш.) ‘сильно дует (со свистом)’;

[*быдэс гуртэн потыло-зы вал. соку выкодной луэ н'и. а каль'? айда, мыныл'лам дымбыр-дамбыр*] (Карпова 2013: 173–174). ‘Целой деревней выходили, бывало [на праздник, проводимый перед началом весеннего сева]. Тогда выходной уже бывает. А сейчас? Айда, пошли с бухты-барахты’ и [*дымбыр-дамбыр робо мынэ*] (Пш, Тш) ‘с грохотом телега едет’.

Относительно таких слов языковеды марийского языка писали: «Некоторые подражательные слова одновременно могут содержать

элементы как слухового, так и зрительного восприятия, например: *Пий тудым коп руалтен куча* (Йомак-шамыч, 5) – Собака хоп схватила его. *Орава-влак нылынек вўдышкў шўвўрдўк, марий вате орва гоч комдык тыргылдўм миен возо* (Д. Орай, Чолга шудыр, 35). – Все четыре колеса разом бултыхнулись в воду, а женщина упала с телеги на спину.

Однако таких подражательных слов всего лишь несколько. Поэтому нет необходимости выделять их в особую группу. Нередко подражательные слова выражают не отдельное предсталие, а целую картину или комплекс образов-предсталие. Например: *Вуйлатыше ден секретарьже кыр-гыр-гыр йошит! Удырал колтен, кидыштым пыштышит* (Д. Орай, Ойлымашвлак, 1933, 14). – Председатель и секретарь подписались» [СМЯ 1961: 308–309].

Таким образом, одна из особенностей подражательных слов – их многозначность. Одни и те же подражательные слова могут принимать различные значения, обозначать различные явления. Кроме того, одно и то же изобразительное слово способно выступать в удмуртском языке, как в роли звукоподражания, так и в роли звукообразного слова.

По словам русских лингвистов, слово приобретает многозначность в процессе исторического развития языка, отражающего изменения в обществе и природе, познание их человеком. В итоге наше мышление обогащается новыми понятиями. Объем словаря любого языка ограничен, поэтому развитие лексики происходит не только благодаря созданию новых слов, но и в результате увеличения числа значений у ранее известных, отмирания одних значений и возникновения новых. Это приводит не только к количественным, но и к качественным изменениям в лексике.

В то же время было бы неверно считать, что развитие значений слов вызывается только внеязыковыми (экстралингвистическими) факторами. Многозначность обусловлена и чисто лингвистически: слова способны употребляться в переносных значениях. Названия могут переноситься с одного предмета на другой, если у этих предметов есть общие признаки. Ведь в лексическом значении слов отражаются не все дифференциальные признаки называемого предмета, а лишь те, которые обратили на себя внимание в момент номинации. Таким образом, у многих предметов есть общие связи, которые могут послужить основанием для ассоциативного сближения этих предметов и переноса названия с одного из них на другой [ЭР 8].

4. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

В словосочетаниях, предложениях и текстах в качестве строительного материала используются слова (точнее, словоформы) с присущими им означаемыми и означающими. Выполнение таких задач, как соединение слов в речи, оформление предложений и текстов (развернутых высказываний) как целостных образований, членение текста на предложения, а предложений на их составляющие (конституенты), различение предложений разных коммуникативных типов, выражение синтаксических функций выделяемых в предложении конституентов и их синтаксически господствующего или подчиненного статуса, приходится на долю формальных синтаксических средств.

Морфологически подражательные слова относятся к числу неизменяемых слов. Однако в синтаксическом плане они не изолированы и могут вступать в сочетания, являясь членами предложения. При этом для них характерна лишь подчинительная и подчиняющая связь с другими частями речи.

Подражательные слова чаще всего выступают в сочетании с глаголами *карыны* 'делать', *вазьины* 'послышаться', которые при этом теряют свое лексическое значение и, следовательно, синтаксическую самостоятельность и превращаются в словообразовательный элемент подражательных глаголов: *куажыр карыны* 'хрустеть', *куажыр вазьины* 'хрустеть', *дамбыр карыны* 'греметь', *дамбыр вазьины* 'греметь', *тачыр карыны* 'трескаться', *тачыр вазьины* 'трескаться' и т. д., где с полным основанием можно говорить о сложном звукоподражательном глаголе, поскольку между его компонентами нет никаких синтаксических отношений.

Шуак урдэсам чаштыр! вазиз (С. Ших., Пк, 280). ‘Неожиданно у меня сбоку что-то зашуршало’.

Резь-куаж! вазе машина (К. Митр., В, 36). ‘Машина грохочет’.

Кыз борды урдэм пычалэз кутыса, Желобов затворен шильк-шалък каре (Иг. Гавр., Й, 238). ‘Схватив ружье, прислоненное к ели, Желобов щелкает затвором’.

Корказытйзы пырыкуз буш ведра борды канжаськыса, дыбыр-кол-тыр кариз, ос кутонэз шедьтыса, ас бордаз кыскиз (Г. Крас, 40). ‘Входя через сени, запнувшись за пустое ведро, поднял грохот (букв. прогремел), найдя дверную ручку, потянул на себя’.

Харитон корка пырыны вамышитйз, со кусын капка курик жиль-как кариз, урамысь пыриз Галя (Г. Крас, 52). ‘Харитон пошел домой (букв. зашагал, чтобы зайти), в это время брякнул крючок на воротах, с улицы зашла Галя’.

Огшан улыса, пуны жильы жильтрак кариз: бускельёс пунызэс уйлы думет йылысь азбартйзы эркын ворттылыны лэзизы (Г. Крас, 58). ‘Немного погодя, пробряцала собачья цепь: соседи на ночь свою собаку отпустили с привязи побегать по двору’.

Кудринлы соин йырин ой вал ни: залын чаш-ш! каро, уката ик нылкышноос (Г. Крас, 75). ‘Кудрину не до этого уже было: в зале шумят, особенно женщины’.

Урамтй дыбыртыса ортчиз гусеничной трактор, укно пиялаос ик жингыр-р! вазизы (Г. Крас, 92). ‘По улице с грохотом проехал гусеничный трактор, даже оконные стекла зазвенели’.

«Йыг-дым-жон!» вазе кебитын, борддоръёсыз ик зуркало, «жон-жон!» шуккиське Акагурт вадьсытй (Г. Крас, 131). ‘«Бим-бам-бум!» гремит в кузнице, даже стены дрожат, «дон-дон» эхом разносится по Акагурту’.

Огшан улыса, нош ик маке шатырак вазиз (Г. Крас, 117). ‘Немного погодя, вновь что-то прогремело’.

Сочетаемость звукоподражательных слов с глаголом, обозначающим ‘делать’, имеет место во многих языках. Подобные синтаксические свойства, как отмечают исследователи ономастопов лезгинских языков А. С. Алисултанов, Т. А. Сулейманова, выводят звукоподражания за рамки междометий, которые, как известно, не включаются в состав предложения [2013: 51]. Сравним сходную, но не идентичную характеристику звукоподражаний и междометий в русском языке: «По ряду признаков

к междометиям примыкают звукоподражания, представляющие собой условные, преднамеренные воспроизведения звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом...» и далее: «Междометия являются характерной принадлежностью эмоциональной сферы языка, где они употребляются вне связи с другими словами (а также и не для связи последних)» [Русская грамматика 1980: 732]. Хотя авторы данной работы и называют междометия словами, которые лишены номинативного значения, в ту же очередь отмечают: «Как выразительные языковые средства междометия нередко употребляются и за пределами собственно эмоционально речевой сферы. Такое употребление влечет за собой значительное усложнение и расширение их семантических и синтаксических функций и ведет к их сближению со словами других лексико-грамматических классов» [Русская грамматика 1980: 732].

Из глаголов с самостоятельным значением подражательные слова чаще всего сочетаются с глаголами движения¹:

Матэти гинэ кыче ке бадзым тылобурдо шитыртыса лобзиз (В. Шир., Мк, 345). ‘Поблизости пролетела с шелестом какая-то большая птица’.

Куашкам капказэ усьтыса, Горей гидкуазяз чог-чог пырыз (М. Пет., Вп, 142). ‘Открыв покосившуюся калитку, Горей решительно вошел во двор’.

Кышкам уйсы пурк! лобзыса кошке (М. Кон., Л, 130). ‘Напуганная сова быстро улетает прочь’.

Вылтырыз юзыр-кезырак кошке (М. Кон., Л, 122). ‘По телу пробежали мурашки’.

¹ Глаголы, обозначающие движение, перемещение в пространстве и имеющие двоякие формы несовершенного вида. К ним относятся: бежать – бегать, везти – возить, вести – водить, гнать – гонять, ехать – ездить, идти – ходить, катить – катать, лезть – лазить, лететь – летать, нести – носить, нестись – носиться, плыть – плавать, ползти – ползать, тащить – таскать, тащиться – таскаться. Основное различие между глаголами в приведенных выше парах заключается в том, что первые глаголы в каждой паре обозначают действие, совершающееся в одном направлении, непрерывно, в определенный момент (глаголы определенного движения, глаголы ненаправленного движения), а вторые обозначают действие без указания на направление, или однонаправленное, но прерывистое, или непрерывное, но разнонаправленное (глаголы неопределенного движения, глаголы неоднаправленного движения) [ЭР 9].

Бычкы нош чар-чар огналась огнала кыстаське, бадзым писпуэз дыртытэк йырье (М. Кон., Л, 121). ‘Пила двигается вжик-вжик из стороны в сторону, не торопясь грызет большое дерево’.

Выль кутсэ кутчаса, шарк-шарк гинэ ветлэ (М. Кон., Л, 120). ‘Обув новые лапти, ходит тук-тук’.

Вөзтйз пичиесь, чеплет зөктаесь кыйёс нюж-нюж ветло (Г. Мед., Вд, 109). ‘Мимо него ползают маленькие, величиной с бастринг, змеи’.

Пыкиськыса улэ эшишо татын, – сюл-кал гинэ кыскыса сьбраз нуэ (Ив. Дяд., Бк, 64). ‘Еще упирается здесь, – волоком тащит за собой’.

Однако в силу специфики своего значения каждое отдельное подражательное слово имеет в целом весьма ограниченную сферу лексической сочетаемости. Так, слово *чир*, *чир-чир*, *чир-чар* может сочетаться с глаголом *кесяськыны* ‘кричать’, *зар*, *зар-зар* – с глаголом *бёрдыны* ‘плакать’, *жир* – с глаголом *кесяськыны* ‘кричать’, *гор*, *гор-гор*, *гур*, *гур-р*, *кать-кать* – с глаголом *серекьяны* ‘смеяться’, *лыр*, *лыр-р* – с глаголом *куалекьяны* ‘дрожать’, *зонь-зонь* – с глаголом *кылльыны* ‘лежать’, *шенгыль-пенгыл*, *шенгыль но пешкыль* – с глаголом *вераськыны* ‘говорить’ и т. д.

Коркась пагза йылын, азбаре васькыны дйсьтытэк, кык кышно-муртьёс возмин чир кесьясько но бёрдо (Г. Крас, 119). ‘На лестнице у дома, не осмеливаясь спуститься во двор, перебивая друг друга пронзительно кричат и плачут две женщины’.

Со кошкем бере, зус вылэ пуксьыса, зар-зар бёрдыны кутскиз Матйлен пересьмем анаез (К. Герд, М, 13). ‘После того, как он ушел, сев на лавку, постаревшая мама Мати начала горько реветь’.

Зор азын жир черекьяса бызьылйсь чушкаослэн тыбыр вылысь-тызы зүзы кадь – ялан пештырскыса улэ (Т. Арх., Оп, 9). ‘Как щетина на спине свиней, бегающих с сильным ревом под дождем – постоянно взьерошена’.

Уть-ай сое, нылмурт кадь, йөтылыны дйсьтонтэм адами, – гор-гор серектйз мукетыз, вөзас лыктыса султйз (С. Самс., Вөт, 15). ‘Посмотри-ка на него, как девушка-недотрога, – громко засмеялся дружкой, подошел и встал рядом’.

Калык гур-р серекья, соин Сандра уката исам дурунчи кадь лекьяське (Г. Крас, 178). ‘Народ пронзительно смеется, поэтому Саня очень сильно злится, словно разъяренная оса’.

Коркан тамак зын вань ке, воргорон вань кадь потэ! – Зоя кать-кать серекъяз (Г. Крас, 85). ‘Если в доме чувствуется запах табака, как будто мужчина есть! – (букв. переливчатым смехом) засмеялась Зоя’.

Нянькин вераськыку, Кудрин пумен шодыны кутскиз, кызьы паллян пыдыз лыр-р гинэ куалекъяны кутскиз: тазэ фронтын осколок куртчалтыны шедьтйз, йоназ ке но, возпотон дыръяз яке юн сюлэмшугъясъкыкуз, векчи кыскаса куалекъяны кутске (Г. Крас, 174). ‘Во время разговора Нянькина, Кудрин начал чувствовать, как левая нога начала судорожно дрожать: ее на фронте осколок задел (букв. смог укусить). Хоть она и выздоровела, но когда злится или сильно волнуется, слегка подергивая, начинает дрожать’.

Зус вылын, зыбынэн шобыртйськыса, кулыны дасяськем мурт сямен, зонь-зонь кылле Олексанлэн анаез, синзэ вошгъятэк, вöldэтысь кыче ке туж кулэ маеке адзыны турттэ кадь (Г. Крас, 140). ‘На лавке, укрывшись зыбыном, словно человек на предсмертном одре, растянувшись лежит мать Александра, смотря в одно место, словно пытается увидеть на потолке что-то очень нужное’.

Мошков пальпотйз: со зуч но, Акагуртын ужатозяз, удмурт сямен умой вала ни, шенгыль но пешкыль вераськыны выре (Г. Крас, 126–127). ‘Мошков улыбнулся: он хоть и русский, но пока работает в Акагурте, по-удмуртски уже хорошо понимает, и так и сяк пытается говорить’.

Как видно из примеров, каждое подражательное слово может сочетаться только с теми глаголами, которые семантически соотносительны с данными явлениями. На это обстоятельство также указывала коми лингвист А. С. Кривошекова-Гантман при описании отличий наречий и звукоподражательных и наречно-изобразительных слов. При определении разницы названных групп слов автор предлагает обратиться к грамматической природе изобразительных слов и наречий. По своим морфологическим свойствам изобразительные слова, как и наречия, относятся к неизменяемым словам: они не склоняются и не спрягаются. Изобразительные слова, подобно наречиям, в предложении чаще всего примыкают к глаголу. Употребляясь с глаголами, изобразительные слова своеобразно определяют его значение, изображают условно звучания, которые сопровождают действие, выраженное глаголом. Однако, в отличие от наречий изобразительные слова могут сочетаться далеко не со всеми глаголами. Действие или состояние предмета может сопровождаться свойственными только данному предмету

специфическими звуками. Изобразительное слово, воспроизводящее это звучание, и глагол, обозначающий действие, воспринимаются как единое целое. Иначе говоря, изобразительное слово как бы прикреплено к определенному глаголу, вместе с ним составляет семантически неразложимую единицу – «изобразительный фразеологизм» [Кривошекова-Гантман 1964: 117].

Поскольку подражательные слова чаще входят в глагольные сочетания, то ведущей их функцией является обстоятельственная, причем функция обстоятельства образа действия¹:

*Залын нукусь нылкышноос **огыр-бугыр кариськизы**, соиз но таиз ас кылзэ вера* (Г. Крас, 75). ‘Сидящие в зале женщины оживились, и та, и другая начали высказываться’.

*Олексан но пöсекъяны кутскиз, йылсо вöлэм карандашезлэн пумыз **тэрс! чигиз*** (Г. Крас, 101). ‘И Александр начал злиться, кончик остро заточенного карандаша с треском обломился’.

*Озыы сылон куспазы бакча ыбес **зукрак! кариз**, азбаре ачиз Гирой пыриз* (Г. Крас, 104). ‘Пока так стояли, калитка в огород заскрипела, во двор вошел сам Гирой’.

*Озыы угось, ас тодэмдыя гинэ турттйськоды но, улонды **чукин-бекин кошкиз*** (Г. Крас, 143). ‘Так-то так, сами по себе [жить] хотите, и жизнь пошла вверх тормашками’.

*Возьмамтэ шорысь пияла öс **жинграк! кариз**, комнатае тöдöы халатэн кышномурт пыриз* (Г. Крас, 158). ‘Неожиданно стеклянная дверь со звоном открылась, в комнату вошла женщина в белом халате’.

Во всех приведенных примерах **огыр-бугыр кариськизы, тэрс! чигиз, зукрак! кариз, чукин-бекин кошкиз, жинграк! кариз** ономатопоэтические единицы **огыр-бугыр, тэрс, зукрак, чукин-бекин, жинграк** выступают в функции обстоятельств образа действий и обозначают качественную характеристику действия или способ его осуществления.

В этой функции необычайно широко выступают сложные подражательные глаголы, образованные от множества звукоподражательных

¹ Наречия образа или способа действия показывают, каким образом, каким способом протекает действие. Эти наречия при глаголах играют ту же роль, какую и качественные имена прилагательные при именах существительных. Они показывают качественный признак действия так же, как качественные имена прилагательные показывают качественный признак предмета [СКЯ 1955: 259].

и образоподражательных корней с помощью десемантизированных глаголов, которые в данном случае принимают форму деепричастия на *-са*:

Оломар сямен адзыса вуиз: картофка пуд пѳлти маке быдѳа ик (Вася сое нырысь пуны кожаз вал) сѳѳд писэи, лап кариськыса, бускельѳслэн йѳгу палазы, вужер кадь, ѳзогак ворттыса мынѳз (Г. Крас, 139). ‘Случайно успел увидеть: промеж картофельной ботвы огромный (Вася его сначала за собаку принял) черный кот, в сторону ледника соседей, пригнувшись, словно тень, быстро побежал вприпрыжку’.

Олексанэн огман ваче син, огзэс огзы тылын ѳушкано кадь учкыса сѳлѳызы но, Шахтинлэн урдэм кыиз кысмыляк оишиськыз, пуконэз, дыбыр-колтыр карыса, выж вылэ усиз (Г. Крас, 102). ‘С Александром на какое-то время встретились глазами, стояли, смотря друг на друга сжигающим взглядом, и поднятая рука Шахтина вмиг обвисла, стул, прогремев, упал на пол’.

Гурт вѳзтѳи читыр-чатыр бызись Акашур – гужем со чылкак куасьмон калэ вуэ, пичиос, штан кукѳѳссэс пужалляса, самой ѳртѳиѳ шо-пыль карыса бызѳыло, изѳѳс вискысь чукырнаосыз кутыло (Г. Крас, 236). ‘Петляющая речка Акашурка рядом с деревней – летом она почти полностью пересыхает; дети, задрав штанины, шлепая, бегают по самому руслу, вылавливают пескарей меж камней’.

Таче дыре, няськыт ѳжытазе, егитѳѳс шудыны пото, арганчи яратон сярись чебер крезьгур мытэ, йырзэ ик сзѳыса, пыдыныз топ-топ лѳгылыса шудэ, нылѳѳс но пиос кизэс чабыса, эктыса со сѳѳры кырѳало (В. Шир., Лс, 351). ‘В такое время, тихим вечерком, молодежь выходит на гулянки, гармонист затягивает красивую музыку про любовь, играет, аж головой покачивая, ногами топая, девушки и парни, хлопая в ладоши, танцуют, за ним поют’.

Зэм ик, снарядѳѳсын бугырѳям музѳем вылтѳи, тугаськем куакѳѳс пыртѳи, соос пала нюѳж кыстѳиськыса лыктэ кыѳе ке адами (Н. Бай., Вп, 308). ‘Действительно, по взрытой снарядами земле, сквозь запутанные кустарники, в их сторону ползет какой-то человек’.

Шуныт киосты со кырмиз но нылэз, ас палаз зѳйрак! кыскыса, огпумысь ѳжик-ѳжик зыгыртѳиѳ (М. Вор., Тв, 191). ‘Он сжал теплые руки и резко прижав к себе девушку, заодно крепко обнял’.

Со олокыѳе ик сурон сапеген, кильтро зундэсэн, картузэн, папирос кыскыса, лызпыр ѳынзэ ныртѳиѳ поттыса лэзе яке пидѳжак кысысыстыз векчи мулѳызэ поттыса шальк! куртче, паллян пал ымдуртиз ши-ир! салыса лэзе (М. Кон., Л, 122). ‘Он, в каких-то кожаных сапогах,

с модным кольцом, в картузе, потягивая папиросу, выпускает через нос синеватый дым или, вынимая из кармана пиджака мелкий орех, с хрустом его щелкает и с шумом выплевывает с левой стороны рта’.

Но огпол нуназе ёроскын Чипеевлэн кабинетаз пырыса, со адзиз: председательзы, оло кудзыса, оло макмырен жуммыса, жёк съобраз ик сор! поттыса изе (Г. Пер., Йм, 60). ‘Но однажды в районе обеда зайдя в кабинет Чипеева, он увидел: их председатель, или будучи пьяным, или страдая от похмелья, спал и храпел прямо за своим столом’.

В современном удмуртском языке из всех деепричастий, употребляемых в письменной и устной речи, наиболее распространенными являются деепричастия с формой *-са*.

Деепричастия на *-са*, по наблюдениям П. Н. Перевошикова, как и деепричастия ряда других языков (финно-угорских, тюркских, монгольских), могут быть образованы от основ всех глаголов [1959: 38].

Звукоподражательные слова могут выступать в позиции сказуемого, когда возникает необходимость ярко, живо, экспрессивно представить то действие, которое вызвало обозначенное ими явление. Поэтому употребление в данной функции ограничено особыми условиями: сказуемое, выраженное одним только звукоподражательным словом, должно быть уточнено, конкретизировано предыдущим или последующим глагольным словом:

Дыр чидантэм каллен ортче, котькуд минутэн сюлмысьтыз шапыкен вир усе кадь: тён-тён-тён...(Г. Крас, 155). ‘Время тянется невыносимо медленно, словно с каждой минутой падает капля крови из сердца: кап-кап-кап...’.

Висьет съёрын мур шокаса кёло Олексанэн Глаша, кытын ке сэргын, выж вылэ усем нянь көмез йырайыса, дйсьтытэк гинэ шатыртэ шыр, борддорын шарккетэ бадзым туй гирьёсын час, дырыз вуэ ке, пушказ мауз ке зүкыртыны, куажыртыны кутске, собере зёк куаранен шукке: «Дон-н, дон-н, дон-н...» (Г. Крас, 191). ‘За стеной глубоко дыша, спят Александр с Глашей, где-то в углу, разгрызая упавшую на пол корку хлеба, нерешительно шуршит мышь, на стене стучат часы с большими латунными гириями, когда подходит время, внутри что-то начинает скрежегать, хрустеть, потом громко стучат: «Бом-бом-бом...»’.

Часлэн йыггетэмез кадь, тэлетиі шуккиське кусо йыгамез: тик-так, тик-так, тик-так! (Ев. Самс., Сан, 302). ‘Словно стук часов разносится по лесу заточка кос: тик-так, тик-так, тик-так!’.

Соос сьёры тйни, кылйськод-а: **жин-жон, трон-трон**... (С. Самс., Вёт, 15). ‘Вот за ними, слышишь: дзинь-дзинь, тринь-тринь...’.

Гуртын улэп дул ик кыльымтэ кожалоод, урамъёсын шал-шал, курегъёс но пуныос салкыме, кеносъёс улэ ватскиллям (Г. Красильников, 90). ‘Кажется, в деревне как-будто ни одной живой души не осталось, на улицах пусто, куры и собаки спрятались в прохладное место, под амбар’.

Примеры, в которых сказуемое выражено только звукоподражательным словом, в удмуртском языке и вообще в языках немногочисленны.

В качестве подлежащего и дополнения образоподражательные слова выступают очень редко. Роль подлежащего смогли бы выполнить звукоподражательные слова лишь в случае субстантивации. Нами зафиксировано два примера:

Лексема *колтыр-колтыр* в некоторых диалектах удмуртского языка, характеризующая глухой скрип, звон, субстантивировалась и стала обозначать пластиковую тару для хранения жидкости: [*тин' кён'а тырттэм колтыр-колтыр ул'чаын лошйас'кэ*] (Тш.). ‘Вон сколько пустой пластиковой посуды валяется на улице’.

Огшоры бумага вылын кыче-кыче шонер верамын. Мыным нош кунгыр-мангырьёс гинэ адсо, – Заркей Чана жожтысьскиз (Г. Мед., ЛМ, 99). ‘На простой бумаге как все верно изложено. А мне одни каракули виднеются, – пожаловалась Заркей [тш]ана (букв. Галка)’.

Звукоподражательное слово, выступающее в роли дополнения, зафиксировано нами в одном примере:

План, ма, тыч-тачен ик составить каремын ой вал но, можно терпеть карыны (К. Як., К, 41). ‘План-то что, хоть и не был составлен щелк-щелк (то есть счетами), можно терпеть’.

Подражательные слова могут вступать в сочетание с существительными в качестве их определения, обозначая признак существительного. При этом определяемому предмету приписывается в качестве признака тот звук или действие, которое им производится:

Жытазе кужмо сильтёл ортчемен, село тём-тём пеймытэ кылемын (С. Ших., Пк, 281). ‘Из-за того что вечером прошелся сильный ураган, село погрузилось в кромешную тьму’.

Пыд улаз азвесаьсыкись тусэн олокыче кырыж-конгыль букваос сыло (Г. Мед., Вд, 101). ‘Под ногами стоят какие-то кривые-косые буквы, принявшие серебряный облик’.

Ваньмыз буль-буль сингёссэ кырметъяса сыйлыс Петыр шоры учкизы (Г. Мед., Яр, 90). ‘Все посмотрели в сторону Петра, стоявшего с заплаканными глазами’.

Также звукоподражательные слова обозначают признак существительного, зачастую находясь в позициях «Звукоподражание + прилагательное + существительное», «Звукоподражание + причастие + существительное»:

Куазь куиньмой дугдылытэк зоремен, сюресъёс вылын шопыль-шопыль дэри ву пукиз (С. Ших., Пк, 281). ‘Из-за того, что три дня без остановок шел дождь, на дорогах стояла [шлепающая] грязная вода’.

Мотор Матрон бодёно кадь куаемян, вераськыкуз быдэс мугорыз сыръя, токоль-токоль быгылес бамъёсыз но зуркало (Г. Крас, 106). ‘Мотор Матрона, словно перепелка, ожиревшая, когда разговаривает, все тело трясется, и пухлые круглые щеки дрожат’.

Ульчалэн огпалаз, пумысеныз ньыль-вить корка кельтыса, чир-чар кесяськем куара кылйськиз (Ал. Мир., Куж, 43). ‘На одной стороне улицы, от конца деревни через 4–5 домов, послышался пронзительный крик’.

Табере Урдоен Тансари урам сэрегысь корка бордын чиндыр-чандыр смола лыдпусъёсын «Мелиоративной товарищество» гожтэм пул чеберъяське (М. Кон., Л, 129). ‘Теперь на угловом доме на перекрестке улиц Тансари и Урдо красуется табличка «Мелиоративное товарищество», написанная кривыми смоляными буквами’.

В других случаях подражательные слова, находясь в препозиции перед прилагательными и причастиями, являются обстоятельствами:

А то соос али Глейбамалын вик-вак арган шудэмъя эктыса уло... (Г. Крас, 197). ‘А то они сейчас танцуют под звонко играющую гармонь на горке Глейбамал ...’.

Столовой пала вуыса, мотоциклист кинэ ке лёгаз: кышномуртлэн чир кесяськемез кылйськиз (С. Ших., Пк, 282). ‘Подъезжая к столовой, мотоциклист кого-то задавил: послышался пронзительный крик женщины’.

Коркан чалмыт, кытын ке писпу шатрак каремысь Глаша быдэс мугорыныз куаляк усе (Г. Крас, 182). ‘В доме тихо, из-за треска дерева, Галя вздрагивает всем телом’.

Кытйяз шур кузя мыныку учкиськод но паймиськод: шурлэн брез чытыр-купыр бызёнъяз мукет шурлы матэ ик вуэм, ваче гинэ кариськонзы кылем на вылэм, нош ваче дуиллямтэ, чутрак кожыса, озьы ик чытыр-

купыр сюрес кырыса, асьсэ өрӥстӥзы кошкыллям (Г. Крас, 148). Иногда, идя вдоль речки, смотришь и удивляешься: русло реки, течет петляя и вплотную приближается к другой реке, вроде бы соединиться только осталось, но в одну [реку] не слились, резко свернув, снова (*букв.* так же) образовав петляющую дорогу, потекли по своим руслам’.

*Соослэн, пе, соку, **ӹрт кезыт куазен, пи поттон но сюдон ва-кытсы*** (Т. Арх., Оп, 6). ‘У них, дескать, тогда, в самую стужу, время появления и кормежки потомства’.

*Нылызлэсь **тып-тып быгыльскем гадьзэ** адӥса гинэ, Гирой кудо валатскиз но ассэ ачиз «сукыр уйсы» шуыса тышкаськиз: нылыз пинал вайыны дасяське ук!* (Г. Крас, 89). ‘Лишь увидев налившуюся грудь своей дочери, Гирой догадался и обругал себя, назвав «слепой совой»: его дочь готовится стать матерью!’

*Пилем сӥрысь ӹпак толзэь потӥз но Кабышевӥслэн азбарысьтызы паймымон суредзз югдытӥз: кияз зыр кутыса, азбартӥ бызьылэ ул дэре-мен гинэ дӥсяськем воргорон, ӹжжаса но зыреныз шоналлыса уйылыське **кир-пазь пегӥсь пудо** сӥры* (Г. Крас, 119). ‘Тут из-за тучи вышла луна и осветила странную картину двора Кабышевых: схватив в руки палку, по двору бегают мужчина в нижнем белье, попинывая и размахивая палкой, гоняется за скотиной, разбегающейся в разные стороны’.

*Акташе вуытозязы, Васялэн кымес вылаз **быльыр-быльыр пӥям вузз** потӥз: шофӥрын кӧня ке ужа ни, тазы ветлэмез ӥй вал на...* (Г. Крас, 157). ‘Пока доехали до деревни Акташ, у Васи на лбу выступил обильный пот: шофером уже сколько-то работает, так еще не ездил...’.

*Гидкуазе **сюл-кал куашкам турынз** нош ик адӥиз но ӧз чида, мажес кутыса, сюез ик тузон поттыса мажсаз* (Г. Крас, 162). ‘Снова увидел во дворе упавшее сено и не стерпел, взяв грабли, начал так грести, что даже пыль поднялась’.

***Кырызж-конгыль вамышъясь нуны** ерпечка луиз* (Т. Арх., Оп, 7). ‘Неуверенно шагающий малыш стал настоящим шустрячком’.

*Ческыт омыр но, учылэн чирдэмез но, вуэн тырмем вышкые липет-тысь **тӥп-тӥп виясь шапыкӥс** но, мисьтӥськем куарӥслэн шильыр-тэмзы но, кыдӥкын кенжылысь чилекъям но – ваньмыз сое вешазы но яратыса ас доразы кыскизы* (Ев. Самс., Ак, 287). ‘И ароматный воздух, и пение соловья, и капли воды, падающие с крыши в наполненную бочку, и шелест вымытых листьев, сверкающая вдали молния – все это приголубило ее и притянуло к себе’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык и общество – одна из центральных проблем современной лингвистики, связанной с исследованием общественного характера возникновения, развития и функционирования языка, природы его связей с обществом, его социальной дифференциации в соответствии с разделением общества на классы, слои и группы, социальных различий в использовании языка, функционального многообразия языка в связи с многообразными сферами его применения, взаимоотношения языков в дву- и многоязычных обществах, условий приобретения одним из языков функций средства межнационального общения, формы сознательного воздействия общества на язык и т. п.

Выдвинутая еще стоиками проблема выделения звукоподражания до настоящего времени остается одной из нерешенных во многих языках мира. Сопоставление различных изобразительных форм одних языков с подобными формами других, причем, как родственных, так и неродственных, позволяет глубже проникнуть в историю взаимодействующих языков, что имеет важное значение для этнической истории их носителей.

В настоящее время изучение звукоизобразительной лексики продвинулось далеко вперед, она исследуется по направлениям, которые, с известной долей условности, можно определить как: 1) семиотические исследования; 2) онтогенетические исследования; 3) экспериментальные психолингвистические исследования; 4) исследование роли звукового символизма в грамматике; 5) стилистические исследования; 6) структурно-таксономические исследования, т. е. исследования звукоизобразительной лексики с целью выявления ее особенностей с точки зрения строения и классификации; 7) этимологические исследования; 8) типологические исследования; 9) фоносемантические исследования.

Вместе с тем, несмотря на то, что в исследовании звуковой изобразительности в целом к настоящему времени сделано многое, проблема разграничения звукоподражаний не теряет своей актуальности. Дискуссионными продолжают оставаться вопросы частеречной принадлежности звукоподражательных слов, разграничения их от междометий, наречий, определения специфики их значения, роли в тексте, в языке детей, детской литературе, проблема их перевода и т. д.

Звукоподражания являются носителями информации и могут быть использованы в качестве средства общения. Общеизвестные звукоподражания имеют определенный, неменяющийся состав. К примеру, ономотопея, имитирующая крики животных, всеми носителями конкретного языка воспринимается одинаково. Соответственно, звукоподражания имеют определенное, общепринятое смысловое содержание. Именно в связи с тем, что звукоподражания обладают постоянной звуковой формой, а также смысловым содержанием, нам представляется справедливым утверждение о том, что они являются полноценными словами.

Анализ подражательных слов по значению, образованию, роли в предложении, обзор их особенностей позволяет сделать следующие выводы:

1. Отличия подражательных слов удмуртского языка (как, в частности, и других) от междометий наблюдаются в следующем: 1) междометия выражают различные чувства, эмоции и волеизъявления, а происхождение подражательных слов связано с действительным подражанием звуковым явлениям в окружающем мире или представлением о световых, цветовых явлениях и о различных движениях и состояниях; 2) подражательные слова могут служить базой для образования новых слов – глаголов и имён существительных; 3) подражательные слова несут в предложении определённую синтаксическую нагрузку, т.е. могут выступать в роли обстоятельства образа действия, определения, подлежащего и сказуемого. В контексте такие слова характеризуют явления с ярко выраженной экспрессивностью, придавая эмоциональную окраску всему высказыванию; 4) подражательные слова, благодаря однообразному звуковому строению, укладываются в определённые фонетические типы. Междометия структурно многообразны. С точки зрения морфологической структуры, подражательные слова представляют собой первичную основу: они не имеют форм словоизменения и в речи употребляются в простом и парно-повторном виде.

2. В отличие от наречий, подражательные слова входят в состав эмоционально-экспрессивной лексики, в которой они занимают особое

место. Их эмоционально-экспрессивное своеобразие вытекает из самой их природы.

3. Особенностью семантики образо- и звукоподражательных слов является образное выражение соответствующих понятий о звучании или способе действия с помощью специализированного фонемного строения лексической единицы. Конкретность их значения обусловлена весьма малой обобщающей силой подражаний, но им всегда сопутствует связанная с их природой большая экспрессивность.

Подражательные слова в лексико-семантическом плане подразделяются на:

1) звукоподражательные слова: *буль-буль карыны* ‘булькать’, *бульыр-бульыр ошмес потэ* ‘бурча бьет родник’, *вуй-вуй бордэ* ‘плачет всхлипывая’, *ток-ток сюлэм йыгаське* ‘тук-тук! бьется сердце’, *гудыр-гудыр кариз* ‘прогремело’, *дамбыр карыны* ‘грохотать, громыхать’, *домбыр-домбыр гитараен шудэ* ‘бренчит на гитаре’ и др.;

2) образоподражательные слова: *бугыль-бугыль пинал луэм ни* ‘ребенок уже стал пухленьким’, *бугырак нянь лөптэмын* ‘тесто очень пышное’, *быз-быз сиськи* ‘я плотно поел’, *быльк-быльк синмыз петлань потэмын* ‘[его] глаза вылезли наружу’, *выйык-вайык вырыны* ‘вести себя неуравновешенно’ и др.

Слова, служащие для подзыва, понукания и отгона животных в настоящее время носит весьма проблематичный характер по своему грамматическому статусу. Подзывные слова еще не получили однозначной оценки в грамматических исследованиях. В работах отечественных лингвистов они обычно определяются как особая группа в составе междометий, реже подзывные слова квалифицируются как особая грамматическая группа слов.

По значению и структуре различается три вида подзывных слов: 1) слова, употребляемые для подзыва животных; 2) слова, употребляемые для отгона животных, звучащие как короткая команда; 3) слова-понукания, употребляемые для остановки и движения животных к работе.

Слова, передающие звуки живой природы или человека, можно подразделить на следующие тематические группы: 1) подражания звукам, издаваемым человеком; 2) подражание звукам, издаваемым животными; 3) подражание звукам, издаваемым птицами; 4) подражания звукам, издаваемым насекомыми.

Образоподражательные слова, выражающие образы, представления о световых явлениях, впечатления от движения и состояния классифицируются следующим образом:

1) слова, выражающие движения людей; 2) слова, выражающие движение животных, птиц, насекомых; 3) слова, выражающие движение неодушевленных предметов; 4) слова, передающие цвето-световые впечатления; 5) слова, выражающие внезапность, мгновенность, стремительность движения и другого рода действий; 6) слова, выражающие внутренние ощущения и чувства, представления жизни; 7) слова, выражающие состояние неодушевленных предметов; 8) слова, выражающие состояние человека, состояние частей тела.

4. Образность и выразительность обусловлены звуковым строением подражательных слов. В отличие от фонетической структуры обычных слов в них используется определенный фонемный состав, сочетаемость звуков и порядок их следования, в какой-то мере напоминающий обозначаемое звучание, движение и т. п. Здесь, однако, не менее важную роль играет установившаяся в языке традиция осмысления определенных типов звукосочетаний для выражения соответствующих явлений. Поэтому, несмотря на преиущественное употребление в составе подражательных слов строго определенных фонем и их сочетаний, эти подражания не доходят до уровня полной имитации, часто по-разному оформляются и заметно отличаются в языках не только различных семей, но и одной семьи.

С точки зрения фонеморфологического и собственно морфологического строения подражательные слова делятся на корневые и производные.

Простые (односоставные) подражательные слова обозначают признак действия, не указывая на какие-либо оттенки значения данного признака. Иногда они выражают однократность или мгновенность действия, например: *жингыр вазе* ‘звонко звенит’, *чын бугыр потэ* ‘дым идет клубами’, *супырак усыны* ‘обессилев, мгновенно упасть’, *гурак кесъкизы* ‘хором (мгновенно) крикнули (ответили)’ и др.

Богатство звуковых комбинаций корней удмуртского языка вмещается в следующие структурные типы (в структурных моделях Г обозначает гласный, С – согласный): ГГ, ГСС, СГ, СГС, СГГС, СГСС, СГСГС, СГССГ, СГССГС, СГСГСГС, СГССГСГС, СГСССГС, СГСССГСГС, СГГССГС. Наиболее часто встречающимися структурными типами являются комбинации СГС, СГСГС, СГСС, СГССГС.

Производные слова образуются способом редупликации, широко распространенным в финно-угорских языках. Среди них выделяются слова с полной редупликацией (*быг-быг* ‘мягкий’, *быз-быз* пудоос ‘откормленный досыта скот’, *валь-валь кисьтаське* ‘переливается’, *вар-вар* *жжук пöзе* ‘каша варится с клокотанием’, *вайык-вайык ветлыны* ‘ходить покачиваясь’, *тан-тан лёгам сюрес* ‘плотно утоптанная дорога’, *торк-торк кыннем* ‘заковало морозом’ и др.) и слова, образованные путем изменения фонем: 1) повторы с заменой гласного редупликата: *дубыр-дабыр* ‘с шумом, с грохотом’, *жильтыр-жалътыр* ‘звукоподр. звону цепи, металлических предметов; звукоподр. журчанию воды’; *чин-чан* ‘звукоподр. крику галки’ и др; 2) изменение целых компонентов второй части: *жингыр-куангыр* ‘звения и дребезжа’, *зильыр-вальыр* ‘журча и переливаясь’, *резь-куаж* ‘с шумом, с гамом’ и др.)

5. Образование частей речи в удмуртском языке довольно разнообразно. В основном спонтанное образование происходит от других частей речи с помощью различных суффиксов. Образо- и звукоподражательные коренные основы удмуртского языка служат для образования существительных, прилагательных, образо- и звукоподражательных слов, глаголов, деепричастий, причастий.

6. Одна из особенностей подражательных слов – их многозначность. Одни и те же подражательные слова могут принимать различные значения, обозначать различные явления. Кроме того, одно и то же подражательное слово способно выступать в удмуртском языке, как в роли звукоподражания, так и в роли звукообразного слова.

7. Основным типом сочетания подражательных слов с другими частями речи является глагольный. В соответствии с этим их синтаксической функцией в составе предложения считается преимущественно функция обстоятельства образа действия. В то же время подражательные слова могут выступать и в роли других членов предложения.

Таким образом, подражательные слова представляют собой самостоятельную часть речи, так как они имеют своеобразную фонетическую форму и морфологическую структуру, целостное семантическое значение, активно используются в образовании новых слов, выступают в роли членов предложений. Следовательно, вполне логично рассматривать подражательные слова как отдельную, отличную от междометий и наречий, группу.

Список использованной литературы

Алатырев В. И. Междометно-наречные повторы в удмуртском языке // Ученые записки ЛГУ. – № 105. – Вып. 2. – Л., 1947. – С. 216–236.

Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь : Ок. 35 000 сл. / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – М.: Рус. яз., 1983. – С. 561–591.

Алисултанов А. С. Фонетические и синтаксические особенности звуко-подражаний в лезгинских языках // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 3. С. 50–53.

Ашмарин Н. И. Основы чувашской мимологии: О подражательных словах в чувашском языке. – Казань: Изд-во Чуваш. нац. орг., 1918. – 10 с.

Ашмарин Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Известия Азербайджанского университета. Общественные науки. – 1925. – Вып. 1–2. – С. 143–157.

Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражания в чувашском языке. – Казань: Издание Академического Центра Татнаркомпроса, 1928. – 160 с.

Бубрих Д. В. К проблеме изобразительной речи // Ученые записки Карело-Финского университета. Исторические и филологические науки. – 1948. – Т. 3, Вып. 1. – С. 85–94.

БСЭ – Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах) / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е. – Т. 9 (Евклид–Ибсен). – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 624 с. с илл.

БСЭ – Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах) / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е. – Т. 10 (Ива–Италики). – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 592 с. с илл.

Быстрова Л. В., Левицкий В. В. Фонетическое сходство семантически связанных слов // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – 1976. – Bd. 26, H. 6. – S. 591–901.

БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил.

Вахрушев В. М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1959. – Вып. 19. – С. 228–241.

Вельди Э. А. О некоторых чертах германского происхождения в звуко-подражательной лексике эстонского языка // Проблемы фоносемантики. – М. 1989. – С. 35–36.

Вельди Э. А. Англо-эстонские параллели в ономотопее: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1988. – 15 с.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. – М., 1980. – 343 с.

Воронин, С. В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. – 244 с.

Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании (Очерки и извлечения). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 200 с.

Воронин С. В. Английские ономотопы: Фоносемантическая классификация. – СПб.: Геликон плюс, 2004. – 192 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6, кн. 1: Труды по языкознанию / Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН; редкол.: В. М. Ванюшев, Л. Л. Карпова, В. К. Кельмаков [и др.]. – Ижевск, 2002. – 291 с. – (Памятники культуры).

Газов-Гинсберг А. М. Был ли изобразителен язык в своих истоках? – М.: Наука, 1965. – 183 с.

Германович А. И. Глаголы типа «толк» «шась» // Известия Крымского пединститута. – 1948. – Т. XIV. – С. 22–55.

Германович А. И. Слова клича и отгона животных в русском языке // Известия Крымского пединститута. – 1954. – Т. XIX. – С. 297–328.

Германович А. И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка: автореф. дис. ... д. филол. наук. – Симферополь, 1961. – 59 с.

Германович А. И. Междометия русского языка – Киев, 1966. – 172 с.

Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. – Вятка: Изд. Вят. губерн. отд-ния Госиздата, 1921. – 55 с. – На рус. и удм. яз.

Глухарева Е. А. Ономотопозитические глаголы в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 19 с.

Гордеев Ф. И. Подражательные слова и этимологии // Вопросы марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1981. – С. 138–147.

Гордей А. Н. Междометие как минимальная коммуникативная единица : дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 1992. – 174 с.

Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1980. – 140 с.

Григорян А. А. Междометия в системе частей речи английского языка: (Аспекты взаимодействия классов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 16 с.

ГСБ – Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А. А. Юлдашев. Ин-т ист., яз. и лит. Башкирский филиал. АН СССР. – М.: Наука, 1981. – 496 с.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз.; редкол.: П. Н. Перевощиков (отв. ред.), В. М. Вахрушев, В. И. Алатырев и др. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.: ил.

Дагуров Г. В. Особенности употребления междометий в речи // Русский язык в школе. – 1958. – № 6. – С. 11–20.

Дагуров Г. В. Междометия как особый разряд слов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1960. – 15 с.

Денисова Т. В., Сергеев Л. П. Слова-обращения к животным в говорах чувашской диаспоры ульяновской области // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 1 (85). – С. 32–37.

Джукаева М. А. Межъязыковые фоносемантические свойства спирантов (на материале чеченского, русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2010. – 26 с.

Джукаева М. А. Сравнительно-сопоставительные фоносемантические особенности спирантов немецкого и чеченского языков // Университетские чтения. – 2010. – Ч. 7. – С. 71–72.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. – 275 с.

Добровольский В. Н. Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии // Этнографическое обозрение. – 1894. – № 3, Т. 22.

Дуйсенбина А. Т. Когнитивно-семантическая природа конверсивов в казахском и немецком языках: автореф. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2010. – 25 с.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР, Ленингр. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе. – Л.: Ленингр. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1927. – 160 с.

Жерновой А. Н., Левицки, В. В. Начальные сочетания фонем в немецком языке // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. – Калинин, 1988. – С. 124–132.

Журавлев А. П. Фонетическое значение. – Л.: ЛГУ, 1974. – 160 с.

Журковский Б. В. Идеофоны: сопоставительный анализ (на материале некоторых языков Африки и Евразии). – М.: Наука, 1968. – 65 с.

Заводова Р. А. Изобразительные слова в мордовских языках // Труды Морд. НИИЯЛИЭ. – 1962. – Вып. 23. – С. 197–204.

Зыблева Д. В. Коммуникативно-прагматические функции междометия в современном немецком языке: автореф. ... канд. филол. наук. – Минск, 1987. – 22 с.

Иванов В. А. Подзывные слова в финно-угорских языках и русских диалектах и их связь с названиями животных // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XIV Всерос. науч. конф. – Уфа, 2014. – С. 47–52.

Иванов В. А. О двух периферийных лексических группах в горномарийском языке // Финно-угорский мир. – 2016. – № 4. – С. 13–23.

Имайкина М. Д. Наречно-изобразительные слова в мордовском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1968. – 16 с.

Исянгулова Г. А. О подражательных словах башкирского языка // Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтническом пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С. 318–327.

Исянгулова Г. А. О звукоподражательных словах в башкирском языке // Тюркология. – 2016. – № 1 (75). С. 3–10.

Исянгулова Г. А. Междометия и подражательные слова в современном башкирском языке (структурный, лексико-семантический и синтаксический аспекты): автореф. дис. ... д. филол. наук. – Уфа, 2016. – 46 с.

Казарин Ю. В. Проблемы фоносемантики поэтического текста. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. – 171 с.

Калинина Л. И. Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке. – Ижевск : Удм. ун-т, 2001. – 188 с.

Кандакова Е. Н. Подзывные слова как особая функционально-грамматическая группа (на примере ярославских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2003. – 21 с.

Карпов Л. П. Междометия русского языка и их синтаксическая функция: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону. – 1971. – 22 с.

Карпова Л. Л., Кириллова Л. Е. К читателю // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6, кн.: Труды по языкознанию / Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН; редкол.: В. М. Ванюшев, Л. Л. Карпова, В. К. Кельмаков [и др.]. – Ижевск, 2002. – С. 6–11. (Памятники культуры).

Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. – Ижевск, 2013. – 600 с.

КГОУЯ – Алатырев В. И., Ефремов Д. А., Кондратьева Н. В. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: Ок. 50000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. редактор Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – С. 827–868.

Кельмаков В. К. Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. – Ижевск, 2004. – 140 с.

Климова С. В. Глаголы «неясного происхождения» в Сокращенном Оксфордском словаре. (Элементы этимологической фоносемантики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1986. – 24 с.

Климова С. В. О некоторых аспектах этимологической фоносемантики // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы всеросс. конф. – Институт психологии и Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского. – М.; Пенза, 1999. – С. 145–146.

Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1984. – 184 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкознания; Петрозаводский Ин-т ЯЛИ. М.– Л.: Наука, 1964. – С. 112–121.

Кривошекова-Гантман А. С. Изобразительные слова // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол. серии: А. С. Лобанова (отв. ред.), А. М. Белавин и др. Вып. 3. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 39–56.

Кротов 1785 – Кротов, З. Удмуртско-русский словарь: около 5000 слов [= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 г.] / РАН, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит. ; редкол.: В. К. Кельмаков, Л. Е. Кириллова (отв. ред.), М. А. Самарова, Л. П. Юртева; авт. предисл. Т. И. Тепляшина. – Ижевск, 1995.– XX + 286 с. – (Памятники

культуры Удмуртии : Лингвистическое наследие : Памятники удмуртской филологии I).

КРС – Коми-русский словарь: Ок. 25 000 слов / Под ред. В. И. Лыткина. – М.: ГИНИНС 1961. – 924 с.

Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. – М., Высшая школа, 1965. – 79 с.

Куликова Л. А. Междометия в современном чешском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 22 с.

Кушнерик В. И. Фонетическое значение и фонетическая мотивированность в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1987. – 15 с.

КЭСК – **Лыткин В. И., Гуляев Е. С.** Краткий этимологический словарь коми языка / под. ред. В. И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. Изд-во, 1999. – 431 с. – Переизд. с доп.

Левицкий В. В. К проблеме звуко-символизма // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. – М.: МГУ, 1969. – С. 123–132.

Левицкий В. В. Семантика и фонетика. – Черновцы: Черновицкий гос. ун-т, 1973. – 102 с.

Левицкий В. В. Объективный и субъективный звуковой символизм в финно-угорских языках // Исследование финно-угорских языков и литератур. Тезисы науч. конф. – Ужгород: УГУ, 1977. – С. 42.

Липатова Н. В. Повторы на звуковом (фонетическом) уровне в эрзянском и немецком языках (Типологический аспект исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2004. – 22 с.

Лихоманова Л. Ф. Семантическая филиация английских звукоподражательных глаголов движения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986. – 18 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / АН СССР. Институт языкознания. Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.

Майгинская К. Е. Структурные типы удвоения (повторений) в финно-угорских языках // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. – М.-Л., 1964. – С. 122–136.

Максимов С. А. О наречно-изобразительных словах с конечным *-ы* в северном наречии // Вестник Удмуртского университета. – 1994. – № 7. – С. 22–25.

Могилин, М. Краткой отяцкия Грамматики опыт = Опыт краткой удмуртской грамматики / Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН ; отв. ред. Л. Е. Кириллова ; авт. предисл. К. И. Куликов. – Ижевск, 1998. – 203 с. – (Памятники культуры Удмуртии : Лингвистическое наследие).

Мухаммед Абдель-Азиз Мухаммед-Али Междометия современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М. – 1968. – 27 с.

Никифорова Ж. Б. Образование глаголов от звукоподражательных слов в бурятском и турецком языках // Вестник бурятского госуниверситета. – 2010. – № 8. – С. 105–108.

Первошиков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка: Синтаксис, лексика, морфология // Удмуртско-русский словарь / Удм. НИИ истории, яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР; сост. В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина [и др.]; под ред. С. П. Горбушина, А. Н. Клабукова, М. П. Петрова [и др.]. – М.: ГИС, 1948. – С. 371–445.

Первошиков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка // Русско-удмуртский словарь / Удм. НИИ истории, яз. и лит.; сост.: А. С. Белов, В. М. Вахрушев, А. П. Колесников [и др.]; редкол.: В. М. Вахрушев (гл. ред.), М. В. Горбушин, А. В. Корепанов [и др.] – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – С. 1272–1360.

Первошиков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 328 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1956. – 511 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – Т. 4. Вып. 2. – М.: Просвещение, 1977. – 405 с.

Пылма В. А. Звукоизобразительные глаголы в эстонском литературном языке: автореф. ... канд. филол. наук. – Таллин, 1967. – 47 с.

Реформатский А. А. Глагольные формы типа «хлоп» // Известия отдела литературы и языка АН СССР. – 1963. – Т. XXII, Вып. 2. – С. 127–129.

Реформатский А. А. Неканоническая фонетика // Развитие фонетики современного русского языка. – М., 1966. – С. 96–109.

Рожанский Ф. И. Редупликация в марийском языке // Лингвистический беспредел. Сб. ст. к 70-летию А. И. Кузнецовой. – М.: Московский ун-т, 2001. – С. 75–94.

Русская грамматика – Русская грамматика. Т I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

Русско-удмуртский словарь: ок. 40 000 слов / Удм. НИИ истории, яз. и лит.; сост.: А. С. Белов, В. М. Вахрушев, А. П. Колесников [и др.]; редкол.: В. М. Вахрушев (гл. ред.), М. В. Горбушин, А. В. Корепанов [и др.] – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 1360 с.

Сахарова М. А. Изобразительные слова в коми языке // СФУ. – 1949. – Т. 4. – С. 33–42.

Сергеев Л. П. Об одной группе императивных междометий // Ученые записки ЧНИИ. – Вып. 49. – Чебоксары, 1970. С. 165–176.

Серебрянников Б. А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.

Серебрянников Б. А. Историческая морфология мордовских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1967. – 260 с.

Серебрянников Б. А. Происхождение суффиксов звукоподражательных глаголов в уральских языках // СФУ. – 1976. – № 4. – С. 237–243.

Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражаний // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 277–316.

Словарь лингвистических терминов – **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. – М.: «Советская энциклопедия», 1969. 608 с.

ССЛТ – **Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

Соколов С. В. Пышкылон (звукоподражательной) кылъёс но междометие // Вордскем кыл. – 1996. – 3-тй №. – 69–73-тй б.

Соколов С. В. Пышкылон (подражательной) кылъёс // Туала удмурт кыл: Юртгись (служебной) вераськон люкетъёс: Студентъёслы дышетскон пособие. Азьпечатлос / Удм. кун ун-т. – Ижкар: «Удмурт ун-т» книга поттон корка, 2004. – 30–34-тй б.

Соч. 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. – 113 с. – [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. – Ижевск : Удмуртия, 1975].

СКЯ – Современный коми язык: Фонетика, лексика, морфология / Под ред. проф. В. И. Лыткина. Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 312 с.

СМЯ – Современный марийский язык. Морфология / Отв. ред. Н. Т. Пенгитов. Мар НИИ ЯЛИ. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 324 с.

СРЯ – **Шанский Н. М., Тихонов А. Н.** Современный русский язык. Словообразование. Морфология / Учеб. для студентов пед. ин-тов. – В 3 ч. – Ч. 2. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.

СРЛЯ – Современный русский литературный язык / Н. М. Шанский, И. П. Распопов, А. Н. Тихонов и др.; под ред. Н. М. Шанского. – Л.: Просвещение, 1981. – 584 с.

Сулейманова Т. А. Фонетические и синтаксические особенности звукоподражаний в лезгинских языках // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 3. – С. 50–53.

Тараканов И. В. О первой научной грамматике удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1959. – Вып. 19. Филология. – С. 148–166.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: учеб. пособие по лексикологии удм. яз. для студентов вузов / Удм. гос. ун-т, Каф. удм. яз. и лит. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 105 с.

Тараканов И. В. Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Debrecen 27.08–2.09.1990. – Debrecen, 1990. – 1 V. Sessiones plenares et symposia: Annotationes. Alia. – С. 209–214.

Тараканов И. В. Аналитические глагольные образования в пермских и марийском языках // Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: сб. ст. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – С. 194–199.

Тараканов И. В. Употребление и значения аналитических форм глагола с *потыны* в удмуртском языке // Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: сб. ст. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – С. 181–187.

Тепляшина Т. И. Нижне-чепецкие говоры северно-удмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1970. – Вып. 21. Филология. – С. 156–196.

Тихонов А. Н. Междометия и звукоподражания слова? // Русская речь. – 1981. – № 5. – С. 72–76.

Третьякова В. С. Звукоподражательные глаголы в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 21 с.

Удмурт-зуч словарь = Удмуртско-русский словарь: ок. 35 000 сл. / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева; редкол.: М. Г. Агаманов, Г. А. Архипов, В. М. Вахрушев (отв. ред.) [и др.]; НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – М.: Рус. яз., 1983. – 592 с.

Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез) = Морфология удмуртского языка: тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; кылкутйсь ред. Н. И. Тимерханова;

Росси Федерациысь дышентонъя но тодосъя м-во, ФГБОУ ВПО «Удм. кун ун-т», Удм. кылосбур фак., Удм. кылъя но сое дышетон амальсъя каф. – Ижевск: «Удм. ун-т» книгапоттонни, 2011. – 408 б.

Удмуртско-русский словарь / Удм. НИИ истории, яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР; сост. В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина [и др.]; под ред. С. П. Горбушина, А. Н. Клабукова, М. П. Петрова [и др.]. – М.: ГИС, 1948. – 448 с.

Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / РАН, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит.; сост.: Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

Хабибуллина О. А. Звукоподражательные слова в немецком языке в сопоставлении с французским и русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003. – 21 с.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Фонетика и морфология / Перевод с финского языка. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1953. – 311 с.

Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность в казахском языке. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 232 с.

Чураков В. С. Об авторе рукописи «Краткой отяцкой грамматики опыт» // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН, Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Издательский центр «Удм. ун-т», 2015. – С. 342–345.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / ред. и коммент.: Е. С. Истрина. Издание второе. – Л.: Учпедгиз РСФСР, 1941. – 590 с.

Шарафетдинова З. Г. Классификация звукоподражательных слов в татарском языке // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2007. – № 3. – С. 204–209.

Шарафетдинова З. Г. Подражательные слова в современном татарском литературном языке: автореф. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 24 с.

Шаронов И. А. Семантический анализ звукоподражательных слов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – 2009. – № 111. – С. 157–163.

Шибанов А. А. О проблеме наречно-изобразительных и звукоподражательных слов // Тезисы докладов 29-ой итоговой студенческой научной конференции / Удм. гос. ун-т; отв. ред. А. А. Грызлов. – Ижевск, 2001. – С. 179–180.

Шибанов А. А. Об изученности изобразительных слов в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. – 2002. – № 7. – С. 171–174.

Шибанов А. А. О значении изобразительных слов в удмуртском языке // LU. – 2003. – Т. 39, № 1. – С. 20–23.

Шибанов А. А. Структурные типы наречно-изобразительных и звукоподражательных слов // Вордскем кыл. – 2003. – № 5/6. – С. 39–44.

Шибанов А. А. Звукоподражательные глаголы в пермских языках // Национальные языки России: региональный аспект: к 50-летию коми-пермяцко-рус. отд-ния филол. фак. Перм. гос. пед. ун-та : материалы междунар. науч.-практ. конф. (20–21 окт. 2005 г., Пермь) / Перм. гос. пед. ун-т, Ин-т яз., истории и традиц. культуры коми-пермяц. народа ; отв. ред. А. С. Лобанова. – Пермь, 2005. – С. 206–209.

Шибанов А. А. Изобразительные слова в пермских языках // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Междунар. симп. (30–31 марта 2006 г., Пермь) / Перм. гос. пед. ун-т, Ин-т яз., истории и традиц. культуры коми-пермяц. народа. – Пермь, 2006. – С. 265–270.

Шибанов А. А. О функционировании некоторых наречно-изобразительных и звукоподражательных слов северного диалекта удмуртского языка // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: материалы I Межрегион. конф. и VII Междунар. школы молодого фольклориста, Ижевск, 23–26 окт. 2005 г. / Отв. ред.: В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. – Ижевск, 2006. – С. 390–393.

Шибанов А. А. Об изученности наречно-изобразительных и звукоподражательных слов в северном наречии удмуртского языка // Финно-угристика 7: Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков: материалы Междунар. науч. конф. «Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков», посвящ. 80-летию проф. Цыганкина Д. В. (г. Саранск, 25–27 окт. 2005 г.) / Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, Межрегион. науч. центр финно-угроведения; отв. ред. М. В. Мосин. – Саранск, 2007. – С. 329–333.

Шибанов А. А. Функционирование звукоподражательных слов в стихах и поэмах К. Герда // Кузубай Герд и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Ижевск, 31 марта – 2 апр. 2008 г. / Федер. агенство по культуре и кинематографии, Правительство Удм. Респ., М-во культуры Удм. Респ., Нац. б-ка Удм. Респ. – Ижевск, 2008. – С. 97–100.

Шибанов А. А. Методика сбора наречно-изобразительных и звукоподражательных слов удмуртского языка в полевых лингвистических экспедициях // III Международная конференция по полевой лингвистике: тез. и материалы / Ин-т языкознания, РАН. – М.: Тезаурус, 2009. – С. 186–187.

Шибанов А. А. Наречно-изобразительные и звукоподражательные слова в удмуртском и чувашском языках // Чуваший язык и современные проблемы алтаистики: сб. материалов Междунар. науч. конф. «Чуваший язык и современные проблемы алтаистики», посвящ. 90-летию со дня рождения М. Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н. И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февр. 2009 г.): в 2-х ч. – Чебоксары, 2009. – Ч. 1. – С. 96–98.

Шибанов А. А. Об изученности изобразительных слов в северном наречии удмуртского языка // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: материалы 10 Междунар. симп. «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., г. Ижевск) / Удм. ун-т, Каф. общ. и финно-угор. языкознания; отв. ред., сост. В. К. Кельмаков. – Ижевск: Удм. ун-т, 2009. – С. 383–389.

Шибанов А. А. Звукоподражательные глаголы в финно-угорских языках // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum, Piliscsaba, 9–14.VIII.2010. – Piliscsaba, 2010. – P. 2: Summaria acroasium in sectionibus. – С. 163–164.

Шибанов А. А. Наречия и подражательные слова в удмуртском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2010. – Вып. 49, № 34 (215). – С. 133–137.

Шибанов А. А. Наречия в удмуртском языке. – Екатеринбург–Ижевск, 2012. – 192 с.

Шибанов А. А. Значения изобразительных слов (на материале северных диалектов удмуртского языка) // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Глазов, 13 дек. 2012 г.): сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2013. – С. 165–171.

Шибанов А. А. Изобразительные слова редупликаты в пермских языках // Материалы докладов II Всероссийской (XVII) молодежной научной конференции «Молодежь и наука на Севере» (в 2-х т.). – Сыктывкар, 2013. – Т. II. – С. 206–208.

Шибасова Н. Л. Типология парных слов: на материале некоторых финно-угорских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 22 с.

Широбокова С. Н. Грамматический статус междометий и звукоподражательных слов в удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9-1 (27). – С. 198–200.

Шляхова С. С. Типы и функции ономастов в русской речи: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1991. – 26 с.

Шляхова С. С. Аномальные языковые единицы в разных фольклорных жанрах // Фольклорный текст – 98. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 1998. – С. 105–116.

Шляхова С. С. Русская ономотопея: структура, семантика, функционирование // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. – М., 1999. – С. 206–208.

Шляхова С. С. Рассекающий бездну (о примарной мотивированности «заветного» в фольклорном тексте) // Словесность и современность: Материалы Всероссийской конференции. Фольклорный текст / Научн. ред. И. А. Подюков. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. – Ч II. – С. 77–91.

Шляхова С. С. Фоносемантическая игра как элемент поэтики анекдота // Фольклорный текст – 2001: Материалы научно-практического семинара / Научн. ред. И. А. Подюков. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 104–110.

Шляхова С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – 216 с.

Шляхова С. С. «Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004. 226 с.

Шляхова С. С. Другой язык: опыт маргинальной лингвистики. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005. 346 с.

Шляхова С. С. Фоносемантические маргиналии в русской речи: автореф. дис. ... д. филол. наук. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2006. – 42 с.

Шляхова С. С., Лобанова А. С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке / Перм. гос. гум.-пед. ун-т. – Пермь, 2012. – 297 с.

Шляхова С. С., Петрова С. Коми-пермяцкие акустические ономотопы (материалы к универсальной классификации ономотопов) // Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания. – Кудымкар, 2000. – С. 58–60.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречия, служебные части речи, изобразительные слова). – Л., 1987. – 191 с.

ЭР – Особенности перевода агломератов звукоподражательных единиц. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.studsell.com/view/106252/>

ЭР 1 – **Лелехин К., Обухова Т.** Семантический анализ ономотопических единиц русского, английского и немецкого языков. – 14 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://go.mail.ru/redirect?via_page=1&type=sr&redir=eJzLK CkpKLbS1y9ITSnOL0st0csvStdPzi9K1U_LzEnVT08t0c9M0Tc0MTC1NGBgMDQ1sDS3MDUGstcaV7Ke88ma_flc5-TuRVLZAJM1GLE

ЭР 2 – Явление ономотопеи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://repetitora.com/yavlenie-onomatopei>

ЭР 3 – **Айвазова Э. Б.** Фонетико-морфологические и лексико-семантические особенности звукоизобразительных слов в лезгинском, азербайджанском

и английском языках. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/fonetiko-morfologicheskie-i-leksikosemanticheskie-osobennosti-zvukoizobrazitelnyh.html>

ЭР 4 – Междометия и звукоподражания. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/9614/1/Междомети%20и%20звукоподражания%20.pdf>

ЭР 5 – Звукоподражательная лексика в английском языке в сопоставлении с русским. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://knowledge.allbest.ru/languages/2c0b65625b2bc78a5c53b88521206c27_0.html

ЭР 6 – **Мерданова С. Р.** Морфология и грамматическая семантика агульского языка / С. Р. Мерданова. – М., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/reduplikatsiya-v-lezgingiskikh-yazykakh>

ЭР 7 – Лексическое значение слова. Основные его типы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/leksicheskoe-znachenie-slova-osnovnyie-ego-74001.html>

ЭР 8 – **Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А.** Современный русский язык. – М.: Рольф, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yaklass.ru/material?lsnid=454&mode=lesson>

ЭР 9 – Словарь лингвистических терминов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/264/глаголы>

Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян: Элементарная грамматика вотского языка //2-издание. – Ижевск: Удкнига. 1930. – 64 с.

Якушин Б. В. Гипотезы о происхождения языка / Отв. ред. Г. В. Степанов. АН СССР. – М: Наука, 1984. – 135с.

Antilla R. Affective vocabulary and borrowing: Finnish *pirskottaa* «sprinkle» and *patistaa* «urge, prod» // *Journal of Finnish Studies*. – 1977. – V. 1 (2). – P. 111–114.

Antilla R. Affective vocabulary in Finnish: An(other) Invitation // *Ural-Altaische Jahrbücher*. – 1975. – V. 47. – P. 10–19.

Antilla R. Affectivis [-deskriptivis-onomatopoeietis]ten sanojen asema kielen merkkisysteemissä // *Virittäjä*. – 1976. – V. 2. – P. 126–131.

Aminoff T. G. *Votjakin äänne-ja muoto-opin luonnos* // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1896. – Vol. 14/2. – P. 1–48. – [Очерк фонетики и морфологии вотского языка].

Aston W. *Japanese Onomatopes and the Origin of language* // *Journ. of Anthropolog. Inst. of Gr. Brit. and Ireland*. – 1894. – XXIII. – P. 332–362.

Attridge O. *Language as imitation: Jacobson, Joyce and the art of onomatopoeia* // *Modern Language notes*. 1984. – Vol.99, # 5. P. 1116–1140.

Bátori I. Wortzusammensetzung und Stammensetzung im Syrjänischen mit Berücksichtigung des Wotjakischen. Ural-altaische Bibliothek. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1969. – 170 S.

Bladon R. Approaching onomatopoeia // Archivum linguisticum. – 1977. – Vol. 8, # 2. P. 158–166.

Brinton L. J. Diagrammatic Iconicity in English Syntax / Rechtliches Semiotiques-Semiotic Inquiry. – 1987. – V. 7, 1. – P. 55–72.

Flohlich A. Zusammenhang zwischen Lautform und Bedeutung bei englischen. – Die neueren Sprachen. XXXIII, 1925. – P. 127–141.

Flohlich A. Lautwiedergabe und Lautlich suggestive Worterim französischen. – Die neueren Sprachen. – XXXV, 1927. – P. 599–615.

Geason H. An Introduction to Descriptive linguistics. – N.Y.: Holt, 1955. – 389 p.

Grey L. Foundations of Language. – N.Y., 1939.

Harris Z. Structural Linguistics. – University of Chicago Press, 1960. – 384 p.

Marchland H. Review of H. Wissenmann's Untersuchungen zur Onomatopoeie. – Indogerm. Forschungen. – 1958. – LXIV. – 1. T. – S. 183–187.

Munkácsi, B. A wotják nyelv szótára. – Budapest, 1896. – XVI + 758 l.

Ries J. Was ist ein Satz? – Prag.: Taussing. – 1931. – 286 s.

Rump G. „Onomatopoeisis“ bei James Joyce und Arno Schmidt: (Bemerkungen zur Onomatopoeie und Graphopoeie) // Orbis. 1976. – T. XXV, # 1. – P. 5–12.

Tesniere L. Sur la classification der intejections. – Brno, 1936.

Twaddel W. F. Combinations of Consonants in Stressed Syllables in German // American Linguistics. – 1939. – V. 1, 2. – P. 188–189.

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. – Helsingfors, 1901. – V + 134 S.

[**Wichmann Y.**] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987 (LSFU). – XXIII + 421 S.

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – 390 S.

Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register. – St.-Petersburg, 1880. – XIV + 692.

Veenker W. Verzeichnis der wotjakischen Suffixe und Suffixkombinationen. – Hamburg, 1976. – 81 S.

Veldi E. Estonian onomatopoeia: A typological approach // Proceedings of the XIth International Congress of Phonetic Sciences. – 1987. – V. 4. – P. 193–196.

Источники исследования

Ал. Мир. Куж. – Миронов А. С. Кескич ужзы // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 43–53.

Ал. Мир. Гд. – Миронов А. С. Гудыръян дыръя // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 53–60.

А. Оки, Ош. – Ашалъчи Оки. Онисьлэн шудэз // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 22–23.

Аш. Оки, Вк. – Ашалъчи Оки. Вьль кубо // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 20–22.

Аш. Оки, Ор. – Ашалъчи Оки. Орок // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 24–26.

Ан. Гиль. Кк. – Гильмаев А. В. Кыдэкысь куно // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 296308.

Ан. Ув. ПМкм. – Уваров А. Н. Пересь Мадейлэн кылбураса мадемъёсыз // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 331–342.

Ар. Клаб. Ад. – Клабуков А. Н. Адыми огназ өвёл // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 241–251.

Ар. Клаб. Лй. – Клабуков А. Н. Липет йылын // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 239–242.

Б. Вахр. Шкк. – Вахрушев Б. Шокчиз кысык кóрык // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 309–322.

В. Смир. В. – Смирнов В. Е. Вожвыльгяськон // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 329–343.

Вуюись – Вуюись: Покчи нылпиослы хрестоматия. – 2-тй изд., будэтэмын. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 224 с.

В. Шир. Мк. – Широбоков В. Г. Мемилэн куараез // Вьль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 344–346.

В. Шир. Лс. – Широбоков В. Г. Лъөмпү сяськаяське // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 347–355.

В. Шир. Ш. – Широбоков В. Г. Шундыпиос // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 355–360.

Г. Дан. Гп. – Данилов Г. Д. Гурт пумын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 198–210.

Г. Крас. – Красильников Г. Д. Вуж юрт: Дилогия. Ижевск, 1976. 412 с.

Г. Крас. Кмк. – Красильников Г. Д. Кошкисез мед кошкоз // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 5–22.

Г. Мед. Лб. – Медведев Г. С. Лёзя бесмен: Роман-трилогия. – Ижевск: Удмуртия, 1984. 704 с.

Г. Мед. Яр. – Медведев Г. С. Ярдурын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 82–94.

Г. Мед. Вд. – Медведев Г. С. Выль дунне // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 100–113.

Г. Мед. Вд. – Медведев Г. С. Лёва Матрон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 94–100.

Г. Пер. Йм. – Перевошиков Г. В. Йыбыртты музъемлы. Роман. Нырысетй книга – Ижевск: Удмуртия, 1977. 260 с.

Г. Пер. Нз. – Перевошиков Г. К. Нимысьтыз задание // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 101–121.

Г. Сим. С. – Симаков Г. С. Солдатка // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 317–328.

Ев. Самс. Ак. – Самсонов Е. В. Арама кузя // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 285–294.

Ев. Самс. Сан. – Самсонов Е. В. Солдатлэн анаез // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 294–306.

Ег. Загр. Гз. – Загрбин Е. А. Горд зустари // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 144–153.

Ив. Дяд. Бк. – Дядюков И. Т. Бадьпуос куашето // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 61–64.

Иг. Гавр. Вп. – Гаврилов И. Г. Вордйськем пальёсын. Ижевск: Удмуртия, 1988. 744 с.

Иг. Гавр. Шп. – Гаврилов И. Г. Шудо пумиськон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 209–217.

Иг. Гавр. Й. – Гаврилов И. Г. Йыромон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 220–238.

К. Герд, М. – Кузубай Герд. Матй // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 10–19.

К. Ем. Пк. – Емельянов К. В. Пӧртмаськись корка // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 229–233.

К. Кул. С. – Куликов К. И. Сэдык // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 245–261.

К. Лом. ВэО. – Ломагин К. Е. Вождэ эн вай, Окыль // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 224–229.

К. Лом. Пк. – Ломагин К. Е. Пазьгиськем кизилиос // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 229–233.

К. Лом. Кс. – Ломагин К. Е. Котьку сюлэмам: Роман. – Ижевск: Удмуртия, 1993. 388 с.

К. Митр., Зв. – Кедр Митрей. Зурка Вужгурт. 2-тй изд. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – 151 б.

К. Митр., С. – Кедр Митрей. Сурсву // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 27–29.

К. Митр., В. – Кедр Митрей. Вожмин // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 29–38.

К. Як. К. – Яковлев К. С. Коньяк // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 39–42.

М. Вор. Тв. – Воронцов М. С. Тонэ вिति // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 189–208.

М. Кельд. Б. – Матвей Кельдов. Бегентыло // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 65–81.

М. Кон. Г. – Коновалов М. А. Гаян. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 218 б.

М. Кон. Л. – Коновалов М. А. Лйзи // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 118–140.

М. Кон. Куӧв. – Коновалов М. А. Кизилитэм уйёс өвӧл = Нет ночей без звезд: Роман, рассказы, статьи, воспоминания, письма / сост. Ж. М. Баранова, М. В. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 2005. 360 с.: вкл. (На удм. и рус. яз.).

М. Лям. Б. – Лямин М. А. Бертон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 178–184.

М. Петр. Вп. – Петров М. П. Ваче пинь // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 141–153.

М. Петр. Вк. – Петров М. П. Вить кышкасьтэмьёс // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 154–166.

Н. Бай. Вп. – Байтеряков Н. С. Васёк песянай // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 307–310.

Н. Вас. Кгат. – Васильев Н. В. Кин тон, атай? // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 70–89.

Н. Вас. Сф. – Васильев Н. В. Сурсвуэн флажка // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 89–100.

Н. Самс. ЧаЧ. – Самсонов Н. Я. Чоръяло атасьёс Чуньышурын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 177–182.

Н. Самс. Канк. – Самсонов Н. Я. Капка аязд ньыль кызыпуэд // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 182–190.

П. Куб. Т. – Кубашев П. Н. Таня // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 234–244.

П. Кул. Зч. – Куликов П. В. Зарни чорыг: Повестьёс, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1992. 224 с.

П. Позд. Уск. – Поздеев П. К. Утьыны сйзем кырзан // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 154–168.

П. Позд. ДО. – Поздеев П. К. Даньвыр Олексан // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 168–177.

П. Черн. Снн. – Чернов П. К. Сйзьыл нуналэ нлюэскы // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 122–128.

П. Черн. М. – Чернов П. К. Мёзмон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 128–138.

П. Черн. Тп. – Чернов П. К. Тодьы пыдвыл // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 138–143.

Р. Вал. Чар. – Валишин Р. Г. Чырс аръян // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 40–48.

Р. Вал. Уп. – Валишин Р. Г. Узвесь пыры // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 48–57.

С. Самс. В. – Самсонов С. А. Вужер: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1989. 360 с.

С. Самс., Мвс. – Самсонов С. А. Можвайын вал со // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 58–69.

С. Ших. М. – Шихарев С. Т. Мина // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 254–270.

С. Ших. Пк. – Шихарев С. Т. Пытьёс кузя // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 276–284.

Т. Арх. Опп. – Архипов Т. А. Одйг пол приёмын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 185–188.

Ф. Пукр. М. – Пукроков Ф. П. Макмыр // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 281–295.

Условные сокращения

Сокращение названий деревень

НК – д. Нижняя Кузьма Глазовского р-на

Пш – д. Пусошур Глазовского р-на

Тш – д. Трубашур Глазовского р-на

К – д. Кочишево Глазовского р-на

Сокращение языков и диалектов

венг. – венгерский язык

доперм. – допермский язык

мар. – марийский язык

общеп. – общепермский язык

сельк. – селькупский язык

удм. – удмуртский язык

эст. – эстонский язык

**Подражательные слова, зафиксированные
в Удмуртско-Русском словаре (2008)**

бабыль-бабыль кудрявый, курчавый (с. 55)

безэр-безэр диал. нар.-изобр. сл., выражающее беспокойство (о человеке, животных); **скал** ~ **сылэ** корова стоит не смиренно, лягается (напр. при дойке) (с. 62)

бекмыль: ~ **луыны (потыны)** опрокинуться; кувыркнуться (с. 62)

бекмыль-бекмыль: ~ **ветлыны** ходить вразвалку (с. 62)

бекыр нар.-изобр. сл., выражающее образ наклонного (накренившегося, опрокинутого) состояния предмета (с. 63)

бекыр-бекыр вразвалку, с боку на бок; ~ **ветлыны** ходить вразвалку (с. 63)

бли-бли, блие-блие возглас, которым подзывают ягнят или овец (с. 72)

бло-бло-бло возглас, которым подзывают лошадей на водопой (с. 72)

боз-боз звукоподр. басистый, низкий (о звуке, голосе); ~ **куараез** у него басистый голос; ~ **куараен вераськыны** говорить басом, басить; **пуны** ~ **утэ** собака громко лает (с. 73)

бббб II диал. дет. 1. возглас, которым отгоняют собак 2. собака; ~ **ыр-р** **каре** собака рычит (с. 75)

ббтьыр: ~ **карыны (потгыны)** 1) лепетать 2) говорить без умолку 3) кричать (напр. о перепелах, рябчиках) (с. 76)

ббтьыр-ббтьыр звукоподр. лепетанию; ~ **вераськыны** лепетать (с. 76)

буг-буг нар.-изобр. сл., выражающее образ мелкого, пушистого или плотного состояния предмета (с. 77)

бугыль-бугыль нар.-изобр. сл.: ~ **карыны** 1) делать пухлым 2) булькая, пузыриться; **ву пультыос** ~ **жтйсько** вода пузырится; булькая, поднимаются пузыри (с. 78)

бугыр нар.-изобр. сл. **1.** валить (идти) клубами (о дыме, паре); ~ **потыны** клубиться, валить (идти) клубами; наплывать, набегать, клубиться (об облаках); **муръёыс җын** ~ **потэ** из трубы дым валит клубами; **пилемъёс** ~ **кошко** облака клубятся **2.** клокоча (бурля) кипеть (напр. о супе); ~ **пöзыны** бурлить, клокотать **3.** взволнованно, тревожно; ~ **вырыны** 1) волноваться, тревожиться 2) кишеть, кишмя кишеть (о насекомых) **4.** рыхло || рыхлый; ~ **карыны** 1) разрыхлить, сделать рыхлым (почву, землю) 2) сделать воздушным (пышным, пушистым) (напр. вату, пух и т. п.) (с. 78)

бугырак, бугырак-бугырак нар.-изобр. сл., выражающее густые клубы дыма, пара, туч, идущих с перебоями: **җын**, ~ **потыса, вылланы җутске** дым валит густыми клубами и поднимается вверх (с. 78)

бугыр-бугыр см. **бугыр** (с. 78)

бук-бук нар.-изобр. сл. мягкий, пушистый (о снеге, пухе); ~ **лымы** пушистый снег (с. 81)

бул-бул просторный, свободный, мешковатый (об одежде) (с. 81)

булыр-булыр нар.-изобр. сл.: ~ **дйсь** широкая одежда (с. 82)

буль-буль звукоподр. бульканию воды буль-буль; ~ **карыны** булькать, клокотать (с. 82)

бульк звукоподр. бултых; ~ **вазе** [вода] булькает; **вуэ** ~ **усиз** бултых в воду упал; **ву шапыкъёс** ~, ~ **вазё** капли воды издают [звук] «бульк, бульк» (с. 82)

булькак звукоподр. булькнув, с бульканьем; бултых; **вуэ куштэм из** ~ **вазиз** брошенный в воду камень упал, булькнув (с. 82)

бультыр звукоподр.; ~ **вазе** булькает, клокочет; ~ **карыны** булькать (с. 82)

булыр, булыр-булыр звукоподр.; ~ **карыса, ву вылэ пулыыос кылдыло** на воде, булькая, образуются пузыри (с. 82)

бурсак, бурсак-бурсак нар.-изобр. сл. густыми клубами (о дыме, паре); ~ **җын потэ** дым валит густыми клубами ◊ ~ **бышкалтыны** внезапно вонзить что-л., пронзить, проткнуть кого-л. (с. 85)

бустыр-бустыр диал. нар.-изобр. сл., выражающее осязательно-выразительный образ очень вспотевшего состояния предмета (стекла и т. д.)

бучи-бучи диал. возглас, которым подзывают утят (с. 86)

быг-быг нар.-изобр. сл. **1.** пухло, мягко, пышно, пушисто || пухлый, мягкий, пышный, пушистый **2.** плотно || плотный, мускулистый; ~ **сйльви́ро адыми** человек с плотной мускулатурой; **мугорыз** ~ **юн** у него плотное (крепкое) телосложение (с. 88)

быгыль, быгыль-быгыль нар.-изобр. сл. полненький, пухленький; **быгыль-быгыль бамъёсыд фольк.** пухленькие твои щёчки (с. 88)

быдтрык-быдтрык нар.-изобр. сл.: ~ **вырыны** 1) суетиться, торопиться 2) вести себя несдержанно (с. 90)

быз-быз нар.-изобр. сл.: ~ **пудоос** откормленный досыта скот; **кӧтэз** ~ **тырыны** наестся до отвала (с. 92)

быз-з звукоподр. 1. плачу ребёнка; **пичи ныл** ~ **бӧрдэ** девочка тихонько плачет 2. жужжанию пчёл, шмелей, оводов; ~ **карыны** жужжать (с. 92)

бызыр-бызыр диал. нар.-изобр. сл., выражающее 1. образ съжившегося, сморщившегося состояния или сильно мёрзлого живого существа 2. образ вступенного живота (с. 92)

бык-бык нар.-изобр. сл., выражающее мягкость, пушистость (с. 92)

быкыр-бекыр нар.-изобр. сл. косо-криво, криво-косо (с. 93)

быле-быле 1. возглас, которым подзывают овец 2. перен. овца (с. 93)

быльк, быльк-быльк нар.-изобр. сл.: ~ **учкыны** вытаращить (выпучить) глаза; **пияш шорам** ~ **учке** мальчик на меня глаза вытаращил (с. 93)

быльыр нар.-изобр. сл.: **синвуосыз** ~ **вияло** слёзы так и катятся, слёзы ручьём бегут (с. 93)

быльырак нар.-изобр. сл.: **синвуосыз** ~ **потйзы** внезапно покатались (появились) слёзы (с. 93)

быльыр-быльыр: **синьёсыз** ~ **вузектйзы** 1) глаза мокры от слёз 2) на глазах выступили слёзы; **ву шапыкьёс** ~ **чиляло** капли воды сверкают; **сьод но горд сутэръёс** ~ **ошиськылэмын** висят, переливаясь капельками, чёрные и красные ягоды смородины (с. 93)

быр-быр диал. звукоподр. грубому, неприятному говору человека (с. 93)

бырвылтк диал. нар.-изобр. сл., выражающее прочность и звонкость (напр. сундука) (с. 93)

бырк-бырк звукоподр. тук-тук; **сюлмыз** ~ **шуккиське** сердце бьётся «тук-тук» (с. 94)

бытьыр: ~ **карыны** свиристеть (о птицах, птенцах) (с. 95)

бычыр-бычыр: ~ **бычыраны (потыны)** 1) бурно распускаться (напр. о листьях, почках) 2) обильно выступать (о поте); литься (катиться) (о слезах) (с. 95)

быш-быш диал. нар.-изобр. сл., выражающее образ мелкого состояния предмета или образ действия, когда чем-л. острым колют (протыкают) мягкие, неплотные предметы (с. 96)

вай-вай: ~ **бӧрдэ ук** 1) очень сильно плачет 2) ведь на самом деле плачет; ~ **йыр виси** сильно (невыносимо) болит голова; ~ **сиськыны** 1) есть с аппетитом 2) есть до отвала; ~ **ужаны** 1) работать с охотой (с удовольствием) 2) работать с душой (с. 99)

вайык-вайык: ~ **ветлыны** *диал.* ходить вразвалку; ходить широко расставляя ноги; ~ **вырыны** *диал.* 1) себя вести нетактично (недостойно) 2) вести себя несдержанно (с. 99)

валь-валь *нар.-изобр. сл.;* ~ **кисьтаське** блестит, переливаясь (с. 104)

вальк, вальк-вальк *нар.-изобр. сл.:* ~ **вольыт сюрес** блестящая гладкая дорога; ~ **йырсиэз маялтйз** погладил гладко причёсанные волосы; ~ **кисьтаське** переливаясь блестит, поблёскивает; **юос** ~ **кисьтасько** хлеба переливаются наливными колосьями (с. 104)

вальтрак, вальтырак *нар.-изобр. сл.:* ~ **лымы усиз** повсюду выпал снег; **сюрес** ~ **луиз** дорога стала [блестяще] гладкой (с. 104)

вальырак *нар.-изобр. сл.;* **юос** ~ **усиллям** хлеба сплошь полегли (с. 104)

вальыр-вальыр *нар.-изобр. сл.;* ~ **сюресэд** гладко укатанная дорога (с. 104)

вар-вар 1. *звукоподр.* с клокотанием; **жук** ~ **пёзе** каша варится с клокотанием **2.** *нар.-изобр. сл.:* ~ **кесяны** изодрать в клочья (с. 108)

веж-веж: **быдэс мугор** ~ **жаде** всё тело ноет от усталости (с. 111)

вез-вез *нар.-изобр. сл.;* ~ **кыллыны** лежать растянувшись; ~ **усыны 1)** упасть плашмя **2)** плюхнуться (с. 111)

век-век: ~ **шоканы** дышать с трудом, задыхаться (с. 112)

вжик-вжик, вжич-вжич *звукоподр. 1.* *звукам косы при косьбе 2.* *звукам при щипании травы гусьями* (с. 118)

вити-вити *возглас, которым подзывают утят, уток* (с. 124)

вогыр-вогыр *нар.-изобр. сл.* шершавый, шероховатый; неровный, негладкий; **сюрес** ~ **луэмын** дорога стала неровной (с. 126)

вожык-вожык *нар.-изобр. сл.:* **интыен-интыен турын** ~ **адскылэ** места-ми трава уже зеленеет (с. 129)

воҷер-воҷер *диал. нар.-изобр. сл.:* ~ **учкылыны** посматривать по сторонам, оглядываться, озираться (с. 137)

вёлак-вёлак *нар.-изобр. сл.:* **йырсиэз** ~ **лёттылэ** волосы дыбом встают (поднимаются) (с. 138)

вёт-вёт *диал. нар.-изобр. сл.* спокойно, беззаботно || спокойный, беззаботный (с. 141)

вёш-вёш *нар.-изобр. сл.:* ~ **кыллыны** лежать распростёршись (растянувшись); ~ **мыныны** идти вразвалку (с. 141)

вучак *звукоподр.* мгновенному глухому стуку; ~ **усыны** упасть навзничь; шлёпнуться *разг.* (с. 146)

вуч-вуч 1. *звукоподр.* клокотанию кипящей густой массы; ~ **пёзыны** кипеть клокоча (*напр. о каше*) **2.** *звукоподр.* глухому гулу при разрыве снарядов;

снарядъёс ~ пуштыло снаряды разрываются с раскатистым гулом \diamond ~ **пуктыны** посадить в калошу (с. 147)

вучыр-вучыр *звукоподр. клокотанию кипящей густой массы*; **жукез ~ пёзе** каша кипит клокоча (с. 147)

вуш-вуш: ~ **пукыны** бездельничать; палец о палец не ударить; сидеть без дела (с. 147)

вийык-вайык *нар.-изобр. сл.:* ~ **ветлыны** ходить покачиваясь (вразвалку); ~ **вырыны** вести себя неуравновешенно (с. 150)

вырт-вырт *звукоподр. биению сердца тук-тук*; **сюлэмыз ~ жугиське (тэтча)** сердце бьётся тук-тук (с. 154)

га-га-га, гагак-гагак *звукоподр. гоготанию гусей га-га-га* (с. 155)

гань-гань: ~ **кыллыны** 1) спокойно лежать 2) лежать нежась; ~ **луыны** 1) отлечь от сердца; успокоиться 2) быть в сладкой истоме; ~ **улыны** жить беззаботно (спокойно) (с. 156)

гапыл-гапыл *диал.:* ~ **юыны** пить большими глотками (с. 156)

гар *см. гар-гар*

гар-гар: ~ **жуаны** гореть с треском; **дйсез ~ пёсьтэмын** одежда [его] совсем износилась; **гадыз ~, дэремез бирдыямтэ** грудь голая, рубаха не застёгнута (с. 156)

гарк *звукоподр. одиночному крику утки, вороны*; ~ **карыны** крикнуть; каркнуть (с. 156)

гарк-гарк *звукоподр. крику утки, вороны*; ~ **карон** криканье; карканье; ~ **карыны** крикать; каркать (с. 156)

гай, гай-гай *нар.-изобр. сл.* прямо; выпятив грудь (*напр. ходить*); ~ **ветлыны (вамышьяны)** 1) ходить (шагать) прямо 2) ходить (шагать) выпятив грудь \diamond ~ **кыллыны** лежать на спине (с. 157)

гебыль-гебыль: ~ **ветлыны** медленно передвигаться; еле ползти; ~ **вырыны** кишеть, кишмя кишеть (*о насекомых, червях*) (с. 157)

гебыр, гебыр-гебыр *нар.-изобр. сл.* тихо, медленно, еле-еле (*идти, передвигаться*); ~ **мыныны** тихо идти, медленно передвигаться; **пересь ~ ветлэ** старик еле-еле ходит; **гондыр сямен ~ мынэ** идёт грузно, как медведь (с. 157)

гембыр *см. гембыр-гембыр* (с. 158)

гембырак *нар.-изобр. сл.;* **машинае пересь ~ кечырскиз** старик грузно влез в машину (с. 158)

гембыр-гембыр *см. гебыр, гебыр-гебыр* (с. 158)

гень-гень: ~ **вырыны** кишмя кишеть (*о насекомых, о червях*); ~ **нумыр** скопище червей (с. 158)

геньыр, геньыр-геньыр: ~ **вырыны** кишеть, кишмя кишеть (с. 158)

гид-гид: ~ **серекьяны** засмеяться (смеяться) переливчатым смехом; без-
удержно смеяться (с. 159)

гизь-гизь 1. нар.-избр. сл.; ~ **зыгыртыны** крепко-накрепко обнять; ~ **сю-
лэм луэ** сердце ноет **2.** звукоподр. ~ **пинь улэ шеде** что-то скрипит на зубах
(букв. крупинка (частичка) попадает на зуб) (с. 160)

гизьыр см. **гизьыр-гизьыр; пиньёсыз** ~ **карыны** 1) скрежетать зубами
2) перен. точить зубы на кого-л. (с. 160)

гизьырак со скрежетом; с хрустом; **пинь улэ маке** ~ **шедиз** на зубах что-
то захрустело (с. 160)

гизьыр-гизьыр звукоподр. *скрежесту, хрусту*; ~ **карыны** скрежетать; хру-
стеть; **пиньёсын** ~ **карыны** скрежетать зубами; ~ **карыса** со скрежетом (с. 160)

гич-гич I *возглас, которым подзывают поросят, свиней чух-чух, рюх-
рюх* (с. 161)

гич-гич II нар.-изобр. сл. крепко-крепко, крепко-накрепко; ~ **гизы керт-
тыны** завязать узел крепко-накрепко; ~ **кизэ кырмыны** крепко пожать ему
(его) руку ◊ ~ **серектыны** от души рассмеяться (с. 161)

гичи-гичи см. **гич-гич I** (с. 161)

гичыр-гачыр звукоподр. *лязганью ножниц*; **качы** ~ **вандэ** ножницы ре-
жут с лязгом (с. 161)

гичыр-гичыр звукоподр. *хрусту животных при жевании травы*: ~ **ка-
рыса турынэз ыжьёс сиё** овцы с хрустом жуют траву (с. 161)

го-го-го звукоподр. *гоготанию гусей го-го-го; га-га-га; ʒазегъёс* ~ **карыса**
кесясько гуси гогочут «га-га-га» (с. 161)

голдыр-голдыр нар.-изобр. сл.; **корказы** ~ **бадзым** их дом очень простор-
ный; **корказы** ~ **буш** их дом совсем пуст (с. 163)

гор см. **гор-гор** (с. 166)

горак звукоподр.; **ваньмыз** ~ **серектйзы** все дружно засмеялись (с. 166)

гор-гор звукоподр.; ~ **серекьян** гомерический смех (хохот); заразитель-
ный смех; ~ **серекьяны** хохотать; без удержу смеяться; заливаться смехом;
заразительно смеяться (с. 166)

гудыр, гудыр-гудыр звукоподр. с грохотом, грохоча; ~ **гудырья** гром гре-
мит; **пушкаос** ~ **гудырьяло** пушки грохочут (с. 170)

гуж 1. звукоподр. *жужжанию пчел*: **мушьёс** ~ **каро** пчёлы жужжат
2. нар.-изобр. сл. дружно, вместе; **ваньзы** ~ **гинэ чош вырзызы** все дружно
тронулись в путь (с. 170)

гули-гули *возглас, которым подзывают голубей гуля-гуля, гуль-гуль* (с. 171)

гуль-гуль *звукоподр. бульканью жидкости при питье, переливании буль-буль* (с. 171)

гулькак: ~ **юины** выпить залпом (с. 171)

гульк-гульк *см. гуль-гуль* (с. 171)

гультыр-гультыр *звукоподр. воркованию голубей гуук-гуук* (с. 171)

гум-гум *звукоподр. шуму, звуку при ударе по железной трубе или другим полым предметам* (с. 171)

гур-гур *звукоподр. воркованию голубей; ~ каре дыдыкед голубь воркует* (с. 173)

гуук-гуук *звукоподр. воркованию голубей* (с. 174)

гыб-гыб *нар.-изобр. сл.; ~ тыбырзэ вешаны ласково похлопывать (хлопать) по спине* (с. 175)

гыж I 1. *звукоподр. шуму; ~ карыны диал. гудеть, шуметь 2. нар.-изобр. сл.: ~ кыскыса поттыны тащить волоком; ~ кыстйськыны тащиться юзом, волочиться; калык ~ вырзиз народ тронулся с места* (с. 175)

гыж-кал *нар.-изобр. сл.; ~ кыскыса нуыны волочить, тащить юзом* (с. 175)

гыж-мыж *см. гыж I* (с. 175)

гызь-гызь *нар.-изобр. сл.; ~ вешаны 1) ласкать от всего сердца 2) ласково хлопать по спине; ~ ужаны работать с желанием* (с. 175)

гыл: ~ **кошкыны** сползти, сползать; ~ **мыныны** скатиться; **калык ~ гинэ** *кошке народ идет гурьбой* (с. 175)

гылк, гылкак: ~ **юины 1)** выпить до конца; осушить до дна 2) выпить залпом (с. 176)

гылым-галым *нар.-изобр. сл. неуклюжий || неуклюже; ~ адями неуклюжий человек; ~ ветлыны ходить вразвалку; ходить, переваливаясь с боку на бок* (с. 176)

гылым-гальым *диал. нар.-изобр. сл. лениво, медлительно, спустя рукава; ~ ужаны работать нехотя* (с. 176)

гып-гып *см. гыб-гыб* (с. 177)

гыр-гыр *диал. нар.-изобр. сл. рассыпчатый, разваристый (о картофеле); ~ картофка* *рассыпчатый (разваристый) картофель* (с. 177)

дамбыр I *звукоподр. грохоту; ~ карыны (поттыны) 1) грохотать, громыхать 2) перен. громко говорить* (с. 179)

дамбырак I *звукоподр. грохоту при падении громоздких предметов с грохотом, со стуком* (с. 179)

дамбыр-дамбыр *см. дамбыр I* (с. 179)

дангыр *см. дынгыр* (с. 179)

дзинь *звукоподр.* звону, бряцанию дзинь; ~ **вазыны** звенеть; **укно пиялаос** ~ **вазё** стёкла окон звенят (с. 183)

дйго-дйго *возглас, которым подзывают гусей* тега-тега (с. 184)

дйн-дйн *нар.-изобр. сл.*; **театр** ~ **калыкен тырмемын** театр переполнен до отказа (с. 184)

дйр-дйр: ~ **вырыны** 1) капризничать; своевольничать 2) вести себя вызывающе (с. 184)

дол *нар.-изобр. сл.*; ~ **вольыт сюрес** гладкая, укатанная дорога; ~ **ёрмыны** очень нуждаться; ~ **карыны диал.** сделать гладким; ~ **номыртэк кылыны** остаться гол как сокол; ~ **сылыны** стоять неподвижно; ~ **учкыны** смотреть, не отрывая глаз; смотреть в упор (с. 185)

домбыль-домбыль *нар.-изобр. сл.* неуклюжий, неповоротливый; толстый || неуклюже, неповоротливо (с. 186)

домбыр-домбыр *звукоподр.* брэнчанию на музыкальном инструменте: ~ **карыны** брэнчать (с. 186)

дурт-дурт *звукоподр.* стуку телеги по тряской дороге стук-стук (с. 192)

дыбыр I *звукоподр.* продолжительному и постоянному стуку, грохоту со стуком, с грохотом; ~ **поттыны** стучать, грохотать (с. 193)

дыбырак I *звукоподр.* одиночному стуку, грохоту со стуком, с грохотом (с. 193)

дыбырак-шалтырак см. **дыбыр-шалтыр** (с. 193)

дыбыр-дабыр I *звукоподр.* падению громоздких предметов с грохотом, с шумом, со стуком; ~ **усиз** упало с грохотом (с. 193)

дыбыр-дыбыр I *звукоподр.* продолжительному стуку, грохоту стуча, грохоча, громыхая; со стуком, с грохотом; **кытын ке** ~ **гудырья** где-то грохочет гром (с. 193)

дыбыр-дык *звукоподр.* стуку колёс тук-тук, стук-стук (с. 194)

дыбыр-йыг *звукоподр.* сильному стуку, грохоту со стуком, с грохотом; ~ **усыны** упасть с грохотом (с. 194)

дыбыр-колтыр, дыбыр-култыр *звукоподр.* глухому стуку, грохоту со стуком, с грохотом (с. 194)

дыбыр-шалтыр *звукоподр.* стуку, грохоту со стуком, с грохотом; ~ **карыны** грохотать, громыхать, стучать; **корка со** ~ **пырыз** он с шумом вошёл в избу; **пукон** ~ **усиз** стул упал с грохотом (с. 194)

дыг-мог, дыго-мого: ~ **луыны** запинаться; ~ **лыдзыны** читать запинаясь; ~ **луонэз уг тодылы** не знает препятствий (затруднений) (с. 194)

дыгыр *звукоподр.* стуку по неровной поверхности: ~ **поттыны** стучать (с. 194)

дыгыр-даг, дыгыр-дыг *звукоподр. стуку колёс по неровной дороге, на стыках рельс тук-тук, стук-стук* (с. 194)

дымбыль-дымбыль *нар.-изобр. сл. неуклюжий || неуклюже* (с. 195)

дымбыр I *звукоподр. грохоту, стуку при езде по мосту, по мостовой, деревянному настилу грохоча, стуча, с грохотом, со стуком; ~ поттыны шуметь, грохотать; выж вылтй уробоез ~ вазе телега грохочет и стучит по мосту* (с. 195)

дымбырак I *звукоподр. однократному грохоту, стуку с грохотом, со стуком* (с. 195)

дымбыр-дамбыр *звукоподр. продолжительному грохоту, стуку с грохотом, со стуком; ~ усыны упасть с грохотом; пуконэз ~ усиз стул с грохотом упал* (с. 195)

дымбыр-дымбыр *см. дымбыр I* (с. 195)

дымбыр-йыг *звукоподр. грохоту, стуку со стуком, с грохотом* (с. 195)

дымбыр-шалтыр *звукоподр. грохоту, глухому стуку: ~ карыны громыхать* (с. 195)

дынгыль-дынгыль *нар.-изобр. сл. пухленький, полненький; бамъёсыз ~ щечки его пухленькие, полненькие* (с. 195)

дынгыр *звукоподр. грохоту, стуку при езде по мерзлой земле с грохотом, со стуком; грохоча, стуча; кын сюрес вылтй уробо ~ вазе телега с грохотом едет по мерзлой дороге*

дынгыр-дангыр *см. дынгыр* (с. 195)

дынгыр-дынгыр *звукоподр. продолжительному грохоту, стуку при езде по мёрзлой земле громыхая, стуча; с грохотом, со стуком* (с. 195)

дынгыр-шалтыр *звукоподр. стуку, грохоту при падении громоздких предметов со стуком, с грохотом* (с. 195)

дыр-дыр I *нар.-изобр. сл.; ~ жуаны сильно гореть; быстро разгораться; ~ куалекъяны сильно дрожать (от холода, от испуга); трястись; кынмеменыз со ~ куалекъя от холода он весь дрожит; сюлмыз ~ жугиське сердце сильно бьётся* (с. 196)

дырк-дырк *звукоподр.; сюлмыз ~ тэтча сердце бьётся учащённо; у него сердце сильно стучит* (с. 196)

дыр-р-р: ~ **куалекъяны** дрожать (*от холода, от испуга*); трястись; **кынмеменыз со** ~ **куалекъя** у него от холода зуб на зуб не попадает (с. 196)

дылк-дялк *нар.-изобр. сл., обозначающее блеск, сверкание; ~ карыны диал. сверкать, блестеть* (с. 197)

жабыль-жабыль *звукоподр. шуму прибоя; ву тулкымъёс ярдуре ~ шуккисько* волны с шумом (грохотом) бьются о берег (с. 205)

жаль-жаль *звукоподр.* обильному дождю, падению воды; ~ **ву вия** обильно льётся вода; ~ **зоре** дождь льёт как из ведра; **синвуэз** ~ **вия (кошке)** слёзы льются ручьём; ~ **виясь ошмесэд – лыз-пурысь валэдлэн юонэз фольк.** вода из журчащего ключа – питьё твоего коня ◊ ~ **котмыны** промокнуть до нитки; насквозь промокнуть (с. 206)

жалък *см.* **жалък-жалък** (с. 207)

жалък-жалък *звукоподр.* шуму воды; **ярдуре ву тулкымьёс** ~ **шуккись-ко** волны с шумом бьются о берег ◊ ~ **зарни ук со** 1) это чистое золото 2) он действительно как золото (с. 207)

жалтыр *звукоподр.* 1. журчанию воды 2. стуку (звону) металлических предметов; ~ **вазыны** 1) журчать (о воде) 2) стучать, звенеть (о металлических предметах) (с. 207)

жалыр *звукоподр.* журчанию воды; ~ **карыса ву бызе** журча бежит вода (с. 207)

жалыр-жалыр *звукоподр.* сильному журчанию воды; ~ **ву бызе** вода бежит, сильно журча ◊ ~ **котмыны** насквозь промокнуть (с. 207)

жаляк *звукоподр.* внезапному всплеску воды; **лэгиськемезлы быдэ пьд улысь-тыз ву** ~ **пазыгиське** при каждом шаге из-под его ног разлетаются брызги (с. 207)

жангыр *звукоподр.* звону, напр. колокола; **гырлы куараос** ~ **вазё** колокола звонко звенят (с. 207)

жангырак *звукоподр.* однократному внезапному (отрывистому) звону металлических предметов, напр. колокола; **корказын ведраос** ~ **вазизы** в сенях послышался звон ведёр; **огпол гинэ гырлы куара** ~ **кыльськиз** только один раз послышался отрывистый звон колокола (с. 207)

жангырак-жангырак *см.* **жангыр** (с. 207)

жангыр-жангыр *см.* **жангыр** (с. 207)

жигыль-жигыль полный, упитанный; ~ **пудоос** крупный, упитанный скот ◊ **ваньзы** ~ **огкадесь** все как на подбор одинаковые (напр. *хорошего качества*) (с. 208)

жигыляк *см.* **жигыль-жигыль** (с. 208)

жи-жи *звукоподр.* звону пилы; **пила** ~ **вазе** пила визжит жи-жи (с. 208)

зар: ~ **бёрдыны** громко (горько) плакать, рыдать, обливаться слезами; ~ **сектаны-утялтыны** *диал.* обильно поить-угощать

жиль-жиль: ~ **кисьмам емышьёс** на подбор спелые фрукты; ~ **кошкыны** почувствовать приятную истому; ~ **огкадесь** все как на подбор (одинаковые); ~ **сортовой тысен кизыны** засеять сплошь сортовыми семенами; **пыдьёсыз** ~ **луизы** ноги подкосились (с. 208)

жильк, **жилькак** *звукоподр.* однократному звону (стуку) металлических предметов; ~ **вазизы жильюс** зазвенели цепи; **маке** ~ **вазиз (кариз)** что-то брякнуло (звякнуло, стукнуло); **кабина ёссэ шофёр жилькак ворсаз шофёр** со стуком захлопнул дверь кабины (с. 208–209)

жильк-жильк I *звукоподр.* 1. звону (стуку) металлических предметов; **шпораосыныз** ~ **шуккылэ** [он] звякает шпорами 2. шуму воды; **ярдуре ву** ~ **шуккиське** вода с шумом бьётся о берег (с. 209)

жильк-жильк II: ~ **огкадесь тысьёс** семена все как на подбор; ~ **прибыль басьтыны** получить чистую прибыль (с. 209)

жильтыр *звукоподр.* 1. звону цепи или металлических предметов с лязгом; со звоном; ~ **вазе** звенит; лязгает 2. журчанию воды (с. 209)

жильтырак *звукоподр.* однократному звону цепи или металлических предметов; **жильы** ~ **усиз** с лязгом упала цепь; **маке** ~ **вазиз** что-то лязгнуло (брякнуло) (с. 209)

жильтыр-жалтыр *звукоподр.* 1. звону цепи или металлических предметов с лязгом, со звоном; ~ **усыны** упасть со звоном (с лязгом) 2. журчанию воды; ~ **ву бызе** ручей журчит (с. 209)

жильтыр-жильтыр *см.* **жильтыр** (с. 209)

жильыр *звукоподр.* журчанию воды журча, с журчанием; **ошмес ву** ~ **бызе** журча бежит ключевая вода (с. 209)

жильыр-жалыыр *звукоподр.* журчанию воды, ручья: ~ **ву ваське** с журчанием бежит вода (с. 209)

жильыр-жильыр *см.* **жильыр** ◊ **быдэс вылтыры ик** ~ **луиз** всё тело охватило приятной истомой (с. 209)

жин *звукоподр.* звону посуды; ~ **вазыны** звенеть, зазвенеть; **тэркы** ~ **пазыгиськиз** тарелка со звоном разбилась вдребезги (с. 209)

жингыр *звукоподр.* звону стеклянной посуды, металлических предметов, звучанию песни; ~ **поттыса кырзало** звонко поют [песни]; **гырлы** ~ **вазе** звонко звенит колокольчик; **кусозэс** ~ **шеро** со звоном точат косы (с. 209)

жингырак, **жингырак-жингырак** *звукоподр.* звону стеклянных и металлических предметов; ~ **гырлыен мыныны** ехать под звон колокольчиков; **пияла, ёс усьтыку**, ~ **кариз** стеклянная дверь при открывании зазвенела; **станканьёс** ~ **вазизы** послышался звон стаканов (с. 210)

жингыр-жангыр, **жингыр-жингыр** *звукоподр.* звону стеклянных и металлических предметов со звоном || звонко; ~ **кылйське гырлы куара** слышен звон колокольчика «динь-динь-динь» (с. 210)

жингыр-куангыр *звукоподр.* звону стеклянных и металлических предметов звеня и дребезжа; **укно пиялаос** ~ **сёриськизы** стёкла окон разбились, звеня и дребезжа (с. 210)

жин-жан *звукоподр.* звону стеклянных и металлических предметов со звоном || звонко (с. 210)

жин-жин *подр.* звону колокольчика динь-динь; дзинь-дзинь; ~ **вазыны** (**шуыны**) звенеть; ~ **куараос** звонкие голоса; ~ **вазе гырлы** колокольчик звенит динь-динь (с. 210)

жин-жон *звукоподр.* динь-бом; **пелы** ~ **вазе** в ушах звенит; **скал кыскись ведраеныз** ~ **каре** доярка звенит ведрами (с. 210)

жин-куан *звукоподр.* звону посуды; **тусьты-табаеныз пёрась** ~ **поттэ** хозяйка гремит посудой (с. 210)

жир: ~ **кесяськыны** кричать во весь голос; пронзительно кричать (с. 210)

жир-жир *см.* **жир** (с. 210)

жич-жич: ~ **кылзыны** слушать внимательно (с. 210)

жомбыль, жомбыль-жомбыль *звукоподр.* *всплеску воды;* ~ **карыны** барахтаться, плескаться (*в воде*) (с. 211)

жомбыляк *звукоподр.* *всплеску воды;* **вуэ** ~ **усиз** бултых упал в воду (с. 211)

жом-жом *нар.-изобр. сл.;* ~ **котмыны** очень сильно промокнуть (с. 211)

жон *звукоподр.* звону колокола, набата, металлических предметов бом-бом; **буш ведра йё борды** ~ **шуккиськиз** пустое ведро со звоном ударило об лёд; **гырлы жугем** ~ **кылийське** слышен звон набата: бом, бом; **йырыз** ~ **вазе** в голове шумит (гудит); **пелы** ~ **шуэ** в ушах звенит (гудит) (с. 211)

жонгыр *звукоподр.* звону, *напр. проводов, телефона;* **пелы** ~ **вазе** в ушах звенит; **телефон** ~ **вазе** телефон звонит (с. 211)

жонгыр-жонгыр *см.* **жонгыр**

жон-жон 1. *см.* **жон 2.:** ~ **кынмыны** сильно замёрзнуть (с. 211)

жульк, жулькак *звукоподр.* *всплеску воды* с плеском, с шумом; **ву чалмытэз куддыр чорыгёслэн** ~ **карыса тэтчамзы сёре** тихую гладь воды иногда нарушает плещущаяся рыба (с. 212)

жульк-жалък *звукоподр.* *шуму прибоя, сильному плеску;* **ву тулкымёс ярдуре** ~ **шуккисько** волны с шумом бьются о берег (с. 212)

жулыр-жалыыр *см.* **жульк-жалък;** ~ **вырыны** барахтаться (с. 212)

жур *звукоподр.* *звуку вращающихся предметов, напр. мотора, юлы;* ~ **берганы** быстро вращаться (*напр. о моторе*) (с. 212)

жикыр-жикыр *звукоподр.* *скрипу, хрусту;* **пыд улын лымы** ~ **вазе** снег хрустит под ногами (с. 214)

жикыр-жуқыр см. **жикыр-жикыр** (с. 214)

жотыр-жотыр: ~ **тйяськыны** ломаться с хрустом; **пыд улын векчи ул-вайёс** ~ **тйясько** под ногами мелкие сучья хрустят (с хрустом ломаются) (с. 218)

зйр нар.-изобр. сл.; ~ **берганы** стремительно вращаться (вертеться) (с. 228)

зйрак I нар.-изобр. сл. круто, резко; ~ **берытскыны** резко повернуться (с. 228)

зйр-зйр см. **зйр**; **пипу куарьёс** ~ **бергаса усылло** осиновые листья падают, кружась (с. 228)

зйр-пар см. **зйр**; ~ **вырыны** суетиться (с. 228)

зугыр: **зугыр-зугыр луыны** сильно зудеть (с. 231)

зуп-зуп: **сюлэм** ~ **жугиське** сердце стучит «тук-тук» (с. 232)

зур: ~ **вазыны** глухо дребезжать; **мугорыз** ~ **куалекъя** тело [его] сильно дрожит; ~ **кузылы** муравей-самец (с. 232)

зур-зур: ~ **кариськыны** вздрогнув, насторожиться; ~ **куалекъяны** сильно дрожать (нар. от холода); ~ **вазыны** глухо дребезжать (с. 233)

зурк, зуркак: ~ **кариськыны (луыны)** 1) вздрогнуть 2) насторожиться ~ **поттыны** вздрогнуть; ~ **кыл вераны** сказать грубость; сказать грубое слово; ~ **кыскаса висыны** нарывать; ~ **кыскыны** резко дёрнуть; ~ **сюрес** тряская дорога; **кышномуртлэн пельпумьёсыз** ~ **вырзизы** плечи женщины вздрогнули (с. 233)

зурк-зурк см. **зурк, зуркак** (с. 233)

зуч-зуч звучный, зычный (о голосе); ~ **куара** зычный голос (с. 233)

зыб, зыбак: **писпу** ~ **пограз** дерево с шумом упало [на землю] (с. 233)

зыб-зыб: ~ **вамышъяны** шагать твёрдой поступью (с. 233)

забыль, забыль-забыль: **вуын** ~ **вырыны** плескаться в воде; ~ **поттыны** 1) плескаться (в воде) 2) чиликать, щебетать (о птицах) 3) перен. тараторить; говорить без умолку; гомонить разг.; **нылкышноос куспазы** ~ **потто** женщины болтают друг с другом; **пинальёс вуын** ~ **потто** ребята плещутся в воде (с. 236)

зазыр-зазыр: ~ **кесяны** рвать в клочья (с. 237)

зйкыр, зйкыр-зйкыр звукоподр. скрипу, нар. телеги, обуви, деревьев; **ёс** ~ **вазе** дверь скрипит (с. 241)

зйкыр-зукыр см. **зйкыр, зйкыр-зйкыр** (с. 241)

зильыр звукоподр. 1. чириканию, щебетанию птиц: **зольгырнос** ~ **каро (потто)** воробьи чирикают; **тылобурдоос** ~ **потто** птицы щебечут 2. журчанию воды: ~ **карыса ву бызе** журча, бежит вода (с. 241–242)

зильыр-вальыр нар.-изобр. сл. журча и переливаясь; ~ **шудыса ошмес** **ву бызе** журча и переливаясь, бежит родниковая вода (с. 242)

зильыр-зильыр см. **зильыр** (с. 242)

җимыль *нар.-изобр. сл.*; **пичи шур** ~ **гинэ бызе** тихо журча, бежит речка (с. 242)

җипык-лапык *нар.-изобр. сл.* скок-поскок; прыг-скок; **луд кеч** ~ **гинэ вуиз** прыг-скок заяц прискакал (с. 242)

җир, **җирак**, **җир-җир** *наречно-изобр. сл.*: ~ **кутыны** заесть, заедать (*напр. верёвку, канат*); **гозыез** ~ **кутэм** заело верёвку (с. 242)

җирк, **җиркак**, **җирк-җирк** *нар.-изобр. сл.*; ~ **возыны** содержать в чистоте (в опрятности); ~ **кутыны** заедать (*напр. верёвку, канат*); **пыд улаз лымы** ~ **вазе** снег хрустит под [его] ногами; **сапегез** ~ **вазе** сапоги [его] скрипят, сапоги [его] со скрипом (с. 242)

җонгыр-җонгыр: ~ **кынмыны** сильно замёрзнуть, околоченеть (с. 243)

җон-җон: ~ **кынтыны** сильно заморозить (с. 243)

җуз: ~ **вир карыны (потгыны)** избивать до крови; ~ **вир кошкыны (луыны)** истекать кровью; ~ **вияны** обильно течь; **пёсямез** ~ **ваське** пот льёт градом (с. 244)

җуз-җаз *см. җузыр-җазыр* (с. 244)

җузыр 1. см. җуз 2. см. җузыр-җазыр (с. 244)

җузыр-җазыр *нар.-изобр. сл.*: ~ **кесяськыны** изорваться в клочья (в лохмотья); **җёккышет дур** ~ **луэм** края скатерти превратились в бахрому (с. 244)

җузыр-җузыр 1. см. җуз 2. см. җузыр-җазыр; **вылтыры** ~ **луэ** мурашки по телу бегают (с. 244)

җуқыр *звукондр. скрипу, напр. телеги, обуви, деревьев: ёс* ~ **вазе** дверь скрипит; **тэкигамтэ уробо** ~ **вазе** немазаная телега сильно скрипит (с. 245)

җуқырак, **җуқырак-җуқырак** со скрипом; ~ **вазыны** скрипнуть (с. 245)

җуқыр-җақыр, **җуқыр-җуқыр** *см. җуқыр* (с. 245)

җур: **коньы** ~ **карыса кызэ тубе** белка, издавая скрипучие звуки, поднимается на ёлку (с. 245)

җур-җур *см. җур* (с. 245)

җурк, **җурк-җурк** *звукондр. скрипу снега, сапог: пыд улын лымы* ~ **вазе** снег скрипит (поскрипывает) под ногами; **сапегез җурк-җурк вазе** [его] сапоги поскрипывают; [у него] сапоги со скрипом (с. 245)

җурккы: ~ **учкыны** уставиться, пристально смотреть, глядеть неосмысленно (с. 245)

җустыр-җастыр, **җустыр-җустыр**: ~ **луыны** превратиться в лохмотья; изодраться в лоскутья (с. 245)

җыз, **җыз-җыз 1. звукондр. жуужжанию насекомых (напр. мух); кутъёс** ~ **каро** мухи жуужжат **2. диал. неподвижно**; ~ **сылыны** стоять неподвижно (с. 246)

зымыр-кепыр: ~ вайыны стыдиться, стесняться; **солы** ~ **потэ** ему стыдно (с. 247)

зырт, зырт-зырт: ~ кезыт луыны резко похолодать; ~ кезыт төл пронзительный ветер (с. 247)

икак: ~ **луыны (потыны)** 1) захватывать дух 2) *диал.* задыхаться от многолюдства, от безысходного положения; **сюлэм** ~ **луэ** 1) дух захватывает 2) сердце радуется; **пичи пи шумпотэменыз** ~ **луиз** от радости у мальчика дух захватило (с. 251)

икак-икак см. **икак** (с. 251)

икыр-кукыр искривлённый, кривой, косой, неровный || криво, косо, неровно (с. 251)

йыг *звукоподр. одиночному стуку, удару о твёрдый предмет* стук; ~ **карыны** произвести стук; стукнуть; стучать; ~ **лэгыны** топнуть; **маке** ~ **вазиз** что-то громко стукнуло; **ёсэз** ~ **ворсаз** он со стуком захлопнул дверь; **пыдыныз** ~ **лэгиз** он топнул ногой (с. 263)

йыгак см. **йыг**; **ёсэз** ~ **ворсаса потйз** он вышел, со стуком захлопнув [за собой] дверь (с. 263)

йыг-дым *звукоподр. стуку, удару о твёрдый предмет* стук, бряк; ~ **поттыны** стучать, грохотать; **быдэс нунал** ~ **кылйське** целый день только и слышится «стук-стук»; **маке** ~ **вазыса усиз** что-то с грохотом упало (с. 263)

йыг-йыг 1. *звукоподр. стуку (удару)* стук-стук; ~ **йыгаськыны** настойчиво стучать; сильно стучать; **сюлмыз** ~ **йыгаське** сердце стучит «стук-стук» 2. стойко, твёрдо, устойчиво, прочно, крепко; ~ **думыны** прочно привязать; ~ **сылыны** твёрдо (крепко) стоять; стойко держаться ◊ **пыдйылаз** ~ **султйиз** он прочно встал на ноги (с. 263)

йыгыр-йыгыр 1. *нар.-изобр. сл. – о шероховатой поверхности:* **кынтылэм бере сюресъёс** ~ **луизы** после заморозков дороги стали неровными (*букв. шероховатыми*) 2. *звукоподр. шуму с шумом;* ~ **ворттылыны** бегать (носить) с шумом (с. 263)

калтыр-калтыр: ~ **луыны** 1) сильно устать, изнемогать, обессилеть 2) сильно проголодаться (с. 276)

кар-кар *звукоподр. карканью вороны* кар-р-р; **куака** ~ **каре** ворона каркает «кар-р-р» (с. 283)

кать-кать: ~ **серекьяны** смеяться от души (с. 286)

кеж-кеж: ~ **кёс турын** пересохшее сено; ~ **куасьмыны** пересохнуть; ~ **кызон** сухой кашель; ~ **серекьяны** смеяться от души (с. 288)

кеж-муж: ~ **вырыны** суетиться (с. 288)

кежыр *звукоподр. хрусту сухих предметов (напр. сучьев, сухарей): ~ вазыны* хрустеть (с. 288)

кежыр-кежыр сильно хрустящий; ~ **кӧс турын** очень сухое сено; ~ **сиыны** есть с хрустом; **пыд улын лымы** ~ **вазе** снег сильно хрустит под ногами (с. 288)

кер-кор: ~ **вазыны** дребезжать (*напр. о пиле – при распиловке твёрдой древесины*); ~ **шоканы** хрипло дышать, хрипеть (с. 294)

кер-кур: ~ **поттыны** 1) поднимать шум-гам; шуметь, галдеть 2) ссориться ~ **шоканы** 1) хрипло дышать, хрипеть 2) храпеть (с. 294)

кер-нор: ~ **поттыны** поднимать шум-гам, шуметь (с. 294)

кызыр-позыр витой, свилеватый (*о дереве*); ~ **писпу** свилеватое дерево (с. 301)

кызыр-пазыр врассыпную; ~ **пегзыны** побежать врассыпную (с. 301)

кильтыр-куальтыр *звукоподр. переливанию воды, урчанию в животе, падению мелких предметов*; **кӧтам** ~ **вазе** в животе урчит \diamond ~ **вырыны** 1) непристойно вести себя 2) зазнаваться (с. 302)

кильыр-кильыр: ~ **килялоз но пужым гинэ кильёсыд фольк.** тихо шурша, прозвучат на ветру чешуйки сосновой коры (с. 302)

кингыль-конгыль 1. витой; свилеватый (*о дереве*) 2. вразвалку (*о походке*); шатаясь (с. 302)

кисйн-куасйн, кисйн-кусйн: ~ **карыны** 1) согнуть вчетверо 2) скомкать; ~ **куасалтыны** 1) согнуть вчетверо 2) *перен.* согнуть в дугу (с. 304)

кис-куань *звукоподр. писку, визгу щенят (собаки)*; ~ **карыны** скулить, пищать; **кучапиос** ~ **каро** щенята скулят (с. 304)

кисмыль-куасмыль: ~ **луыны** разомлеть (*от жары*); обессилеть (*от болезни*) (с. 304)

кисмыляк: ~ **пограны** обессилев, упасть (с. 304)

кисыр-кисыр 1. морщинистый, сморщенный 2. прокисший 3. *перен.* размякший, ослабший (с. 305)

кит-кит: ~ **серекьяны** смеяться переливчатым смехом (с. 306)

кич-кич *диал. возглас, которым подзывают свиней* (с. 307)

кичыл-вычыл *нар.-изобр.сл., указывающее на действие шатающегося предмета (вещи) туда-сюда, из стороны в сторону* (с. 307)

кичыль-качыль *нар.-изобр. сл.* с боку на бок (с. 307)

кичырак-кичырак, кичыр-кичыр *звукоподр. хрусту при жевании травы (сена)*; ~ **карыса сыске** жуёт с хрустом (с. 307)

кичыр-мечыр *нар.-изобр. сл.*; **ымнырез** ~ **карыны** гримасничать; **кымысэз** ~ **карыны** морщить (сморщить) лоб (с. 307)

кичыр-кочыр *звукоподр. стрекоту сороки; кочо ~ каре* сорока стрекочет (с. 307)

кичыр-кучыр *см. кичыр-кочыр* (с. 307)

клён: йыр ~ вазе шумит в голове (с. 308)

клён-клён *звукоподр. карканью ворона; кырныж ~ кесяське* ворон каркает (с. 308)

клок-клок *звукоподр. квохтанью (клохтанью) курицы-наседки* (с. 308)

ко-ко-ко *звукоподр. клохтанью куриц* (с. 310)

кокорикок *звукоподр. пению петуха кукареку* (с. 310)

кокыр-кокыр худой, как скелет; **урдлыосыз ~ урдскылэмын** одни рёбра торчат (с. 311)

колтыр, колтыр-колтыр *звукоподр. скрипу вращающегося колеса телеги на деревянном ходу или вращению тюрика (трубицы) при мотании на него (нее) пряжи; ~ вазэ уробо колёсаосыз* колёса его телеги скрипят (с. 313)

кольтыр-кольтыр 1. см. кольыр-кольыр 2. очень жидкий (*напр. о супе, о компоте*) (с. 313)

конгыль кривой, косою || криво, косо; ~ **ветлыны** ковылять (с. 315)

конгыль-конгыль криво-косо (с. 315)

конгыль-шенгыль: ~ вераськыны шепелявить; сюсюкать (с. 315)

корк-корк 1. *звукоподр. грубому (громкому) кашлю; ~ кызыны* громко кашлять **2.** *звукоподр. стуку, топоту каблуков, дребезжащему звуку; ~ вазыны* стучать; ~ **ветлыны** ходить, стуча каблуками; ~ **пу кораны** колоть сырые дрова **3.** *нар.-изобр. сл.; ~ кынмыны* застыть (замёрзнуть) комками (с. 320)

кор-кор *звукоподр. глухому дребезжащему звуку; пила куара, улэз вандыку, ~ вазе* при пилке сучка дерева пила дребезжит (с. 320)

коста-роста *диал. нар.-изобр. сл.; чили-били синмыз, ~ бамыз* заг. глаз просвечивающий (мелкий), а щёчки притягивающие (**пуж** решето) (с. 322)

кот-кот-котйк *звукоподр. кудахтанью курицы «куд-кудах»* (с. 323)

кёж-кёж *звукоподр. хрусту; ~ вазе* хрустит (327)

крок-крок *звукоподр. карканью вороны «кар-кар»* (с. 334)

кром-кром *звукоподр. хрусту при пережёвывании корма «хруп-хруп»* (с. 334)

кроч-кроч *звукоподр. хрусту при пережёвывании; куака ~ кокчаса* **ня-нез** сииз ворона с хрустом съела хлеб (с. 334)

куаж *см. куаж-куаж* (с. 335)

куаж-куаж *звукоподр. 1. скрипучему крику коростеля; куажы ~ кесяське* сильно кричит коростель **2.** *хрусту при еде или хрусту сухих хрупких пред-*

метов «хруст-хруст»; **пыдулын** ~ **вазе** под ногами хрустит ◊ ~ **сиыны** есть с аппетитом; ~ **ужаны** работать с настроением (с. 335)

куажыр *звукоподр. скрипу, хрусту*; ~ **вазыны** скрипеть, хрустеть; **пыдулын лымы** ~ **вазе** снег хрустит под ногами (с. 335)

куажырак с треском, с хрустом; **пул** ~ **чигиз** доска с треском переломилась (с. 335)

куажыр-куажыр *см. куажыр* (с. 335)

куал-куал *нар.-изобр. сл.*; ~ **вераськыны** вдоволь поговорить, наговориться; ~ **корка пушсы** в их доме просторно; **паськыт возь** ~ **турнамын** широкий луг начисто выкошен (с. 336)

куалтырак *звукоподр.* с шумом, с треском (с. 336)

куальк *звукоподр. шуму бьющихся предметов*; **пу тусьты** ~ **пилиськиз** деревянная чаша с треском раскололась ◊ ~ **кобы** пустомеля, говорун (с. 336)

куальк-куальк **1.** *звукоподр. лаканью*; ~ **сиыны** лакать **2.** *нар.-изобр. сл., характеризующее питьё алкогольных напитков (несдержанно)*; ~ **юыны** 1) уходить в запой 2) пить в неограниченном количестве (с. 336)

куан-куан: ~ **вераськыны** 1) поговорить от души 2) поделиться радостями; ~ **ужаны** работать с наслаждением (с. 337)

куань-куань *звукоподр. скулёжу, визгу, писку щенят, собак*; **кучапиос ~ каро** щенята скулят (с. 337)

куарк-куарк *звукоподр. крику вороны*; **куака** ~ **кесяське** ворона каркает (с. 338)

куать-куать *звукоподр. крику перепела*; **бөдөно** ~ **куатьыртэ** перепел кричит (с. 340)

куай-куай *нар.-изобр. сл.*; ~ **вандыны** с хрустом отрезать; ~ **сиыны** уpletать за обе щеки (с. 340)

куаш-куаш *нар.-изобр. сл.*; ~ **вераськыны** поговорить по душам (с. 341)

куаштыр *звукоподр. шороху, шурианию шелесту*; ~ **карыны** шуришать, шелестеть ◊ ~ **валес** соломенный матрац (с. 341)

куж-муж *звукоподр. гудению, шуму*; **мушьёс** ~ **каро** пчёлы беспокойно гудят (с. 343)

кузьыр *нар.-изобр. сл., характеризующее нить, лому (о болу)*; ~ **кошкыны (луыны)** мозжить, нить, ломить; **кны** ~ **карыса вице** рука ноет (с. 345)

купыр-купыр *нар.-изобр. сл., характеризующее съёжившееся (согнувшееся, сморщившееся) состояние предмета (человека)*; ~ **куасалскыны** согнуться в три погибели, сильно сгорбиться; ~ **шымырскыса куасьмыны** сморщившись засохнуть (с. 354)

кур-кур нар.-изобр. сл.; ~ **кѳт сюманы** сильно проголодаться, сильно захотеть есть (с. 356)

куч-куч: ~ **турнаны** косить с большим желанием (от души) (с. 362)

кучым-кучым диал. нар.-изобр. сл.; ~ **вандылыны** резать на куски, кромсать (с. 362)

кучырак-кучырак нар.-изобр. сл.; ~ **учкылыны** посматривать время от времени (с. 362)

кучыр-кучыр нар.-изобр. сл.; ~ **учкыны** зорко (внимательно) смотреть (с. 362)

кучѳр-вочѳер: ~ **адзыны** рябить в глазах; ~ **син адѳе** в глазах рябит (с. 363)

кучык-кучык звукоподр. *икоте, кудахтанью кур, стрекотанию сороки* (с. 363)

кыж-куаж звукоподр. *скрежетанию металлических предметов*; **корт листьѳс** ~ **вазѳ** со скрежетом тянутся железные листы (с. 366)

кылтыр-куалтыр 1. звукоподр. *падению предметов* с шумом, с треском 2. диал. пластиковая бутылка (с. 373)

кынгыль-конгыль 1. извиваясь, зигзагами; ~ **сюрес кошке** дорога идёт извиваясь 2. переваливаясь с боку на бок, вразвалку; ~ **вамышьяса мынѳ** [он] идёт, переваливаясь с боку на бок 3. кривой; свилеватый; ~ **корьѳс** свилеватые брѳвна (с. 376)

кыр-кыр звукоподр. *крику чѳрного дятла*; ~ **кесяське съѳдкыр** громко кричит чѳрный дятел (с. 378)

кырыж-мерыж 1. криво-косо, вкривь и вкось 2. *перен.* искажѳнно, неправильно (с. 379)

кыш 1. *возглас, которым пугают, отгоняют птиц, напр, кур* кыш-кыш 2. *перен.* марш, вон (*отсюда*); ~ **татысь!** вон отсюда! (с. 383)

кыштыр II звукоподр. *тихому шороху, шелесту, шурианию (напр. листьѳев)*; ~ **карыны** шуршать, шелестеть (с. 384)

кыштырак II звукоподр. *мимолѳтному шороху, шелесту, шурианию*; **маке** ~ **кылыськыз** что-то прошуршало (с. 384)

кыштыр-куаштыр звукоподр. *шороху, шелесту*; ~ **карыса** с шорохом; ~ **карыны** шуршать, издавать шорох (с. 384)

лабрак: ~ **карыськыны** присесть, наклониться; ~ **луыны** обессилеть; ~ **луыса пуксьыны** обессилев, сесть (с. 385)

лабыр нар.-изобр. сл.: ~ **вераськыны** шумно разговаривать; ~ **поттыны** шуметь; **шыд** ~ **пѳзе** клокоча, кипит суп (с. 385)

лабырак см. **лабрак** (с. 385)

лабыр-лабыр см. **лабыр** (с. 385)

лазь-лазь 1. развесистый, раскидистый (*о деревьях, кустарниках*); **кызь-пу вайёссэ** ~ **лэзьям** берёза распустила свои раскидистые ветви **2.** окладистый (*о бороде*); ~ **тушо** с окладистой бородой (с. 387)

лакыр-лакыр 1. *звукоподр. хрусту, треску*; ~ **вазыны** сильно хрустеть (*о высохшей шкуре, бумаге*) **2.** *нар.-изобр. сл., характеризующее изношенное состояние предмета*; ~ **пöсьтыны** совсем износиться (*об одежде, обуви*); ~ **пöсьтэм дйськут** сильно изношенная одежда (с. 387)

ланг-ланг, лангыр-лангыр *звукоподр. звону колоколов со звоном* (с. 387)

лань-лань *нар.-изобр. сл.*; ~ **вамышьяны** шагать неторопливо (медленно); ~ **ветлыны** ходить вразвалку (с. 388)

ланьыр-ланьыр: ~ **луыны** обессилеть, обмякнуть, ослабнуть (с. 388)

лап-лап II: ~ **дэриетй ветлыны** ходить, шлёпая по грязи; шлёпать по грязи (с. 389)

лапыр *звукоподр. 1. шуму крыльев, шелесту развевающихся знамён с шумом, с шелестом 2. бурлению, бульканью жидкости при кипении бурля, булькающая 3. хрусту снега под ногами* (с. 389)

лапыр-лапыр *см. лопыр*; ~ **турын** густая трава (с. 389)

лар I *звукоподр. блянию овец* (с. 390)

лар-лар: **дйсез** ~ **серекьяны** громко смеяться, хохотать; ~ **кесяськемын** одежда изодрана в клочья (с. 390)

лать-лать: ~ **вамышьяны** идти вразвалку; шагать размашисто, широко (с. 390)

лачыр *звукоподр. с треском, треща*; ~ **карыны** трещать (с. 391)

лаш: ~ **усыны** упасть с шумом; шлёпнуться (с. 391)

либырак: ~ **луыны 1.** обессилеть, ослабнуть; подкоситься (*о ногах*) **2.** вздрогнуть (с. 395)

либыр-либыр: ~ **луыны** обессилеть, ослабнуть; подкоситься (*о ногах*); **быдэс мугор** ~ **луиз** всё тело ослабло; **пыдъёс** ~ **луизы** ноги подкосились (с. 395)

лики-ляки расхлябанно, шатко, непрочно, неустойчиво || расхлябанный, шаткий, непрочный, неустойчивый (с. 395)

лик-лик *нар.-изобр. сл.*; ~ **луыны** обессилеть, ослабнуть; ~ **серекьяны** смеяться от души; **суй-пыдъёс** ~ **луизы** руки-ноги опустились (с. 395)

ликыр-лякыр *нар.-изобр. сл.*; ~ **вырыны** шататься; ~ **луыны 1)** расшататься **2)** ослабеть, обессилеть; **пуконэз** ~ **выре** стул шатается (с. 395)

лоп хлоп (с. 398)

лоп-лоп хлоп-хлоп (с. 398)

лоптыр, лоптыр-лоптыр 1. широкий, мешковатый (*об одежде*); свободный (*об обуви*) **2.** *см. лопыр* (с. 398)

лопыр *звукоподр.* **1.** шуму крыльев, шелесту развевающихся знамён с шумом, с шелестом **2.** бурлению, бульканью жидкости при кипении бурля, булькающая **3.** хрусту снега под ногами (с. 398)

лопыр-лопыр *см. лопыр* (с. 398)

лорк, лоркак *нар.-изобр. сл., выражающее резкое движение, дёрганье или прерывистое биение пульса:* ~ **кыскыны** резко дёрнуть; **лорк-лорк кысканы** 1) резко дергать 2) биться отрывисто (*о пульсе*)

лорк-лорк *нар.-изобр. сл., выражающее резкое движение, дёрганье или прерывистое биение пульса:* ~ **кысканы** 1) резко дергать 2) биться отрывисто (*о пульсе*) (с. 399)

лор-лор: ~ **серекьяны** громко смеяться; гоготать *разг.* (с. 399)

лорс *звукоподр. внезапному хрусту, треску:* **улвай** ~ **карыса чигиз** ветка с треском отломилась; **чиньыез** ~ **вазиз** палец хрустнул (с. 399)

лосрак *см. лосырак* (с. 399)

лосыр *звукоподр. хрусту, треску с хрустом, с треском;* ~ **вазыны (карыны)** хрустеть (*о суставах*); трещать (*о сучьях*) (с. 399)

лосырак *звукоподр. внезапному резкому треску сучьев, хрусту суставов с треском, с хрустом;* ~ **чигыны** с треском разломиться (с. 399)

лõбыр пушистый; рыхлый; **лõсьяськись ыжгон** пушистая, волнистая шерсть (с. 399)

лõбырак: **лõбырак жужйыны** хорошо подняться (*о тесте*)

лõбыр-лõбыр *см. лõбыр* ◊ ~ **вырыны** *перен.* вести себя хвастливо, хвастаться (с. 399)

лõж-лõж *диал.* не торопясь, спокойно; ~ **вамьшгяны** шагать спокойно (с. 400)

лõй-лõй спокойно, уверенно (с. 400)

лõс-лõс I волнистый; ~ **йырси** волнистые волосы ◊ **чын** ~ **лõсьяське** дым расстилается клубами (с. 401)

луги-лаги, лугыр-лагыр **1.** истрёпанный, оборванный || оборванец **2.** мелюзга (с. 401)

лугыр-лугыр *нар.-изобр. сл.;* ~ **вырыны** беспокойно шевелиться (двигаться); **мыйыкез** ~ **выретыны** поводить усами (с. 401)

лузь-лузь *нар.-изобр. сл., выражающее изношенность, растрёпанность, излишнюю длину одежды;* **дйсез** ~ **ошиськемын** одежда на нём повисла (с. 402)

лук-лак **1.** небрежно || небрежный; ~ **карон** небрежное (недобросовестное) отношение (выполнение); ~ **карыны** 1) выполнить небрежно (недобросовестно) 2) скомкать; ~ **луыны** стать небрежным (неряшливым) **2.** неуклюже || неуклюжий; ~ **ветлыны** ходить неуклюже; **сое** ~ **ветлемезья тодмалод** его

можно узнать по неуклюжей походке ◊ **ыжъёсты кионъёс** ~ **кариллям** волки задрали овец (с. 402)

лук-лук: **1.** ~ **жугиськыны** биться, стучать (*о сердце*); ~ **котмыны** промокнуть до нитки; ~ **кысканы** нарывать; **сиолмыз** ~ **жугиське** сердце его стучит «тук, тук» (с. 402)

луқыр-лақыр **1.** ветхий, изношенный, подержанный **2.** неряшливый (с. 402)

луқыр-луқыр *диал.*: ~ **пересьмыны** очень сильно состариться (с. 402)

луп-луп *см.* **лук-лук** (с. 405)

лупыр-лупыр *см.* **луқыр-лақыр** (с. 405)

лурс: ~ **карыны** **1.** трещать, скрипеть; потрескивать (*в огне*), хрустеть (*о песке*) **2.** хрустеть, шуршать (*о тафте, бумаге*) **3.** хрустеть (*о суставах*) **4.** трещать, стрекотать (*о пулемёте*) **5.** трещать по всем швам, распадаться (с. 405)

лусьтыр-лусьтыр **1.** лохматый, взлохмаченный; ~ **луыны** стать лохматым, взлохматиться **2.** оборванный (с. 405)

луть-лать *нар.-изобр. сл.*; ~ **ветлыны** ходить вразвалку; ~ **эктыны** медленно и неуклюже плясать (с. 405)

луть-луть: ~ **ветлыны** ходить не спеша (медленно); ~ **котмыны** промокнуть до нитки (с. 405)

лызык-лызык *диал. нар.-изобр. сл.* медленно, кое-как, еле-еле; ~ **мыныны** тащиться, ёле-ёле волочить ноги (с. 408)

лынгыр-лангыр *звукоподр. разноголосому звону колокольчиков*: **скал гырлыос** ~ **вазё** разноголосо звучат колокольчики [на шее] коров (с. 409)

лыныыр-ланьыр *нар.-изобр. сл., выражающее ветхое состояние предметов или неровную походку человека*: ~ **ветлыны** ходить вразвалку; ~ **луыны** 1) обветшать 2) *перен.* обессилеть; ~ **пограны** упасть, растянуться (с. 409)

лып **1.** *нар.-изобр. сл.*; ~ **кариськыны** успокоиться **2.** *звукоподр. слабому (глухому) стуку*; **пыдыныз** ~ **лёге** топ ногами (с. 409)

лып-лап *нар.-изобр. сл.* вразвалку; ~ **ветлыны** ходить вразвалку (с. 409)

лып-лып **1.** *нар.-изобр. сл.*; ~ **жадыны** устать до изнеможения; ~ **луыны** успокоиться, утихомириться; **вал** ~ **вамышья** лошадь идёт спокойно, размеренно **2.** *звукоподр. слабому (глухому) стуку*; **пыдзэ** ~ **лёгылэ** ногами топ-топ (*в такт чему-л*) (с. 409)

лыпыр-лопыр **1.** *звукоподр. шуму крыльев (при полёте)*; ~ **лобзыны** лететь, хлопая крыльями **2.** *нар.-изобр. сл.* неуклюже вразвалку; **со** ~ **ветлэ** он ходит неуклюже (с. 409)

лыр *нар.-изобр. сл., выражающее произвольное дрожание мускулов тела*; **пыдьёсыз** ~ **куалекъяло** ноги так и дрожат (трясутся) (с. 409)

лырк-лырк *звукоподр. умеренному биению пульса, сердца* стук-стук; **сюлэмыз** ~ **жугиське** сердце его стучит «стук-стук» ◇ ~ **вортгыны** трусить, ехать рысцой (трусцой) (с. 409)

лыч-лач *звукоподр. шлепкам и ударим кнута, пощечины;* ~ **чапкылыны** давать пощёчины (с. 410)

лэй-лэй спокойно, уверенно; ~ **вамышьяса мыныны** шагать спокойно, уверенно (с. 412)

лэр-вай *диал. нар.-изобр. сл. солэн ымыз* ~ **усьгійськиз** у него непроизвольно раскрылся рот (с. 412)

люгыр кучно, скученно; **ыжьёс** ~ **ветло** овцы передвигаются кучно (с. 414)

люгыр-лягыр *см. ликыр-лякыр* (с. 414)

люр-люр *звукоподр. чириканью птиц* (с. 416)

люр-ляр 1. *звукоподр. блянию овец (коз), чириканью птиц и т. д.;* ~ **карыны** галдеть, шуметь **2.** *нар.-изобр. сл. вразброд, беспорядочно* (с. 416)

мась-мась *возглас, которым подзывают свиней* чух-чух (с. 424)

ме-е-е *звукоподр. блянию овец* (с. 428)

мечыр, мечыр-мечыр *нар.-изобр. сл. дыбом, торчком;* **йырсиосыз** **мечыр-мечыр** **луизы** волосы поднялись дыбом (с. 432)

мылык-мылык *нар.-изобр. сл.;* ~ **синкыли потыны** налиться слезами (о глазах); ~ **учкыны** смотреть, выпучив глаза; смотреть в упор (с. 450)

нагыль-нагыль *нар.-изобр. сл. голышом:* ~ **гольык** совсем (совершенно) голый; нагишом; ~ **кылыськыны (кариськыны)** обнажаться, обнажиться; раздеваться (раздеться) догола; ~ **кылыны** остаться ни с чем (*букв. остаться голым*) (с. 454)

нагыляк *см. нагыль-нагыль* (с. 454)

нажак *нар.-изобр. сл.;* ~ **карыны** с хрустом раздавить (придавить, сплющить); ~ **пачкатыны** с хрустом придавить (прижать) (с. 454)

наж-наж *см. нажак* (с. 454)

назь-назь *нар.-изобр. сл.;* ~ **нёд** липкая грязь; **нёдэз** ~ **лэганы** месить липкую грязь; ~ **паньгатыны тараканэз** раздавить таракана (с. 454)

напыр-напыр *нар.-изобр. сл. густой;* ~ **луыны** загустеть, сгуститься (с. 456)

нач-нач *диал. нар.-изобр. сл. плотно* (458)

нач II *нар.-изобр. сл.;* ~ **усьыны** шлёпнуться; упасть плашмя (с. 458)

нашыр-нашыр *нар.-изобр. сл. сплошь* (с. 458)

некыль-некыль *нар.-изобр. сл., характеризующее сплющенное состояние предмета;* ~ **карыны** раздавить; сплющить; ~ **луыны** раздавиться; сплющиться (с. 460)

непыль-непыль нар.-изобр. сл., характеризующее жидкое, мягкое состояние предмета; ~ **дэри** жидкая грязь; ~ **карыны** размягчить, разжидить, сделать жидким; ~ **луыны** размягчиться, разжидиться, стать жидким (с. 461)

ниж-няж нар.-изобр. сл. **1.** медленно, не торопясь; кое-как, еле-еле (идти, передвигаться) **2.** протяжный, тихий; ~ **куара** тягучий голос; ~ **куараен вераськыны** говорить протяжным (тихим) голосом ◊ ~ **кызыпу** плакучая берёза (с. 463)

нижыр-няжыр см. **ниж-няж**

никыр-някыр нар.-изобр. сл. **1.** слабый, неокрепший, нетвёрдый (о голове) **2.** шаткий, раскачивающийся; ~ **выж** шаткий мост (с. 463)

нис-куань нар.-изобр. сл. писк, визг; ~ **карыны** пищать, визжать, скулить (напр. о собаке) (с. 465)

нис-нис см. **нис-куань** (с. 465)

но-о возглас, которым понукают лошадь но-о, но; ~, ~, **вамышты жоггес** но-о, но-о, шагай побыстрее (с. 467)

норс звукоподр. хрюканью поросёнка, свиньи «хрю, хрю, хрю»; ~ **карыны** хрюкать; **парсьпи** ~ **каре** поросёнок хрюкает (с. 467)

норс-норс см. **норс** (с. 468)

нуй, нуй-нуй нар.-изобр. сл., характеризующее тягучее, вязкое состояние предмета; ~ **кыстйськись** очень тягучий (с. 469)

нур-нур: ~ **пöзыны** 1) развариться 2) сильно (клокоча) кипеть (с. 471)

нурс см. **норс** (с. 471)

нурс-нурс см. **норс-норс** (с. 471)

нуч-нуч нар.-изобр. сл.; ~ **вамышьяса мынэ** он (она) уверенно шагает; ~ **секыт** увесистый, тяжёлый; ~ **ужа** он (она) старательно работает (с. 471)

нуш-нуш см. **нуч-нуч** (с. 471)

ныг-ныг нар.-изобр. сл. **1.** крепко || крекий, здоровый; **пияш** ~ **будэм ини** мальчик уже вырос (окреп) **2.** кругленький, пухленький; ~ **парсьпи** пухленький поросёнок (с. 472)

ныгыль-нагыль, ныгыль-ныгыль полный, упитанный, откормленный; ~ **парсьпиос** упитанные (откормленные) поросята (с. 472)

ныгыляк полный, упитанный, откормленный (с. 472)

ныс-ныс нар.-изобр. сл.; ~ **зынъяськыны** 1) обнюхивать (напр. о кошке, собаке) 2) высматривать; вынюхивать разг.; ~ **изыны** спать спокойно; спать сладким сном; **нырзэ** ~ **кыска** шмыгает носом (с. 475)

нылым-нялым нар.-изобр. сл. **1.** ослизлый, скользкий **2.** ленивый, медлительный || лентяй; ленивец (с. 477)

нымыль-нымыль см. **нюмыль-нюмыль** (с. 477)

НЬЫМЫЛЬ-НЯМЫЛЬ см. **НЮМЫЛЬ-НЯМЫЛЬ** (с. 477)

НЬЫШ-НЯШ нар.-изобр. сл. медленно, еле волоча ноги (с. 477)

НЭЖ-КУАЖ звукоподр. с треском, с хрустом; ~ **ТЙЯСЬКЫНЫ** ломаться с треском (с хрустом) (с. 477)

НОЖ нар.-изобр. сл.; ~ **ВЕТЛЫНЫ** ползать; пресмыкаться; угодничать; ~ **КЫСЬКЫНЫ** волочить, тянуть волоком (юзом); ~ **КЫСТЙСЬКЫНЫ** волочиться, тянуться (с. 477)

НОЖЖЫ, НОЖ-КАЛ нар.-изобр. сл. еле-еле, кое-как (*идти, передвигаться, тащиться*); ~ **КЫСТЙСЬКЫНЫ** волочиться, еле тянуться; ~ **МЫНЫНЫ** еле-еле передвигаться; ползти (с. 478)

НОЖМЫЛЬ, НОЖМЫЛЬ-НОЖМЫЛЬ еле-еле, кое-как; нерасторопно, медлительно, лениво (с. 478)

НОЖ-НОЖ нар.-изобр. сл.; ~ **ВЕТЛЫНЫ** ходить размеренно; ходить не торопясь; ~ **КУЗЬ ДЙСЬ** длиннополая одежда (с. 478)

НОЖ-НЯЖ см. **НИЖ-НЯЖ** (с. 478)

НОЖЫР-НЯЖЫР см. **НИЖ-НЯЖ** (с. 478)

НОЛЫШ-НЯЛЫШ нар.-изобр. сл. медленный, медлительный; вялый, нерасторопный || медленно, медлительно, нехотя; вяло, нерасторопно; ~ **ВЕТЛЫНЫ** ходить медленно, вяло, нерасторопно; ~ **КАРЫНЫ** медлить, мямлить; мяться; ~ **УЖАНЫ** проявлять медлительность, вялость (*в работе*) (с. 478)

НЮМЫЛЬ-НЮМЫЛЬ 1. мягкий (*о воде*) 2. ослизлый (с. 479)

НЮМЫЛЬ-НЯМЫЛЬ см. **НЮМЫЛЬ-НЮМЫЛЬ** ◇ ~ **ВЕРАСЬКЫНЫ** мямлить, говорить невнятно (с. 479)

НОШ-ПАШ ползком; карабкаясь (с. 480)

НОШТЫР, НЮШТЫРАК нар.-изобр. сл. 1. ползком; ~ **КОШКЫНЫ** уползти 2. *перен.* тихо, медленно (с. 480)

НОШТЫР-НОШТЫР нар.-изобр. сл. тихо, медленно; ~ **СЬОРАЗ МЫНЭ** медленно ползёт за ним (с. 480)

НОШТЫР-НЯШТЫР см. **НОШТЫР-НОШТЫР** (с. 480)

НЯГЫЛЬ-НЯГЫЛЬ нар.-изобр. сл. наголо, догола; ~ **ЧЫШКЫНЫ** остричь наголо ◇ ~ **КЕЛТЫНЫ** обокрасть (*букв. оставить голеньким*) (с. 480)

НЯГЫЛЯК см. **НЯГЫЛЬ-НЯГЫЛЬ** (с. 480)

НЯПЫЛЬ-НЯПЫЛЬ см. **НЕПЫЛЬ-НЕПЫЛЬ** (с. 481)

ОГЫР-БУГЫР нар.-изобр. сл.; ~ **ВЫРОН** 1) суета, суматоха 2) возбуждённое состояние; ~ **ВЫРЫНЫ** суетиться (с. 489)

ОРСЬ-ОРСЬ звукоподр. *хрюканью свины* «хрю-хрю» (с. 497)

ӨРСЬ-ӨРСЬ *возглас, которым отгоняют свиней* (с. 503)

пазь-пазь: ~ **беризь** раскидистая липа; ~ **ветлыны** бодро шагаты; ~ **луыны** 1) топорщиться 2) растопыриваться; ~ **мыныны** идти в бодром настроении; ~ **улыны** 1) быть бодрым 2) быть в хорошем настроении (с. 506)

пазыл-пазыл: ~ **луыны** разбежаться (разойтись) в разные стороны (с. 506)

пань-пань: ~ **котэм нянь** тесто, расплывающееся во все стороны; ~ **лёганы** раздавить (расплющить) в лепёшку; ~ **паньгатыны** превратить в лепёшку; ~ **табань** пышная лепёшка (с. 512)

паньыр-паньыр: ~ **карыны** раздавить, растоптать; ~ **лёгаскыны** 1) быть растоптанным 2) ходить, мягко ступая (с. 512)

пежыр: ~ **пуксем йырсиос** волосы, стоящие дыбом (торчком); ~ **йырсиос** взъерошенные волосы (с. 518)

пежыр-пежыр см. **пежыр** (с. 518)

пештыр нар.-изобр. сл.: **йырсиосыз** ~ **жутскизы** волосы поднялись дыбом, волосы взъерошились (с. 524)

пештыр-пештыр см. **пештыр** (с. 524)

пигыль-пигыль: ~ **погыльске** кубарем катится (с. 525)

пиёк-пиёк звукоподр. крику сарыча (канюка) (с. 525)

пиле-пиле диал. возглас, которым подзывают ягнёнка (с. 525)

пинь-пинь звукоподр. цвиньканию, пиньканию некоторых птиц (напр. синиц); ~ **карыны** цвинькать; пинькать разг. (с. 527)

пир-пир нар.-изобр. сл., выражающее кружение листьев при листопаде, шелест осиновых листьев; ~ **берганы** легко кружиться; **пипулэн куарьёсыз** ~ **бергаса усьыло** фолькл. листья осины падают, легко кружась (с. 528)

пирыс брысь (возглас, которым отгоняют кошку); ~ **гур вылэ!** брысь на печку! (с. 528)

пис-пис кис-кис (возглас, которым подзывают кошек) (с. 528)

писыр, писыр-писыр: сюзэм ~ луэ сердце щемит (с. 529)

пись-пись 1. возглас, которым подзывают щенят 2. возглас, которым подзывают кошек (с. 529)

питыр нар.-изобр. сл., зрительный образ кружения листьев при падении с деревьев кружась; ~ **бергаса усьыло куарьёс** кружась падают листья (с. 529)

питыр-котыр нар.-изобр. сл. кружась (с. 529)

питыр-питыр см. **питыр** (с. 529)

пле-пле межд. возглас, которым подзывают ягнят и овец (с. 532)

плие-плие см. **пле-пле** (с. 532)

погыль-погыль нар.-изобр. сл. пухлый-пухлый; полный-полный (с. 533)

порс с треском; **кёжы** ~ **пуштйз** гороховый стручок с треском лопнул (с. 539)

посыр *звукоподр. треску, хрусту*; ~ **карыны** издавать треск, трещать (с. 540)
посыр-посыр: ~ **пöзыны** булькать; ~ **сиыны** жадно есть, есть так, что за ушами хрустит (с. 540)

пуж II *нар.-изобр. сл., звукозрительный образ трепыханья рыб в рыболовной снасти или в решете*; ~ **поттыны** трепыхаться (о рыбах) (с. 552)

пульыр-пульыр *нар.-изобр. сл., подражание образу пузырящейся воды*; ~ **ву пульыяське** вода пузырится (с. 557)

пуркак, пуркак-пуркак клубами (о дыме); **чыныз** ~ **потылэ** дым валит клубами (с. 562)

пур-пур 1. рыхлый, пушистый; ~ **лымы** пушистый снег **2.** свободный, широкий; ~ **дэрем** свободное платье **3.** раскидистый, разветвлённый (о колосях некоторых зерновых культур, о цветах черёмухи, яблони) **4.** торчащий (о матери) (с. 562)

путыр-путыр: ~ **пилиськылыны** растрескиваться на мелкие трещины; **музем** ~ **пилиськылэм** земля растрескалась (с. 564)

пуш-паш: ~ **шокаса мынэ** он идёт задыхаясь; **паровоз парзэ** ~ **лэзья** паровоз пускает пары (с. 565)

пызыр-позыр: ~ **бералляськыны** вертеться, двигаться в разные стороны, крутиться; ~ **вырыны** вести себя беспокойно, вертеться, суетиться (с. 569)

пызыр-пызыр: ~ **куасьмыны** высохнуть, просохнуть; ~ **луыны** стать рассыпчатым; размельчиться (с. 569)

пызыр-пызыр: ~ **кырмыны** держать крепко-накрепко; зажать в руках; сильно прижать руками; ~ **пызыртыны** крепко выжать (с. 569)

пыльтыр-пыльтыр: ~ **вераськыны 1**) говорить (разговаривать) несерьёзно **2**) болтать, говорить без умолку (с. 570)

пыр: ~ **потыны 1**) быстро (мигом) выйти **2**) не удержаться от смеха; приснуть со смеху **3**) шмыгнуть (с. 571)

пыс-пыс *разг.: кöтэз* ~ **тырыны** плотно поест (с. 573)

пытыр-пытыр *звукоподр. хрусту (напр. снега)*; **пыд улын лымы** ~ **каре** под ногами хрустит снег

пыш-пыш, пышы-пышы: ~ (**вераськыны**) *диал.* шептаться, разговаривать шепотом (с. 574)

реж-куаж *см. резь-куаж* (с. 579)

резь: ~ **поттыны** галдеть, шуметь; ~ **поттыса ужаны** упорно работать; ~ **мыныны** идти напролом (с. 579)

резь-куаж *звукоподр.* с шумом, с гамом || шумно; ~ **поттыны** галдеть, шуметь (с. 579)

сальк-сальк 1. увесисто, тяжело || увесистый, тяжёлый; **ыльыс пу** ~ сырые дрова тяжёлые **2.** скользко, ослизло || скользкий, ослизлый (с. 586)

самбляк, самбыляк диал. нар.-изобр. сл., характеризующее небрежное падение тяжёлого предмета и т. д.; **бака** ~ **берытскем** лягушка одним прыжком повернулась (с. 586)

сапыр нар.-изобр. сл.: ~ **киськыны (куашканы)** обильно сыпаться (осыпаться); **куасьмем лыс** ~ **куашка** сухая хвоя обильно осыпается (с. 589)

сапыр-сапыр см. **сапыр**; ~ **вуэм льём** очень спелая черёмуха (с. 589)

сарк-сарк: ~ **пересьмыны** сильно состариться; **солэн бамыз** ~ **луэм ини** его лицо уже покрылось морщинами (с. 589)

сать-сать нар.-изобр. сл., выражающее мокрое состояние предмета или отяжелевший предмет; ~ **котмыны** промокнуть до ниточки; ~ **секыт луыны** стать тяжёлым (увесистым) (с. 590)

сатыр-сатыр нар.-изобр. сл., выражающее мокрое состояние предмета или предмет, покрытый жидкой грязью; ~ **котмыны** промокнуть насквозь; ~ **дэри** жидкая липкая грязь (с. 590)

сач, сачак нар.-изобр. сл. шлёп; **дэрие** ~ **усьыны** шлёпнуться в грязь (с. 590)

сач-сач наречно-изобр. сл., выражающее мокрое состояние предмета или отяжелевший предмет; **дэреме** ~ **котмиз** рубашка насквозь промокла ◇ ~ **вераны** сказать без обиняков, сказать напрямик (с. 590)

сачыр нар.-изобр. сл., выражающее мокрое, грязное состояние предмета, а также брызги грязи, поток воды; **дэриен** ~ **пазыгыны** обрызгать грязью; **жолобысь** ~ **гинэ ву вия** из жёлоба хлещет вода (с. 590)

сачыр-сачыр нар.-изобр. сл., выражающее мокрое, грязное состояние предмета; ~ **дэри** жидкая грязь; ~ **котмыны** промокнуть насквозь (до нитки) (с. 590)

сипыр, сипыр-сипыр: звукоподр. пуску, шёпоту; ~ **вераськыны** говорить шёпотом (с. 601)

сопыр-сопыр см. **сапыр** (с. 608)

сор звукоподр. храпу; ~ **карыны (поттыны)** храпеть; ~ **поттыса изыны** спать, издавая храп (с. 608)

сор-сор: ~ **умме усьыны** крепко заснуть (с. 608)

сузыр-сузыр: ~ **карыны** разбить вдребезги; **турын** ~ **куасьмем** сено пересохло (с. 612)

суль-суль нар.-изобр. сл.; ~ **пöзем сйль** разварившееся мясо; ~ **пöзыны** 1) развариваться 2) сильно кипеть (с. 614)

сультыр звукоподр.; ~ **карыны** шмыгать носом; **нырыныз** ~ **кыска** шмыгает носом (с. 614)

суп-сап неаккуратно; небрежно, грубо; ~ **карыны** 1) делать кое-как (грубо); делать тяп-ляп 2) истратить зря, растратить; ~ **луыны** истратиться; ~ **ужаны** работать небрежно (неряшливо) (с. 615)

супыль-сапыль нар.-изобр. сл.; ~ **кисаль** полужидкий кисель; **пыд улын** ~ **дэри** под ногами жидкая грязь (с. 615)

супыль-супыль нар.-изобр. сл.; ~ **лымы** слякоть; мокрый липкий снег; ~ **кбй парсь сйль** мягкая (мясистая) жирная свинина (с. 615)

супыр-сапыр нар.-изобр. сл.; ~ **усылыны** падать с глухим шумом (с. 616)

супыр-супыр нар.-изобр. сл.: ~ **пбзыны** развариться, разопреть; ~ **жадыны** очень устать, обессилеть (с. 616)

сурк-сурк нар.-изобр. сл. очень сильно: ~ **жадыны** сильно устать (с. 617)

сур-сур нар.-изобр. сл.; ~ **изыны** спать беспробудным сном; ~ **пбзыны** развариться; разопреть *разг.* (с. 617)

суть-суть см. **суч, суч-суч** (с. 618)

суч-суч нар.-изобр. сл.; ~ **котмыны** промокнуть насквозь (до нитки) (с. 618)

сучыр-сучыр см. **суч-суч** (с. 618)

сыл-сыл: ~ **пбзыны** развариваться, разопревать; ~ **ву пуке** вода стоит [в луже] (с. 619)

сыр-сыр нар.-изобр. сл.; ~ **вырыны** зыбиться; ~ **куалекьяны** дрожать, трястись (с. 620)

сыч-сач *звукоподр.* шлепкам; ~ **чапкылыны** ударять рукой «шлёп-шлёп»; шлёпать (с. 620)

сэр-тур: ~ **вырыны** суетиться; ~ **кошкыны** поспешно (торопливо) уйти (с. 626)

сюлтыр-калтыр: ~ **куяны** разбросать как попало; **дйсьсы** ~ **ошылэмын** одежда развешана в беспорядке; **сбзул** ~ **ошкемын** подол висит лохмотьями (с. 627)

сюр-вай вразброс, в разные стороны; ~ **карыны** 1) разбросать, раскидать 2) терять, растерять; ~ **куяны (пазяны)** разбросать (раскидать) в разные стороны; ~ **луыны** транжирить, растратить (с. 628–629)

тактыр II *звукоподр. треску, постукиванию;* ~ **вазыны** трещать (с. 634)

тактыр-тактыр I: ~ **куасьемем музьем** 1) засохшая (затвердевшая) земля (с. 634)

тактыр-тактыр II *звукоподр. треску, грохоту;* ~ **тактыртэ такыртон** трещит и трещит трещотка (с. 634)

талък-талък I сырой, вязкий; плотно слежавшийся || сыро, вязко; ~ **музьем** сырая, невысохшая земля (с. 635)

талык-талык II **1.** очень много, полным-полно, до отказа; **клубын калык** ~ в клубе народу полным-полно **2.** плотно; ~ пытсаны плотно закрыть (с. 635)

тап *звукоподр. глухому одинокому стуки, топоту ног, цоканью копыт* топ; **пыдыныз** ~ **каре** ногами топ (с. 636)

тап-тап **1.** *звукоподр. глухому стуку, топоту ног, цоканью копыт* топ-топ; **пыдыныз** ~ **каре** ногами топ-топ **2.** *наречно-изобр. сл., выражающее плотно утоптанную массу (напр. глину, землю и т. д.); ~ лёгем сюрес* плотно утоптанная дорога; **сюез** ~ лёганы плотно утоптать глину (с. 636)

тапыр *звукоподр. топоту ног, цоканью копыт; тапыр-тапыр карон* топанье, цоканье; ~ **карыны** топать, цокать (с. 636)

тарарат *звукоподр. крику домашних и диких гусей:* ~ **карыны** кричать «га-га-га» (с. 636)

тарс *звукоподр. треску, хлопанью;* ~ **карыны** трещать, издавать (издать) треск, хлопать, хлопнуть (с. 637)

тач *звукоподр. треску шлепкам (ударам) по щече;* ~ **вазыны** издать треск; ~ **усыны** шлёпнуться, удариться; ~ **чабкыны** ударить ладонью, дать пощёчину (с. 638)

тач-тач I **1.** битком, полным-полно, до отказа; **кенеше калык** ~ **люкаськем** на собрании народу битком **2.** плотно, туго, крепко, туго-натуго, крепко-накрепко; ~ **керттыны** завязать крепко-накрепко; **мешоке** ~ **тырыны** туго набить мешок (с. 638)

тач-тач II *звукоподр. треску;* ~ **вазыны** издавать треск, трещать (с. 638)

тачыр *заукоподр. треску при горении, ломке сухих ветвей и т. п.:* ~ **вазыны** трещать; ~ **жуаны** гореть с треском; ~ **нуыны** *диал. сред.* мчать; **пыд улын кѳс улвай** ~ **вазе** под ногами трещит сухой хворост; **тачыр-тачыр вазыны** сильно трещать ◊ ~ **кошкыны** бежать без оглядки (с. 638)

тачырак *заукоподр. одиночному мгновенному треску при горении, ломке сухих сучьев, ветвей и т. п.* с треском; ~ **чигыны** обломиться с треском; **сэре-гын маке** ~ **вазиз** в углу что-то треснуло (с. 638)

тачыр-тач *звукоподр. потрескиванию при ломке сухих сучьев, ветвей, лучины при горении* с треском (с. 638)

тачыр-тачыр *см. тачыр* (с. 638)

таш-таш **1.** плотный || плотно; **музьем** ~ плотная земля; ~ **нѳд** густая грязь **2.** сильно промокший, очень сырой; ~ **котмем дѳс** сильно промокшая одежда (с. 639)

тепыль-тепыль скользкий, ослизлый || скользко; ~ **княрьѳс** ослизлые огурцы (с. 640)

тѣп-тѣп II *звукоподр. капанью воды кап-кап; ву ~ вия* вода капает «кап-кап» (с. 640)

тѣр *звукоподр. падающей струйке жидкости или сыпучих материалов; ву ~ вия* вода бежит струйкой (с. 641)

тик-так *звукоподр. тиканью часов тик-так; часлэн ~ каремез кылійське* слышится тиканье часов (с. 641)

тїльк-гальк *звукоподр. стуку металлических предметов* стук-бряк (с. 642)

тїнгыль-тїнгыль *звукоподр. звону колокольчика; скальѣс гырлыосынызы ~ карыса тэлысь берто* коровы, звеня колокольчиками, возвращаются домой из лесу (с. 642)

тїпи-гати топ да топ; ~ **ветлыны** ходить топая; **огинтыын ~ лѣгаськыны** переминаться (топаться) на одном месте; **пыд йылын ~ сылыны** переминаться с ноги на ногу (с. 642)

тїрс *звукоподр. треску при ломке хрупких предметов; пыд улын кѣс улвай ~ вазе* под ногами с треском ломается сухой хворост (с. 642)

тїчи-гачи *звукоподр. течению (напр. косы): кусозэ ~ шере* со звоном точит косу (с. 642)

тїч-гач *звукоподр. треску при ломке сухих сучьев, потрескиванию дров при горении, шлепкам, ударам по щеке: бамаз ~ чабкылыны* ударять ладонью по щекам, давать пощёчины; **пуэз ~ карыса жуа** дрова горят потрескивая (с. 642)

тїчыр *звукоподр. треску при горении, ломке сухих ветвей и т. п.* (с. 642)

тїчыр-гач, тїчыр-гачыр *звукоподр. треску при ломке сухих сучьев, потрескиванию при горении дров и т. п.: пу ~ тэляса жуа* дрова горят с треском (с. 642)

токыль-токыль *нар.-изобр. сл.. выражающее налитость мускулов лица и т. п.; ~ бамѣсыз* толстые щѣки (с. 646)

топ-топ *нар.-изобр. слово, выражающее глухой звук при хлопанье ладошами и при топанье ногами; пизэ тыбыраз ~ вешаз* он ласкает своего сына, похлопывая по спине; **пыдыныз ~ шуккылэ** он топает ногами (с. 648)

торк *звукоподр. глухому стуку, удару стук; маке ~ усиз* что-то упало с глухим стуком (с. 649)

торкак *звукоподр. глухому одиночному стуку, удару стук; маке ~ вазиз* что-то стукнуло (с. 649)

торк-торк 1. *звукоподр. глухому стуку о твёрдый предмет; ~ вазем кылійське* слышно глухое постукивание **2.** *нар.-изобр. сл.. выражающее состояние затвердевшего или мёрзлого предмета; ~ кынмем* заковало морозом; **нянь ~ куасьмем** хлеб затвердел (с. 649)

торс *звукоподр. треску сухих предметов с треском*; **кёс улвай** ~ **чигиз** с треском сломалась (надломилась) сухая ветка (с. 649)

тоѳ *нар.-изобр. сл. выражающее падение мягкого сырого предмета*; **кот ѳушкон выж вылэ** ~ **усиз** мокрое полотенце упало на пол (с. 649)

тоѳ-тоѳ: ~ **вешаны** ласкать похлопывая по спине; ~ **кёй** очень жирный, упитанный (с. 649)

тпру *возглас, которым останавливают лошадей* тпру; ~ **карон** тпруканье; ~ **карыны** тпрукать (с. 653)

тпруе, тпруке *возглас, которым подзывают коров* тпрука-тпрука (с. 653)

тпрузе, тпрузь *возглас, которым подгоняют (отгоняют) коров* тпрузь-тпрузь (с. 653)

тра-та-та *звукоподр. стрельбе из пулемёта, автомата* тра-та-та (с. 653)

трах *звукоподр. звуку взрыва и т. д.* трах; ~! **шуккыны** сильно ударить, трахнуть (с. 653)

трах-тарарах *звукоподр. раскатам грома, частой стрельбе* трах-тарарах (с. 653)

трень-трень: ~ **карыны** тренькать (*напр. на балалайке*) (с. 654)

тр-р-р 1. *см. тпру* 2. *звукоподр. треску трещотки и т. п.* (с. 655)

туд-вад, туд-вод *нар.-изобр. сл. вразвалку, переваливаясь*; ~ **ветлыны** ходить вразвалку; ходить, переваливаясь из стороны в сторону

тук-тук *звукоподр. отрывистому, короткому стуку* (*напр. вагонных колёс, стуку дятла*) тук-тук, стук-стук; ~ **йыганы** стучать; тукать *разг.*; ~ **йыгаськыны** стучаться «стук-стук»; **вагон колёсаос** ~ **карыса питрало** колёса вагонов бегут стуча «тук-тук»; **кузь ныро сизьёс писпуэз** ~ **кокало** длинноклювые дятлы долбят дерево «тук-тук» (с. 659)

туп-тап *наскоро, неаккуратно, небрежно, как попало*; ~ **лэсьтыны** 1) сделать тяп-ляп (кое-как) 2) сделать на скорую руку (наскоро) (с. 663)

туптй-таптй *звукоподр. топоту детских ног* (с. 663)

туп-туп: *диал.* ~ **узыр улйзы** они жили очень богато; ~ **улэм** неурядица (с. 663)

тупыр-тапыр *см. туп-тап* (с. 663)

тур II *звукоподр. шуму взмахов крыльев птиц при полёте*; **тылобурдоос** ~ **лобзизы** с шумом полетели птицы (с. 663)

тури-пари I *редко, кое-где* (с. 664)

тури-пари II *ветренный (о человеке)*; ~ **мурт** 1) ветрогон 2) беспокойный человек (с. 664)

турлэрик *звукоподр. крику журавля* курлы (с. 664)

тур-пар, турк-парк: ~ **вырыны** суетиться; ~ **лэсьтыны** делать второпях (небрежно) (с. 664)

тур-тур: **горд флагъёс тӧля** ~ **тӧлало** красные флаги развеваются на ветру (с. 665)

тус-гас: ~ **карыны** 1) растранижить, разбазарить, истратить, растратить 2) расхитить, растащить; **ваньбурез** ~ **карон** растраниживание имущества; **ваньбурез** ~ **карыны** растратить (расхитить) добро (с. 665)

тучырак *звукоподр. одиночному мгновенному треску при горении, при ломке сухих сучьев, ветвей и т. п. с треском* (с. 666)

тучур-тачур *звукоподр. треску, потрескиванию личины при горении, при сильном морозе и т. п.; ~ тйяны* ломать с треском; **тэлын порпи** ~ **ыбыльське** треск деревьев при сильном морозе (*букв. в лесу марийский парень стреляет*) (с. 666)

туч-тач *звукоподр. потрескиванию сухих дров в печке, шлепкам, частым выстрелам;* ~ **ыбыльськем куара кылйське** слышатся выстрелы «бух-бах» (с. 666)

тыгы-моги *диал. 1. ни то ни сё 2. перен. неустойчивый; колеблющийся* (с. 667)

тык-тык добротный; ~ **коркаос** добротные дома (с. 667)

тынгыль-тынгыль *звукоподр. звону колокольчиков;* **гырлыос** ~ вазе колокольчики звенят «динь-динь-динь» (с. 669)

тын-тын *нар.-изобр. сл. плотный, тугой, твердый || плотно, туго, твёрдо;* ~ **кынтыны** сильно подморозить; ~ **луыны** обессилеть, лишиться сил; **пашпу-мульыос сйзыл пал** ~ **тысё луо** орехи к осени становятся твердыми; **скаллэн вераез** ~ вымя у коровы тугое от молока (с. 669)

тыпрак *звукоподр. топоту лошадей* (с. 670)

тып-тап *звукоподр. топоту ног;* ~ **лӓганы** растоптать (с. 670)

тып-тып *нар.-изобр. сл. плотно, вплотную* \diamond **тыбырзэ** ~ вешаны ласково хлопать по спине, ласкать, похлопывая по спине (с. 670)

тыпыль-тапыль *см. теныль-тяпыль* (с. 670)

тыпыр-тапыр *см. тупыр-тапыр* (с. 670)

тыпыр-тыпыр: *звукоподр. топоту, цокоту;* ~ **лӓгыласа эктыны** плясать, сильно притопывая ногами (с. 670)

тыр-тыр 1. полный-полный || полным-полно **2. диал.:** ~ **бызыны** бежать трусцой (с. 673)

тьӧбӧ *возглас, которым отгоняют собак* (с. 675)

тэтэр-тэтэр: ~ **пуксыны** сесть на самый край (*напр. телеги, саней, кузова автомашины*) (с. 678)

тюак: ~ **васькыны** спуститься очень быстро; ~ **жутскыны** подняться очень быстро (с. 678)

тяп-тяп: ~ **котмыны** сильно промокнуть, промокнуть насквозь (с. 680)

тяпыль-тяпыль *диал. см. тепыль-тепыль* (с. 680)

угу-гу-у *звукоподр. крику филина и мифического лесного существа (леса-вика)* (с. 681)

укыр-бекыр *нар.-изобр. сл.;* ~ **ветлыны** ходить вразвалку (неуклюже); ходить покачиваясь из стороны в сторону (с. 689)

ур-вар: ~ **карыны** быстро разбирать (расхватывать); ~ **поттыны** шуметь, галдеть (с. 697)

ури-бери быстро, сразу, моментально; ~ **кошкыны** быстро уйти (с. 700)

ус-ус *диал. звукоподр. науськиванию, натравливанию собак* усь-усь! (с. 703)

усьтыр-табыр I быстро, второпях: ~ **потыны** выйти быстро (второпях); ~ **тубыны** быстро вскарабкаться (с. 704)

усьтыр-табыр II: ~ **луыны** растеряться; ~ **лэсьтыны** сделать кое-как, сделать тьяп-ляп (с. 704)

учыр-вочыр: **син азын** ~ **адске** [что-то] мелькает перед глазами (с. 708)

учыр-учыр *нар.-изобр. сл.;* ~ **учкылыны** пристально присматриваться (с. 709)

чакыр *см. чакыр-чакыр* (с. 718)

чакыр-чакыр хрусткий, хрустящий (с. 718)

чап-чап *звукоподр. чавканью при еде* (с. 720)

чапыль-чапыль 1. *звукоподр. звукам, производимым утками, гусями при отыскивании, пищи в воде;* ~ **поттыны** плескаться 2. *диал. доверху, до краёв (о жидкости)* (с. 720)

чар *звукоподр. треску разрываемой материи;* ~ **кесыны** разорвать с треском (с. 720)

чатыр-чатыр: ~ **карыны** 1) переломить с треском на куски 2) трещать; ~ **тйяны** ломать с треском (с. 722)

чеж-вож ни то ни сё (с. 723)

чиге-чиге *возглас, которым подзывают овец* (с. 727)

чигы-чигы *см. чиге-чиге* (с. 728)

чиз-боз *см. чиз-чиз* (с. 729)

чиз-чиз *звукоподр. звуку брызжущих тонких струек воды или молока;* ~ **ву пазыгиське** струйками брызжется вода (с. 729)

чизык-чизык *см. чиз-чиз* (с. 729)

чик-чилик *звукоподр. крику воробья и некоторых других птиц:* чирик, чик-чирик (с. 729)

чик-чирик см. **чик-чилик** (с. 729)

чикыр-чикыр звукоподр. скрежету зубов, писку мышей, стрекоту кузнечиков; **зозьёс** ~ **каро** кузнечики стрекочут; **пиньыныз** ~ **каре** он скрежещет зубами; **шыр** ~ **каре** мышь пищит (с. 729)

чили-вали нар.-изобр. сл., обозначающее переливы красок в воде или отражение блеска; ~ **кисьтаське** блестит, сверкает; поблёскивает **шунды шорын** ~ **ву шудэ** вода переливается на солнце (с. 730)

чильк: ~ **карыны** чирикнуть; ~ **кисьтаське** поблёскивает; **зольгырипи** ~ **кариз но, карыстыз усиз** воробушек чирик и выпал из гнезда (с. 730)

чильк-вальк нар.-изобр. сл., обозначающее переливы красок; с блеском, переливаясь; **ву** ~ **кисьтаське** вода, переливаясь, блестит; вода поблёскивает; **сапегэз** ~ **карем** он начистил сапоги до зеркального смеска (с. 730)

чильтыр-чильтыр нар.-изобр. сл., обозначающее переливы красок; **ворекъя** ~ **вуюис** радуга переливается всеми цветами (с. 730)

чиль-чиль: ~ **сьöd** чёрный-пречёрный; **шунды** ~ **пиштэ** солнце ярко светит (с. 731)

чильык-чильык см. **чик-чилик** (с. 731)

чильыр см. **чильыр-вальыр** (с. 731)

чильыр-вальыр поблёскивая, переливаясь, с переливами; ~ **ву бызе** вода бежит, сверкая и блестя; **ву вылын шунды тылсиос** ~ **ворекъяло** лучи солнца переливаются в воде разноцветными красками; **гöртэм писпуос вылысь лымы пырыос музьем вылэ** ~ **пужнйськызы** с заиндевших деревьев на землю посыпались переливчатые мелкие снежинки (с. 731)

чильыр-чильыр см. **чильыр-вальыр** (с. 731)

чиляк-долак сверкая, поблёскивая (с. 731)

чингыль-чингыль подр. звону колокольчика динь-динь-динь (с. 731)

чингыр-чангыр 1. тонкий; гибкий, пружинистый 2. худой (с. 731)

чиндыр-вандыр нар.-изобр. сл. 1. криво-косо; извилисто || кривой-косой, извилистый; ~ **вырыны** извиваться; ~ **пичи сюрес** извилистая тропинка; ~ **бызе шур** извиваясь, бежит речка 2. тощий, худой ~ **мугоро** худощавый, худой (с. 731)

чиндыр-чандыр нар.-изобр. сл. 1. криво-косо, беспорядочно 2. тощий, худой

чин-пан звукоподр. визгливому или звонкому голосу; **куараез** ~ **кылйське** слышен его визгливый голос (с. 731)

чин-чан звукоподр. крику галки; **чанаос** ~ **кесясько** шумно кричат галки (с. 731)

чин-чин *звукоподр. стуку при ударе о твёрдое дерево; чурыг писпуэз ко-
раку, ~ вазе при рубке твёрдого дерева, топор отскакивает со звоном (с. 731)*

чиньыр-чаньыр *см. чингыр-чангыр (с. 732)*

чиоп, чиоп-чиоп *звукоподр. писку цыплят; чипыос ~ каро цыплята пи-
щат (с. 732)*

чип-чип 1. *см. чипы-чипы* 2. *звукоподр. крику птенцов (с. 732)*

чипы-чипы *возглас, которым подзывают цыплят; цып-цып, цыпа-цыпа
(с. 732)*

чир *звукоподр. пронзительному крику; ~ поттыны* пронзительно кричать;
кричать и визжать; **пинальёс ~ кесясько** ребята пронзительно кричат (с. 732)

чирак: ~ **кеськылыса ббрдэ** плачет, громко всхлипывая; ~ **кеськыны**
пронзительно вскрикнуть (с. 732)

чир-чар, чир-чир: ~ **кесяськыны** пронзительно (отчаянно) кричать (с. 732)

читыр-котыр *извилистый, с извилинами, с зигзагами || извилисто; ~ гож-
маса бызе шур* извиваясь, бежит речка (с. 733)

читыр-читыр, читыр-чутыр *извилистый, с извилинами, с зигзагами ||
извилисто ◊ ~ туй свернувшаяся берёста (с. 733)*

чогык-чогык *нар.-изобр. сл. прыг-прыг; луд кеч ~ тэтча* заяц скачет
прыг-прыг

чоз-чоз: ~ **кариськыны** выпрямиться, встать прямо (с. 733)

чонгыр-чонгыр: ~ **кынмыны** *перемёрзнуть; кешыр ~ кынмем* морковь
перемёрзла (с. 734)

чонь-вань: ~ **чыжаськыны** *дрыгать ногами (с. 734)*

чонь-чонь: ~ **луыны** *затвердеть; стать твёрдым (чёрствым); ~ султыны*
встать прямо, вытянуться ◊ ~ **сылыны** *словно аршин проглотил (с. 734)*

чоп: ~ **карыны** 1) *причмокнуть, причмокивать* 2) *чавкать; ~ чупаны*
чмокнуть, поцеловать (с. 734)

чоп-чоп: ~ **карыны** *причмокивать; ~ карыны* 1) *причмокивать* 2) *чавкать;*
~ **сюпсыны** *сосать причмокивая; ~ чупаны* поцеловать, чмокнуть (с. 734)

чорк: ~ **огнам кыли** *я остался один-одинёшенек; ~ султйз но кошкиз* он
вдруг встал и ушёл (с. 734)

чорк-чорк: ~ **кариськыны** *выпрячься; ~ огнам ульёско* *я живу один-
одинёшенек; пельёссэ вал ~ выретэ* лошадь прядёт ушами (с. 734)

чузги-пазыги 1. *звукоподр. шуму при падении сыпучих тел; жег тысьёз*
~ **пазыгиськызы** *зёрна ржи с шумом посыпались в разные стороны* 2. *нар.-
изобр. сл. во все стороны (рассыпаться, напр., о семенах из снопов при мо-
лотье) (с. 736)*

чуз-чуз: ~ кезыгт ошутимый холод; ~ куара чузьяське голос раздаётся эхом (с. 736)

чузыр *звукоподр. шуму при пересыпании сыпучих тел, напр. зерна, песка;*
мешоковы ю ~ вия зерно из мешка сыплется с шумом (с. 736)

чуй-чай так и этак, туда и сюда; **со ~ выре** он вертится и так и сяк (с. 736)

чуки-беки *см. чукин-бекин* (с. 737)

чукин-бекин *нар.-изобр. сл. 1.* вразвалку; шатаясь из стороны в сторону
2. перен. кувырком; **улонзы ~ кошкиз** жизнь их пошла кувырком (с. 737)

чук-чак *диал. см. чукыр-бекыр* (с. 737)

чук-чук *возглас, которым подзывают свиней чух-чух* (с. 737)

чукыр-бекыр *нар.-изобр. сл.* вразвалку, переваливаясь с боку на бок; шатаясь, пошатываясь; ~ **ветлэ** он ходит переваливаясь с боку на бок (с. 737)

чукыр-чакыр *см. чукыр-бекыр* (с. 737)

чульк вдруг, моментально; **пасьсысь шыр ~ потйз** вдруг из щели высунулась мышь (с. 738)

чулькак вдруг, внезапно, неожиданно; ~ **пумиськыны** неожиданно встретиться (с. 738)

чульк-чульк: **йырзэ укное ~ мычылэ** он высовывает голову из окна (с. 738)

чумор, чумор-чумор *диал.* призывание, принуждение коня выпить воду (*из реки, пруда*) (с. 738)

чундыр-купыр *нар.-изобр. сл.* криво-косо || кривой-косой (*о кривых, изогнутых предметах*); **пульёс чундыр-купыресь** доски кривые (с. 738)

чунь-чунь *см. чонь-чонь* (с. 738)

чупыр *см. чупыр-чупыр*

чупыр-чупыр живо, быстро, расторопно, бойко; ~ **кариськыны** стать подвижным (расторопным) (с. 739)

чурт-парт *диал.* второпях, торопливо; ~ **выронъяз ваньзэ вунэтэм** второпях он всё позабыл (с. 740)

чурт-чурт твёрдо, уверенно; ~ **вамышъяны** шагать уверенно; **куарез ~ луиз** его голос окреп; его голос стал уверенным (с. 740)

чутал-бутал *диал.:* ~ **ветлыны (мыныны)** ходить прихрамывая; ковылять (с. 741)

чутык, чутык-чутык *нар.-изобр. сл., подражание походке хромого человека;* ~ **кошке** он идёт, прихрамывая; ~ **кылыны** остаться хромым (с. 741)

чутыр *см. чутыр-чутыр* (с. 741)

чутыр-котыр *см. читыр-котыр* (с. 741)

чутыр-чатыр зигзагом, зигзагообразно (с. 741)

чутыр-чутыр нар.-изобр. сл. 1. о чём-л. свернувшимся, покоробившемся; **куасьем туйёс** ~ луиллям высохшая берёста совсем свернулась 2. о сильной боли, схватках; **вось луэменьз** ~ **луиз со** его корчит от боли ◊ **кудырья гурт пальёсты** ~ **адзем потэ** иногда до боли хочется увидеть родные края; **мёзмон сюлэмез** ~ **каре** тоска до боли сердце гложет (с. 741)

чыпыль-чапыль: ~ **карыны** диал. бултыхаться, плескаться (с. 743)

чыш-паш диал. 1. звукоподражание горению сырых дров 2. ~ **вераськыны** разговаривать шепотом, секретничать, сплетничать (с. 744)

чѣж II звукоподр. шуму дождя, треску разрываемой материи, звуку (шуму) воды в чайнике (в самоваре) при кипячении: ~ **карыса зоре** шум дождя; **басмаез** ~ **кесьыны** разорвать ситец с треском; **чайникын ву** ~ **карыса быректэ** шумит чайник ◊ ~ **кезыгт ву** очень холодная вода; ~ **кезыгтэн** в стужу (с. 745)

чѣжак: **бумагаез** ~ **кесьыны** с треском разорвать бумагу; **сюкуасьемез** ~ **юзматыны** охладить жажду (с. 745)

чѣж-чѣж: ~ **зоре** с шумом идёт сильный дождь; ~ **кезыгт сюкась юныны** пить ядрёный (крепкий) холодный квас; ~ **корманы** сильно чесать; **пилаос** ~ **вазё** пилы дребезжат (с. 745)

чѣжыр: ~ **карыны** трещать; ~ **корманы** чесать с шумом; **куро** ~ **жуа** солома горит с треском (с. 745)

чѣжыр-чѣжыр: ~ **кормаськыны** сильно чесаться; **басма** ~ **карыса кеськиз** материя разорвалась с сильным треском; **пуос** ~ **жуало** дрова горят, сильно потрескивая (с. 745)

чѣаштыр звукоподр. шуршанию, шелесту листьев: **сйзыл куазен куарьёс** ~ **карыса усьыло** осенью листья падают шурша (с. 746)

чѣаштыр-чѣаштыр звукоподр. шуршанию, шелесту: ~ **карыны (поттыны)** сильно шелестеть (шуршать); **куарьёс пыд улын** ~ **вазе** листья шуршат под ногами (с. 746)

чѣог-чѣог см. **чѣогыр-чѣогыр** (с. 747)

чѣогырак см. **чѣогыр-чѣогыр** (с. 748)

чѣогыр-чѣогыр: ~ **кариськыны** подбодриться, приободриться; **вал пелёссэ** ~ **пуктэ** лошадь ставит уши прямо; **йырсиез** ~ волосы как щетина; **узым** ~ **жужа** озимые [хлеба] дружно всходят (с. 748)

чѣокыр-чѣокыр шероховатый, неровный (о поверхности предмета) (с. 749)

чѣуштыр звукоподр. шелесту и шуршанию шелестя, шурша (с. 753)

чѣуштыр-паштыр растрёпанный; взъерошенный ◊ ~ **песянай сэргын кылле заг.** взъерошенная старушка в углу лежит (**исьнер** метла) (с. 753)

Ћуштыр-Ћаштыр *звукоподр. шелесту, шороху и шурианию с шелестом, с шуршанием, с шорохом* (с. 753)

Ћуштыр-Ћуштыр *см. Ћуштыр* (с. 753)

Ћуш-Ћаш *см. Ћуш-паш* (с. 753)

Ћыж II *звукоподр. шипению при наливании жидкости, масла, сала на горячую сковороду, плиту; пёсь таба вылын кёй ~ вазе на горячей сковороде шипит сало* (с. 754)

Ћыжыр-Ћыжыр *нар.-изобр. сл.: ~ палзёёс красные-прекрасные гроздья рябины* (с. 755)

Ћыштыр *звукоподр. шелесту, шороху, шурианию; ~ вазе шелестит, шуршит* (с. 756)

Ћыштыр-Ћаштыр, Ћыштыр-Ћуштыр *звукоподр. шороху, шелесту; куарёс ~ усьыло* листья падают, шелестя (с. 756)

Ћыштыр-Ћыштыр *см. Ћыштыр* (с. 756)

Ћышы-пышы: ~ **вераськон** шушуканье; ~ **вераськыны** шушукаться, шептаться (с. 756)

шакыр-шакыр шершавый, шероховатый; неровный; ~ **куасьмыны** 1) высохнуть неровно (бугорками) (*напр. об окрашенной поверхности*) 2) пересохнуть; ~ **луыны** стать очень шершавым (с. 759)

шалтыр 1. *звукоподр. стуку деревянными предметами; ~ карыны* стучать; ~ **поттыны** стучать и греметь 2. бегло, без запинки (с. 759)

шалтырак 1. *звукоподр. единичному стуку деревянным предметом* 2. *диал. совсем, совершенно; ~ буш корка* совершенно пустая изба (с. 759)

шалтыр-дыбыр *звукоподр. с грохотом, со стуком; ёсэз ~ пытса* со стуком закрыть дверь (с. 759)

шалтыр-шалтыр: ~ **карыса буш уробоен кошкызы** стуча и гремя, проехали на порожней телеге; **корка пушсы ~ буш** в доме совсем пусто (с. 759)

шалък *звукоподр. стуку щеколды, хлопанью; ~ карыны* стучать, хлопать; **капка пуннет ~ ворсаськыз** щеколда ворот упала со стуком (с. 759)

шалък-шалък как на подбор; ~ **тёды парсьпиос** крупные как на подбор белые поросята; ~ **чебер картофка** ровная как на подбор хорошая картошка (с. 760)

шалътрак *нар.-изобр. сл., выражающее упадок силы (человека) или неустойчивость предметов (с оттенком внезапности); ~ луыны* обессилеть; **выж вылэ маке ~ усиз** на пол что-то со стуком упало (с. 760)

шалът-шалът *звукоподр. звону монет, железных подвесок, мониста и звуку других звенящих металлических предметов; чигвесез ~ вазе* монисто звонко звенит (с. 760)

шап I *звукоподр. звуку падающих капель* кап; **ву** ~ **вия** вода капает «кап-кап» (с. 760)

шап-шап I *звукоподр. звуку падающих капель* кап, кап; капля за каплей; по капельке (с. 761)

шапыр *звукоподр. шуму падающих капель*; **зор** ~ **усе** капли дождя падают с шумом; **синвуэз** ~ **вия** слёзы льются градом (с. 761)

шапыр-шапыр *звукоподр. шуму капель дождя*; ~ **зорины кутскиз** пошёл сильный дождь; **синвуосыз** ~ **вияло** слёзы покатались градом (с. 761)

шар II: синвуосыз ~ **васько (вияло)** слёзы льются градом (с. 761)

шарк, шаркак *звукоподр. стуку о твердый предмет*; ~ **карыны** стучать, издавать стук; **чекыч** ~ **усиз** молот со стуком упал ◊ ~ **гинэ вуиз** он внезапно пришёл (появился); ~ **уз шу, корка пыроз - шулдыртоз заг.** без стука войдёт и избу украсит (**шунды** солнце) (с. 762)

шарк-шарк *звукоподр. стуку о твердый предмет* тук-тук; ~ **ветлыны** ходить, шаркая ногами **сизь** ~ **йыга** дятел стучит «тук-тук» (с. 762)

шар-р *звукоподр. шороху сыплющегося зерна, гороха* ◊ **синвуосыз** ~ **усьыло** слёзы так и катятся градом (с. 762)

шарт см. **шарк** (с. 762)

шатыр: ~ **карыны** 1) суетиться 2) шуметь; греметь; ~ **потгыны** сильно шуметь (греметь); ~ **потгыса ужаны** работать так, что только пыль летит; ~ **гинэ лыдэ** [он] читает отчётливо, не запинаясь; **йё шатыр-шатыр усе** град падает с шумом (с. 762)

шатыр-шатыр см. **шатыр** (с. 762)

шау: ~ **карыны диал.** 1) громко говорить 2) шуметь; производить гул (с. 762)

шач *звукоподр. при хлестании плетью, кнутом, веником и т. д.*; ~ **шук-кылыны** хлестать, стегать (с. 763)

шекыр-шекыр *нар.-изобр. сл.:* ~ **карыны** раздавить; ~ **шоканы** хрипеть; хрипло дышать (с. 764)

шенгыль-пенкыль: ~ **вераськыны** говорить шепеляво (картаво) (с. 764)

шенгыль-печкыль см. **шенгыль-пенкыль** (с. 764)

шерык-вайык см. **шер-вай**; ~ **мыныны** идти вразвалку ◊ ~ **вырыны** вести себя непристойно (с. 766)

шерык-турык *диал.* редко; редкий (с. 766)

шилт-шалт см. **шилък-шалък** (с. 766)

шилтыр-шалтыр см. **шилгытыр-шалгытыр** (с. 766)

шильк-шалък звукоподр. бряцанию металлических предметов; **затворзэ** ~ **усьтйз** [он] с бряцанием открыл затвор; ~ **карыны** бряцать

шильтыр звукоподр. бряцанию мелких металлических предметов; ~ **карыны** брэнчать, греметь (с. 766)

шильтыр-шалтыр звукоподр. стучанию, бряцанию мелких металлических предметов; ~ **карыны** стучать-брэнчать (с. 767)

шиньыр-шаньыр некрепкий, легко разрушающийся, непрочный, тряский; хлипкий *прост.*; ~ **выж** непрочный (некрепкий) мост (с. 767)

шир нар.-изобр. сл., выражающее быстрое вращение предмета; ~ **берганы** быстро вертеться (крутиться) (с. 767)

ширк нар.-изобр. сл. чирк; **спичказэ** ~ **жуатйз** чиркнув, он зажжёт спичку (с. 767)

шляч звукоподр. щёлканью кнутом, звуку пощёчины; ~ **шуккыны** шлёпнуть (нар. ладонью); **бамаз** ~ **сётыны** дать пощёчину (с. 768)

шляч-шляч см. **шлич-шляч** (с. 768)

шлёп звукоподр. плеску, удару ладонью; ~ **шуккыны** шлёпнуть (с. 768)

шлич-шляч звукоподр. щёлканью кнутом, звуку пощёчины (с. 768)

шок: ~ **но поль (пуль) потыны** см. **шок-поль** (с. 769)

шок-вок: ~ **потыны** задышаться; ~ **потыса вуиз** он пришёл задыхаясь (с. 769)

шок-поль: ~ **потыны** задышаться; запыхаться *разг.*; ~ **потыса вуыны** прийти, запыхавшись (с. 769)

шок-пуль см. **шок-поль** (с. 769)

шол-дол: ~ **вырыны** быть неуравновешенным (с. 769)

шол-пал см. **шол-дол** (с. 769)

шонй-панй: ~ **ветлыны** ходить вразвалку, ходить покачиваясь; ~ **мурт** непостоянный (легкомысленный) человек (с. 771)

шопыль-шопыль звукоподр. шлёпанью по грязи, по воде; **вуын** ~ **вырыны** барахтаться в воде, с шумом брызгаться и плескаться (с. 771)

шук-шак второпях, наскоро, на скорую руку; кое-как; **уж** ~ **гинэ лэсьтэмын** работа выполнена кое-как (с. 779)

шук-шук: ~ **бёрдыны** сильно плакать; ~ **луыны** устать до изнеможения; **ымнырыз** ~ **луиз** его лицо побледнело (с. 779)

шукыр-бугыр: ~ **вырыны** волноваться, вести себя возбуждённо (с. 779)

шукыр-шукыр пенистый \diamond ~ **луыны** изнеможать, обессилеть (с. 779)

шультыр-шалтыр звукоподр. шуму громоздких предметов с грохотом; **корказызы мар ке** ~ **вазиз** в их сенях что-то загремело (с. 780)

шул-шал: ~ ветлыны ходить размашистым шагом (с. 780)

шул-шул: ~ луыны побледнеть, измениться в лице (*от испуга, от болезни*); **кышкам пияшлэн ымнырыз** ~ лицо мальчика бледное-бледное (с. 781)

шупльыр: ~ карыны 1) плескаться (*о рыбе*) 2) булькать, пузыриться с бульканьем 3) хлопать; пелям ~ каре в моём ухе хлопает (с. 781)

шупыль-шапыль, шупыль-шопыль *звукоподр. шлёпанью по грязи, по воде*; ~ карыны шлёпать (по грязи, по воде) (с. 783)

шупыль-шупыл: ~ котмыны насквозь промокнуть (с. 783)

шур II *звукоподр. раздражение шуришанию крыльев птиц при взлёте*; **ты-лобурдоос** ~ лобзизы птицы взлетели с шумом

шурк *нар.-изобр. сл.* мгновенно, быстро, вдруг, неожиданно; ~ берытскыны быстро повернуться; **зольгыриос укно налишник вылысь** ~ лобзизы воробьи вспорхнули с наличника окна (с. 783–784)

шурк-шарк *звукоподр. шарканью ног*; ~ ветлыны ходить шаркая (с. 784)

шур-шур *звукоподр. шуришанию платья, листьев*; ~ карись юбка шуршащая юбка (с. 784)

шыбыр-шыбыр *диал. звукоподражание частому и дробному стуку дождя* (с. 785)

шылт-шалт *звукоподр. стуку о твёрдый предмет* стук-бряк (с. 786)

шылтыр-шалтыр *звукоподр. шуму при падении громоздких предметов*; ~ карыны греметь, производить шум (с. 786)

шыл-шал туда-сюда; ~ сззьяське туда-сюда шатается (с. 786)

шылык-шалык *звукоподр. звону металлических предметов*; **капказы** ~ усьяське ворота открываются со звонким стуком (с. 786)

шылытыр-шалытыр 1. *звукоподр.* стук-бряк **2.** расхлябанный (с. 786)

шымыр-купыр *нар.-изобр. сл., выражающее съезжившееся, сгорбившееся состояние предмета* согнутый, сгорбленный; **пересь** ~ мынэ старик идёт согнувшись (с. 786)

шымыр-шымыр *нар.-изобр. сл., выражающее морщинистое состояние предмета*; ~ луыны 1) сильно сморщиться 2) перен. бояться, испытывать боязнь; ~ шымыртыны 1) сильно сморщить 2) сильно прижать (с. 787)

шыныыр-шаныыр *см. шуныыр-шаныыр* (с. 787)

шып-шап *звукоподр. звукам падающих капель* кап-кап; **жолобысь** ~ усе из жёлоба каплет «кап-кап» (с. 787)

шыпыр: куазь ~ зоре дождь моросит; **куспазы** ~ верасько они говорят шёпотом (с. 787)

шыпыр-шапыр *звукоподр.* крупным каплям дождя: ~ **зор усе** падают [одиначные] крупные капли дождя (с. 787)

шыпыр-шыпыр **1.** капля за каплей, кап-кап **2.** шёпотом, шепотком (с. 787)

шырк-шарк *звукоподр.* стуку, топоту ног стук-стук, стук-бряк (с. 788)

шытыр-шатыр *звукоподр.* глухому стуку или треску разгрызаемых зёрен; **шырьёс** ~ **потто** мышцы с шумом возятся (с. 789)

шыч-шач **1.** *звукоподр.* ударам прутьями, кнутом **2.** или свисту косы (литовки) при косьбе; **кусоос** ~ **вазё** только слышен свист косы (с. 789)

шычыр-шачыр **1.** *звукоподр.* при ударах прутьями, кнутом; **нёрын** ~ **тырыны** хлестать прутьями **2.** *звукоподр.* свисту косы (литовки) при косьбе (с. 789)

ык-мык: ~ **карыны** **1)** мямлить **2)** заикаться; **маке** ~ **кариз но гуньдйз** он что-то проямлил и замолчал (с. 791)

эльдыр-гельдыр: ~ **ветлыны** *диал.* бродить, бездельничать (с. 800)

юз-кезь *см.* **юзыр-кезыр** (с. 812)

юзыр: ~ **басьтэ** дрожь берёт; мурашки бегают; ~ **ваён** озноб; ~ **вайыны** знобить (с. 813)

юзырак: ~ **луыны** вздрогнуть (с. 813)

юзыр-кезыр: ~ **луыны** знобить, чувствовать озноб; **мугоры (вылтыры)** ~ **луэ** дрожь пробирает всё тело; мурашки по телу (по спине) бегают (с. 813)

юзыр-юзыр *диал.* взъерошенный; ~ **йырси** взъерошенные волосы (с. 813)

ялтырак: ~ **чиляса пиштэ** светит, ярко поблёскивая (*напр. о небесных светилах*) ◊ **вылыз** ~, **пушкыз калтрак** *погов.* сверху блестит, а внутри гниёт; сверху яблоко наливное, а внутри гнило (с. 822)

Научное издание

Алексей Александрович Шибанов

Подражательные слова в удмуртском языке

Монография

Печатается по решению ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН

В авторской редакции

Оригинал-макет и дизайн обложки И. В. Широбоковой

Подписано в печать 14.11.2017. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура тип Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,74. Уч.-изд. л. 11,81.
Тираж 300 экз. Заказ № 180.

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук
426004. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.
Тел. (3412) 68-52-94 Факс (3412) 68-39-94 <http://udnii.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Издательство «Шелест»
426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164.
+7 (904) 317-76-93 +7 (963) 548-51-43
shelest.izd@yandex.ru malotirazhka@mail.ru

бызыр-бызыр

зылыр-зылыр

дымбыр-шалтыр

напыр-напыр

вуш-вуш

йыгыр-йыгыр

калтыр-калтыр

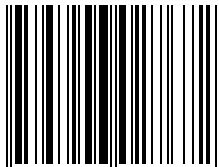
сачак

бабыль-бабыль

такыр

лабыр

ISBN: 978-5-906027-67-2

кот-кот-котйк

брь-брь

меҗыр

резь-куаж

ури-бери

чар

икак-икак

вучак

гебыль-гебыль

лөбырак

пигыль-пигыль